ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ВЛИЯНИЕ НЕУРОЖАЕВ НА НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. Г. ГРОМАНА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
МОСКВА 1927

Ленинградский Гублит № 21105. Тираж 3.070—13 л. Заказ № 1507.

В. Зайцев

Влияние колебаний урожаев на естественное движение населения

Вопрос о зависимости между урожайностью и хлебными ценами, с одной стороны, и рождаемостью, смертностью и брачностью населения— с другой, не мало исследовался как за границей, так и у нас в России. Работы *Кетле*, *Ваннеуса*, *Бертильона* и других показывают, что по крайней мере в Западной Европе повышение урожаев и понижение хлебных цен благоприятно отражаются на естественном движении населения, т.-е. увеличивают рождаемость и брачность и уменьшают смертность. Наоборот. понижение урожаев и повышение хлебных цен неблагоприятно отражаются на естественном движении населения. Для России к таким же выводам пришел *В. Покровский* в своей работе «Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения» [1].

Только что приведенные выводы считаются настолько бесспорными, что, казалось бы, не требуют специального фактического подтверждения. Но поскольку для Западной Европы с преобладающим промышленным населением положительное влияние высоких урожаев и низких хлебных цен на естественное движение населения можно считать достаточно правдоподобным, постольку для России, с преимущественно земледельческим населением, мнение об улучшении движения населения при высоких урожаях и низких ценах может вызвать не мало сомнений. Для подтверждения такого взгляда, очевидно, придется обратиться к анализу накопленного цифрового материала об естественном движении населения. Как уже было указано, такой анализ для России был проделан *В. Покровским*, и вот его основной вывод:

«Незначительные колебания урожаев и цен из года в год не оказывают заметного влияния на естественное движение населения, но сильные повышения урожаев, почти всегда сопровождаемые понижением цен, уменьшают в том же и, еще более, следующем году смертность и повышают рождаемость и естественную прибыль населения.

«За сильным понижением урожаев и поднятием цен следуют в том же, а еще более в следующем году увеличение смертности, уменьшение брачности, рождаемости и естественного прироста населения».

Если обратимся к цифрам, на основании которых *В. Покровский* делает эти выводы, то придется в них очень и очень усомниться.

Вот, например, табличка, которая, казалось бы, с очевидностью показывает параллелизм между изменением хлбных цн и смертностью, а также отчасти рождаемостью и брачностью.

[1] «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны народного хозяйства» Сборник статей под редакцией Постникова и Чупрова.

Периоды	На 100 жителей приходилось случаев в год.		
	Смертей	Рождений	Браков
Период дороговизны 1891 — 1892 г.г. .	3,68	4,64	0,84
Период высоких цен 1880 — 1883 г.г. . .	3,60	4,88	0,93
Период средних цен 1870 — 1879 г.г. . .	3,54	4,91	0,93
Период низких цен 1884 — 1890 г.г. . .	3,34	4,85	0,86
Период очень низких цен 1893 — 1894 г.г.	3,28	4,68	0,88

Действительно, смертность все время падает с уменьшением хлебных цен, но рождаемость сперва повышается, потом начинает падать. И с первого взгляда влияние хлебных цен на смертность очевидно. Но если глубже всмотреться в приведенную табличку, то нетрудно видеть, что периоды более низких цен приходятся на более поздние годы, а известно, что с течением времени, независимо от колебаний урожаев и хлебных цен, а в силу улучшений санитарных условий жизни населения происходит непрерывное уменьшение смертности, и этой-то эволюцией в значительной степени и объясняется низкая смертность в периоды низких цен.

Так же, в силу постепенного улучшения благосостояния населения, уменьшается рождаемость и брачность, и этим, в значительной степени, объясняется противоречие приведенных данных относительно рождаемости и брачности выводам *В. Покровского.*

Следующая табличка показывает, как изменяются во времени коэффициенты рождаемости и смертности.

Годы	На 100 жителей приходилось случаев в год		
	Смертей	Рождений	Браков
1870 — 1874 г.г.	3,63	4,96	0,99
1875 — 1879 г.г.	3,44	4,86	0,87
1880 — 1884 г.г.	3,54	4,90	0,90
1885 — 1889 г.г.	3,30	4,84	0,86
1890 — 1894 г.г.	3,49	4,68	0,85

Хотя с некоторыми колебаниями, объясняемыми колебаниями тех же урожаев, цен, метеорологических условий и т. д., показатели смертности, рождаемости и брачности неуклонно падают.

Но, в сущности, главное подтверждение своим выводам *В. Покровский* видит не в только что приведенных цифрах, а в анализе влияния отдельных урожайных лет на естественное движение населения. Именно, он рассматривает влияние урожаев 1874, 1887, 1893 и 1894 лет и последующего за ними понижения хлебных цен на показатели смертности, рождаемости и брачности.

Урожайный 1874 год оказал некоторое влияние на естественное движение населения. Это видно из следующей таблички:

Годы	На 100 жителей приходилось случаев в год		
	Смертей	Рождений	Браков
1873 г.	3,55	5,10	0,94
1874 г.	3,42	5,00	0,96
1875 г.	3,33	5,01	0,94

Как видно, смертность действительно упала как в самый урожайный 1874 год, так и в следующий за ним 1875 г.; брачность повысилась на 2% в самый урожайный 1874 г., но в следующем за ним опять упала. Наконец, рождаемость не только не повысилась, а довольно значительно понизилась за оба года.

Но, анализируя изменения показателей естественного движения населения, *В. Покровский* все же видит положительное влияние урожайного 1874 года. Именно в 1875 году по сравнению с 1874 из 50 губерний Европейской России:

рождаемость увеличилась . . . . . в 33 губерниях,
смертность уменьшилась . . . . . » 38 »
брачность увеличилась . . . . . » 29 »

Урожайный 1887 год оказал следующее влияние на естественное движение населения:

Годы	На 100 жителей приходилось случаев в год		
	Смертей	Рождений	Браков
1886 г.	3,20	4,78	0,83
1887 г.	3,26	4,81	0,86
1888 г.	3,21	4,96	0,94

Против 1886 года смертность 1887 г. не только не понизилась, но даже несколько повысилась (менее чем на 2%), чтобы в следующем году опять упасть почти до того же уровня. Рождаемость и брачность действительно возросли.

Наконец, урожай 1893 года следующим образом отразился на показателях естественного движения населения:

Годы	На 100 жителей приходилось случаев в год		
	Смертей	Рождений	Браков
1893 г.	3,30	4,68	0,86
1894 г.	3,27	4,69	0,91

Здесь мы видим ничтожное понижение смертности (менее чем на 1%) и значительное повышение брачности. Рождаемость осталась почти без изменения.

Что касается 1895 г., в котором должно было отразиться влияние обильного урожая 1894 года, то *В. Покровский* еще не мог иметь в то время общерусских данных. Поэтому ему приходится ограничиться рассмотрением лишь данных по 33 губерниям. Оказывается, что в 1895 году по сравнению с 1894 годом:

смертность понижена	в 15	**губерниях**
рождаемость повышена	» 22	»
брачность повышена	» 10	»

В результате этих цифр *В. Покровский* должен притти к следующему заключению: «Итак, нельзя не признать, что 1895 год по отношению к движению населения выше среднего в ряду годов, начиная с 1870 года и уступает в том же отношении 1894 году».

К приведенным данным необходимо прибавить влияние урожая 1870 года на естественное движение населения, почему-то совершенно опущенное *В. Покровским*. Это влияние видно из следующих цифр:

Годы	На 100 жителей приходилось случаев в год		
	Смертей	Рождений	Браков
1869 г.	3,70	4,71	0,98
1870 г.	3,43	4,82	1,01
1871 г.	3,72	4,94	1,00

Год самого урожая действительно понижает смертность, но зато в следующем после урожая году она повышается почти на 8,5%. Рождаемость действительно возрастает, а брачность дает некоторое повышение в самый год урожая.

Что же мы имеем в результате? Смертность в следующем после урожая году уменьшилась: в 1875 г. на 2,6%, в 1887 г. на 1,5% и в 1893 г. на 0,9%, и увеличилась в 1871 г. на 8,5%, да 1895 год дает значительное повышение.

Итак, после трех урожайных лет мы имеем ничтожное уменьшение смертности, после двух лет значительное увеличение ее. Говорить после этого о благоприятном влиянии значительных урожаев на смертность по меньшей мере рискованно. Скорее приведенные цифры говорят за обратный вывод — именно о неблагоприятном влиянии повышения урожаев на смертность. Этот вывод станет еще более вероятным, если принять во внимание ,что смертность с течением времени уменьшается, а в силу этого смертность, скажем, в 1894 г. по сравнению с 1893 годом должна быть меньше, и в большей степени меньше, чем это есть в действительности. Поэтому, то некоторое уменьшение смертности после трех урожайных лет придется отнести не столько на счет урожая, сколько на счет вполне понятной эволюции смертности. Что касается рождаемости, то цифры подтверждают вывод *В. Покровского* в четырех годах (вернее в трех, ибо 1894 дает самое ничтожное повышение рождаемости) и противоречат в одном году. Относительно брачности, подтверждение выводов видно в двух годах, противоречие тоже в двух и один год в сущности не дает никакого ответа.

Таким образом, вывод *В. Покровского* о благоприятном влиянии общерусских высоких урожаев на общерусскую смертность, рождаемость и брачность приводимыми им цифрами не подтверждается. Приводимые им цифры как рассмотренные нами, так и другие, не говорят ни за его вывод, ни против него. И можно было бы думать, что высокий урожай почти не отражается на естественном движении населения.

Но между тем влияние такого огромного по своему значению для русского народного хозяйства факта, каким является высокий урожай, не может остаться бесследным и для смертности, рождаемости и брачности населения. Все дело, очевидно, не в отсутствии или ничтожности влияния, а в недостаточности того метода, с которым подошел *В. Покровский* к изучению столь сложного явления, каким является естественное движение населения. Он старался на отдельных, выдающихся годах обнаружить какую-либо закономерность. и, казалось, находил ее, но находил, как мы видели, необоснованно — одни годы подтверждали его вывод, другие ему противоречили, а совокупность их не дает возможности сделать тот или иной вывод.

Дело в том, — что если урожай и влияет на естественное движение населения. то это фактор не единственный и, возможно, не основной. Если взять смертность, то и метеорологические условия года, и рождаемость в том же году и в предшествующие годы, смертность в предшествующие годы, развитие эпидемий в тех случаях, когда это происходит без влияния неурожаев и т. д. — все это может в большей или меньшей степени увеличивать или уменьшать смертность. И если, положим, высокий урожай при прочих равных условиях в следующем году уменьшает смертность, то все же прочие факторы могут скомбинироваться так (окажутся неблагоприятные метеорологические условия, повышенная

рождаемость и т. д.), что смертность будет в значительной степени выше ряда соседних годов. Конечно, может случиться и благоприятная комбинация прочих факторов, — и смертность может еще более понизиться. В результате, число лет с повышенной смертностью (в особенности при столь небольшом числе наблюдений, с каким приходится оперировать в этих вопросах) может оказаться приблизительно таким же, а может быть и бо́льшим, чем в прочих случаях. И, таким образом, определенного вывода может и не получиться. Но если взять средние величины смертности после лет с низким урожаем, с средним урожаем, с высоким урожаем и сравнить их, то тут результат выявится уже более резко, и сделать определенный, обоснованный вывод не составит большого труда.

Действительно, если вообще в изучаемом периоде чаще встречается неблагоприятная комбинация факторов, чем благоприятная, то в случае несвязанности их какими-либо причинными связями с величиной урожайности, эти комбинации будут одинаково часто встречаться и после урожайных лет и после неурожайных. Правда, при малом числе наблюдений легко может оказаться, что неблагоприятные комбинации факторов смертности придутся на годы, непосредственно следующие за урожайными, а наоборот, главным образом, благоприятные комбинации факторов смертности придутся на годы, непосредственно следующие за неурожайными. Но математическая статистика дает возможность учесть такие случайные подборы комбинаций прочих факторов путем вычисления вероятных ошибок. Пусть мы сравниваем смертность после урожайных лет со смертностью после лет со средним урожаем. Тогда, если окажется, что после урожайных лет смертность по сравнению с ее вероятной ошибкой значительно выше или ниже, чем после лет со средним урожаем — то требуемый результат налицо.

В противном случае, к исследованию придется применять дополнительные, более тонкие методы.

Совсем иначе будет обстоять дело в том случае, когда урожайность причинно связана с прочими факторами естественного движения населе-
я и именно, когда величина урожая и еще какие-либо иные факторы естественного движения населения зависят от общих причин. В этом случае придется утончать исследование, постепенно исключая такие причинно-родственные факторы по отношению к урожаю.

На некоторые группы факторов такого характера можно указать и заранее. Если проследить изменения урожайности во времени, то нетрудно видеть, как она медленно и с большими колебаниями постепенно растет. Этот рост урожайности есть следствие очень многих причин, отчасти увеличивающейся культурности крестьянского населения, отчасти технических усовершенствований земледелия и т. д. Если смертность, рождаемость и брачность измерять числом случаев соответствующего явления, приходящимся на 1.000 населения в год, то, как мы уже видели, да, это—общеизвестно—смертность, рождаемость и брачность все время понижаются. Опять здесь главнейшая причина — повышение культурности населения. А поэтому, если бы мы стали за более или менее продолжительный период времени изучать влияние урожаев на естественное движение населения, то не исключивши указанную связь, мы без труда смогли бы подтвердить вывод *В. Покровского* относительно смертности. Действительно, группируя годы по величине урожайности, мы в годы с высокой урожайностью отобрали бы преимущественно последние годы периода, в который, как указано выше, смертность значительно понижена;

в годы с низкой урожайностью попали бы преимущественно первые годы периода с высокой смертностью. Таким образом, и средние величины оказались бы в первом случае значительно ниже, чем во втором.

Таким же точно способом можно было бы без труда опровергнуть выводы *В. Покровского* относительно рождаемости и брачности. Но, очевидно, всем этим подтверждениям и опровержениям грош цена. Все эти выводы происходят лишь потому, что и урожай и естественное движение населения эволюционируют под влиянием общих причин и в силу этого тесно связаны друг с другом.

Ограничившись пока этими методологическими замечаниями, обратимся к тому материалу, который может быть положен в основу изучения естественного движения населения.

Сколько-нибудь удовлетворительная статистика естественного движения населения в России ведется с 1868 года—с года, к которому относится начало печатания специального издания Центрального Статистического Комитета: «Движение населения за такой-то год», где начали публиковаться подробные данные о естественном движении населения Европейской России.

Это издание доведено до 1909 года, но и после него имеются общие (по предварительным данным) показатели естественного движения населения, кончающиеся 1913 годом. Если откинуть первые три года этого периода, за которые данные о смертности и рождаемости еще не могли быть достаточно удовлетворительными, то все же с 1871 по 1913 год, т.-е. за 43 года, имеется большой удовлетворительный материал, который и может быть положен в основу исследования влияния урожаев на естественное движение населения.

Что касается данных об урожаях, то они имеются за еще больший период, так что с этой стороны никакой помехи к выполнению исследования за указанный период не встречается.

Конечно, кроме этого основного материала можно использовать для побочных целей и данные за более ранние годы, но к выводам, полученным на основании этих старых материалов, придется относиться с большой осторожностью.

Первым вопросом, какой должен встать перед нашим исследованием, является вопрос об единицах, в которых следует производить измерение урожая, смертности, рождаемости и брачности.

Урожайность можно измерять и в «самах», и в пудах с десятины, и в валовом сборе на душу населения и т. д. Для своей работы, ради единообразия с другими работами, производимыми в Институте Научной Методологии, о влиянии колебаний урожаев на народное хозяйство, мы пользуемся данными об урожайности, выраженными в «самах» [1]. По существу, наиболее подходящей для нас величиной должен бы быть валовой сбор всех хлебов на одну душу населения или еще лучше — валовой сбор за вычетом семян на душу населения. Но разница в колебаниях обоих показателей (т.-е. валового сбора и урожая «сам») не велика, а потому мы в праве взять за показатель урожайности «урожай-сам». Тем более, что показатели «урожай-сам» имеются за весь исследуемый промежуток времени, а показатели валового сбора — только начиная с 1883 года.

[1] Когда уже большая часть вычислительных работ была проделана, В. М. Обуховым были собраны и обработаны материалы также и об урожайности в пудах с десятины и об остатке хлебов на 1 душу населения. Использовать эти материалы не представлялось возможным, с одной стороны, по указанной выше причине, а с другой—потому, что они начинались лишь с 1883 года.

Строить исследование на абсолютных показателях урожайности, как мы уж видели, не представляется возможным, ввиду связанности урожайности с естественным движением населения. Поэтому придется взять отклонение урожайности от некоторого эволюционного уровня, который бы изолировал изменения во всех бытовых и культурных условиях жизни населения, какие происходят одновременно с повышением урожая. Правда, до некоторой степени эти изменения могут быть следствием повышения урожая, и, таким образом, влияние изменений урожая может быть учтено не полностью. Но большой беды в этом нет. Подобные эволюции происходят не под влиянием отдельных лет, они результат медленного повышения благосостояния населения, которое в значительной части зависит и от урожайности.

В нашу задачу не входит изучение этих медленных изменений и их причин во всей их сложности. Нас пока интересуют влияния колебаний отдельных лет. Изучив их, мы сможем в дальнейшем перейти и к изучению эволюции.

Таким образом, урожайность мы измеряем в отклонениях от некоторого уровня. Точно этого уровня мы не знаем и едва ли когда-либо узнаем. Но без большой ошибки за такой уровень можно принять прямую линию, которая подходила бы наиболее близко к наблюденным цифрам [1]. Согласно теории вероятностей это будет прямая, найденная по методу наименьших квадратов. Она в сущности укажет на главнейший факт — именно на повышение урожайности. Взяв отклонения от этой прямой и выразив их в процентах к «нормальному» уровню данного года, мы тем самым изолируем повышение урожайности. Таким образом, мы получаем показатели урожайности, которые для краткости назовем индексами урожайности. Самый ход вычисления индексов урожайности виден в таблице. (Приложение 1, стр. 53.)

Из тех же соображений и подобным же образом мы вычислим и индексы смертности, рождаемости и брачности. Эти вычисления произведены в таблицах. (Приложения 2, 3 и 4, стр. 54—56.)

Влияние колебаний урожая едва ли сможет сказаться только в ближайший год после урожая: оно, по всей вероятности, захватит и ряд следующих лет, хотя бы по той причине, что вызываемые улучшением или ухудшением питания (каковые вполне понятно предполагать в результате изменений урожая) изменения в организме смогут сказаться на смертности не столько в том же году, сколько несколько лет спустя. Поэтому в дальнейшем мы будем учитывать влияние колебаний урожая в течение по крайней мере четырех — пяти следующих за ним лет.

Обращаемся теперь к анализу полученных результатов. Остановимся прежде всего и подробнее всего на смертности.

В нижеследующих таблицах дается общая сводка влияния колебаний общерусского урожая на общую смертность населения Европейской России.

Как видим из этих таблиц, колебание урожайности, смертности и брачности достигает значительных размеров. Рождаемость колеблется в гораздо меньшей степени.

Наиболее урожайным годом оказывается 1893 с индексом урожайности +20,6. Наибольший неурожай наблюдается в 1891 году с индексом

[1] Точнее для урожая брать параболу второй степени, как то следует из работ Б. С. Ястремского, В. М. Обухова и других. Получаемая при этом парабола очень мало отличается от прямой.

урожайности — 29,0. Среднее квадратичное отклонение индекса урожайности равно 13,1.

Смертность дает максимум в 1892 году + 26,8 и минимум в 1886 г. с индексом—9,3. Среднее квадратичное отклонение для смертности равно 6,4. Рождаемость и брачность обнаруживают своеобразные изменения в военные и послевоенные годы (война 1877 года и 1904 года).

Сопоставляя все показатели вместе, получаем следующую таблицу:

Таблица № 1

Годы	Средний индекс			
	Урожайности	Смертности	Рождаемости	Брачности
1871	— 5,1	+ 0,5	+ 0,7	+ 9,5
1872	+ 3,5	+ 8,3	— 0,4	+ 11,5
1873	+ 4,0	— 2,4	+ 3,5	+ 3,2
1874	+ 13,0	— 3,8	+ 1,7	+ 4,6
1875	— 12,9	— 6,0	+ 2,0	+ 3,9
1876	— 2,0	— 5,2	+ 0,5	— 9,8
1877	+ 7,3	— 5,8	— 1,4	— 25
1878	+ 12,0	+ 5,8	— 5,9	— 0,9
1879	— 6,9	— 3,1	— 0,6	+ 9,3
1880	— 11,0	— 0,8	— 1,4	+ 2,9
1881	+ 14,0	— 6,5	— 2,8	+ 4,9
1882	+ 2,9	+ 11,9	+ 2,4	+ 1,8
1883	— 4,5	+ 5,1	0.0	+ 2,8
1884	+ 0,5	— 6.0	+ 1,8	— 4,1
1885	— 15,5	+ 0,3	— 0,8	— 6,7
1886	— 2,1	— 9,3	— 1,7	— 8,0
1887	+ 10,4	— 5,8	— 0,7	— 2,1
1888	+ 5,4	— 5,0	+ 3,1	+ 6,6
1889	— 18,9	+ 2.1	+ 1,0	— 3,1
1890	— 8,8	+ 6,2	— 0,4	— 7,5
1891	— 29,0	+ 3,6	+ 1,8	— 4,7
1892	— 13.6	+ 26,8	— 7,2	— 1,1
1893	+ 20,6	+ 0,3	— 2,2	— 1,7
1894	+ 20,3	+ 4,0	— 1,2	+ 4,7
1895	+ 5,9	+ 7,7	+ 0,9	+ 2,9
1896	+ 4,8	+ 1,5	+ 1,7	— 2,2
1897	— 15,1	+ 2,2	+ 2,0	+ 2,4
1898	— 2,9	+ 3,8	— 0,5	— 2,3
1899	+ 9,3	— 2,2	+ 1,4	+ 5,2
1900	+ 0,6	— 1,3	+ 2,2	+ 1,2
1901	— 18,9	+ 2,6	0.0	— 1,0
1902	+ 13,8	+ 3,2	+ 2,9	— 0,2
1903	+ 1,8	— 2,9	+ 1,5	+ 3,4
1904	+ 18,8	— 2,3	+ 3,5	— 10,5
1905	— 6,9	+ 2,3	— 3,5	— 9,8
1906	— 22,9	— 1,0	+ 1,2	+ 14,2
1907	— 7,7	— 5,3	+ 2,9	+ 7,6
1908	— 5,4	— 5,0	— 2,1	— 3,2
1909	+ 17,7	— 0,3	— 1,5	— 3,0
1910	+ 8,3	+ 7,1	— 0,5	— 2,9
1911	— 23,8	— 6,2	— 0,9	— 1,7
1912	+ 13,2	— 8,6	— 2,3	— 3,5
1913	+ 21,6	— 4,9	+ 0,7	+ 8,0

Уловить в этой таблице какую-нибудь связь между размерами урожаев, с одной стороны, и смертностью, брачностью и рождаемостью — с другой, конечно, невозможно. Для того, чтобы эта связь выявилась, надо все годы сгруппировать в несколько групп по величине урожайности и для каждой группы определить средние индексы движения населения.

Средний индекс смертности всего населения Европейской России и его вероятная ошибка при общерусской урожайности

Год по отношению к году урожая	Высокий (урожайный индекс более + 15)	Вышесредний (урожайный индекс от + 15 до + 5)	Средний (урожайный индекс от + 5 до — 5)	Нижесредний (урожайный индекс от — 5 до — 15)	Низкий (урожайный индекс менее — 15)
1	2	3	4	5	6
— 1	+ 2,12 ± 3,81	— 2,31 ± 0,88	+ 1,83 ± 1,16	— 0,50 ± 0,87	+ 0,69 ± 1,20
0	— 0,64 ± 0,90	— 1,26 ± 1,17	+ 0,32 ± 1,25	+ 1,73 ± 2,12	— 0,11 ± 0,80
1	+ 5,03 ± 0,91	— 0,74 ± 1,10	— 2,05 ± 0,69	— 0,73 ± 0,99	+ 2,40 ± 2,93
2	+ 0,50 ± 1,69	— 0,62 ± 0,94	— 1,45 ± 0,95	+ 3,28 ± 2,29	— 2,41 ± 0,80
3	— 3,42 ± 1,34	— 0,59 ± 1,00	— 2,77 ± 0,71	+ 2,54 ± 1,36	+ 3,65 ± 2,93
4	— 2,08 ± 1,20	+ 3,98 ± 2,15	— 2,85 ± 0,87	— 2,18 ± 1,04	+ 3,68 ± 0,75
5	+ 0,43 ± 0,97	+ 2,53 ± 2,33	— 1,33 ± 0,90	— 1,40 ± 1,21	+ 1,28 ± 1,10

Эта табличка получена следующим образом. Взяты годы, для которых индекс урожайности заключается в данных, указанных в заголовке таблицы пределах (например, годы с урож. индексом + 5 — 5), и для этих лет найден средний индекс смертности (во взятом примере он равен + 0,32). Взята также группа лет, предшествующих указанным выше годами, и для них найден средний индекс смертности (во взятом примере это + 1,83). Таким же образом поступлено с годами, непосредственно следующими за взятыми в основу урожайности годами, следующими через 1 год, через 2 года и т. д. Для каждого среднего индекса была найдена вероятная ошибка [1].

Просматривая эту таблицу, мы, во-первых, замечаем сравнительно небольшие колебания индексов смертности. Самый большой индекс смертности равен + 5,03, самый малый — 3,42, так что диапазон колеба-

[1] Вероятная ошибка вычислялась по формуле

$$E = 0{,}6745 \frac{\sqrt{\Sigma\, \delta^2}}{n}$$

где δ — отклонение индексов каждого года данной группы от среднего индекса этой группы, а n — число лет в группе. Эта приближенная формула взята для упрощения вычислений.

ний равен 8,45, тогда как соответствующие группы урожайности колеблются, по крайней мере от + 15 до — +, т.-е. с диапазоном более 30. Уже это одно заставляет нас сделать вывод, что общерусский урожай вовсе не такой главнейший фактор смертности, каким его считают некоторые исследователи. Но все же влияние его обнаруживается достаточно ясно.

Рассмотрим теперь, какая существует связь между размерами урожая и смертностью ближайших к нему лет.

В годы, предшествующие годам урожая (табл. № 1) смертность колеблется сравнительно сильно. Наибольший индекс равен + 2,12, а наименьший — 2,31. При этом колебания эти носят совершенно неправильный характер. Если обратиться к вероятным ошибкам, то увидим, что только одна величина по абсолютной величине существенно превышает свою вероятную ошибку, остальные же или лежат в пределах вероятных ошибок (3 случая), или незначительно выходят за их пределы. Это заставляет нас сделать тот вывод, что существенной связи между урожайностью последующего года и смертностью предшествующего не обнаруживается. Общая совокупность цифр показывает, что если и есть какая-либо связь, то она 1) мала и 2) направлена в сторону уменьшения смертности при увеличении урожая.

На первый взгляд казалось бы странным, как можно ставить этот вопрос, ибо урожайность какого-либо года не может влиять на смертность предшествующего ему года, поскольку последующее событие никогда не может быть причиной предшествующего. Но ясно, что здесь речь идет не о причинном влиянии урожайности на предшествующую ему смертность, а о коррелятивной связи этих двух явлений. А такую связь, по крайней мере à priori, предполагать вполне возможно.

Действительно, как мы увидим в дальнейшем, на общую смертность (преимущественно детскую) огромное влияние оказывают метеорологические условия года, которые в свою очередь оказывают влияние и на урожай следующего года. Таким образом, такая связь возможна. Если ее не оказаось или она оказалась ничтожной, то это может указывать лишь на различное влияние указанных факторов в отдельных местах России.

В самый год урожая индекс смертности колеблется значительно менее. Самый большой индекс равен + 1,73, самый малый — 1,26. При этом все колебания эти не выходят за пределы вероятных ошибок (только при вышесреднем урожае индекс по абсолютной величине ничтожно больше вероятной ошибки, что, конечно, для нашего вывода ни малейшего значения не имеет).

Таким образом, вопреки выводу *В. Покровского*, мы из приведенных цифр заключаем, что *никакого заметного влияния общероссийского урожая на общую смертность* населения Европейской России *в том же году не обнаруживается.*

Этим мы не хотим сказать, что влияние урожая в том же году не обнаруживается на отдельных возрастах, или на отдельных занятиях, или в отдельных местностях и так далее, но, еще раз повторяем, на общую смертность всей Европейской России урожай того же года заметного влияния не оказывает.

Совсем иначе обнаруживается эта связь в следующих после урожая годах. Здесь наибольший индекс смертности равен + 5,03, наименьший — 2,05. Рассмотрим подробнее, как связана смертность с размерами урожая предшествующего года. Чтобы рельефнее была видна эта зависимость, выпишем отдельно относящиеся сюда цифры:

Величина урожая	Средний индекс смертности следующего за урожаем года	Насколько больше (+) или меньше (—) индекса смертности при среднем урожае
Высокий	+ 5,03 ± 0,91	+ 7,08 ± 1,14
Вышесредний	— 0,74 ± 1,10	+ 1,31 ± 1,30
Средний	— 2,05 ± 0,69	0,00
Нижесредний	— 0,73 ± 0,99	+ 1,32 ± 1,21
Низкий	+ 2,40 ± 2,93	+ 4,45 ± 3,01

Мы видим, что наибольшей величины индекс смертности достигает после наиболее высокого урожая. Затем, по мере уменьшения урожая, смертность падает, достигает минимума при среднем урожае и опять начинает расти по мере уменьшения урожая. Это изменение выражено достаточно ярко, оно далеко выходит за пределы вероятных ошибок. Наиболее ясно выражено значительное повышение смертности после хорошего урожая. Индекс смертности (+ 5,03) в этом случае в 5,5 раз превышает свою вероятную ошибку (0,91), так что ни о какой случайности здесь речи быть не может. Скорее, приведенные цифры дают возможность сомневаться в повышении смертности после неурожая, так как здесь индекс меньше вероятной ошибки. Но и здесь, если взять отклонение от смертности при среднем урожае, повышение смертности выявится достаточно ясно.

Таким образом, мы можем считать прочно установленным тот факт, что в следующем после урожая году общая смертность достигает наименьшей величины при среднем урожае, а с увеличением или с уменьшением урожая против среднего общая смертность повышается.

При этом наиболее прочно установленным можно считать значительное повышение общей смертности на следующий год после хороших общерусских урожаев. Установив этот факт, мы пока не затрагиваем причин его. Есть ли это увеличение смертности результат повышения рождаемости в следующем после хорошего урожая году, или здесь оказывает влияние изменение в распределении рождений по временам года, или изнашивание организма вследствие усиленного труда при сборе урожая, или понижение благосостояния крестьянского населения благодаря низким ценам и т. д., — эти вопросы нас пока не интересуют. Ими мы займемся в дальнейшем, а пока обратимся к рассмотрению влияния урожаев в следующие годы.

Второй год после урожая обнаруживает меньшие, но все же значительные колебания. Индекс смертности изменяется в пределах + 3,28 до — 2,41, но изменяется весьма и весьма неправильно. Например, совсем странным и непонятным кажется низкая смертность на второй после низкого урожая год, достигающая — 2,41 с вероятной ошибкой втрое меньшей (0,80). Таким образом, случайным этот результат считать не приходится. Непонятно это явление еще и потому, что рядом нижесредний урожай дает гораздо больший индекс + 3,28, правда, с большой вероятной ошибкой (2,29). В остальных случаях индексы значительно ниже и почти не выходят за пределы вероятных ошибок. Таким образом,

для второго после урожая года определенного вывода сделать нельзя. Скорее всего к этому году влияние урожаев заметно ослабевает, чтобы с большей силой сказаться вновь на третьем после урожая году, но уже в другом направлении.

В третьем после урожая году колебания индекса смертности почти столь же велики, как и в первом. Наибольший индекс достигает величины ± 3,65, наименьший — 3,42. Характер влияния урожая на третьем году рельефнее виден в нижеследующей табличке:

Величина урожая	Средний индекс смертности на третьем после урожая году
Высокий	— 3,42 ± 1,34
Вышесредний	— 0,59 ± 1,00
Средний	— 2,77 ± 0,71
Нижесредний	+ 2,54 ± 1,36
Низкий	+ 3,65 ± 2,93

Цифры обнаруживают некоторую правильность. С небольшими скачками смертность увеличивается с ухудшением урожая и уменьшается с его улучшением. Это изменение выходит за пределы вероятных ошибок, несмотря на то, что они достаточно велики. Поэтому мы в праве сделать такой вывод:

На третьем после урожая году смертность увеличивается с понижением урожая и уменьшается с его повышением.

Итак, вот только когда обнаруживается тот факт, которого тщетно искал *В. Покровский* и другие в непосредственно следующие за урожаем годы.

В четвертый после урожая год индекс смертности колеблется лишь в немного меньших пределах. Наибольший индекс достигает + 3,98, наименьший — 2,85. Но колебания эти неправильны, и неправильны преимущественно благодаря большим вероятным ошибкам. Поэтому для этого года мы никакого положительного вывода сделать не сможем. Только не подлежит никакому сомнению значительное повышение смертности после низкого урожая. Наконец, в пятом после урожая году индекс смертности обнаруживает меньшие колебания: от + 2,53 до — 1,40, притом почти не выходящие за пределы вероятных ошибок. В этом году влияние урожая уже сходит на нет. Если взять следующие годы (6 и 7), то хотя там колебания подчас достигают весьма значительных размеров, но еще больших размеров достигают вероятные ошибки. Таким образом, заметного влияния урожая в эти годы уже нет.

Насколько вообще велико влияние урожая на смертность? Величину связи принято обычно мерить корреляционными отношениями. Если корреляционное отношение равно 0, то и связи между двумя величинами нет. Если же корреляционное отношение равно 1, то между величинами существует полная функциональная зависимость. В разные годы влияние урожая на смертность характеризуется следующими цифрами:

Год по отношению к году урожайности	Корреляционные отношения
0	0,04 ± 0,10
1	0,12 ± 0,09
2	0,10 ± 0,09
3	0,13 ± 0,09
4	0,15 ± 0,08
5	0,08 ± 0,10

Как видим, корреляционные отношения сравнительно малы: они не превышают 0,15 при относительно больших вероятных ошибках. Отсюда мы можем сделать вывод, что размер урожая только одного года на смертность влияет не сильно. Только совокупность урожаев ряда смежных лет может явиться значительным фактором смертности.

Постараемся же найти уравнение, определяющее совокупное влияние урожаев ряда предшествующих лет на смертность данного года. Это тем более необходимо, что во многих случаях мы не могли сделать определенного вывода или делали лишь примерный вывод благодаря слишком большим вероятным ошибкам. Составление уравнения регрессии поможет нам и для этих случаев притти к более определенному выводу.

Только что приведенные величины корреляционных отношений урожаев и смертности показывают, что необходимо взять только четыре предшествующих года. Урожай того же года существенного значения не имеет; так же не существенны более ранние годы.

Для года, непосредственно предшествующего году смертности, придется взять формулу второй степени, потому что изменение индекса смертности имеет один минимум. Для остальных лет, ввиду того, что характер кривых для них выявлен недостаточно рельефно, мы ограничимся линейными выражениями.

Таким образом, если через y мы обозначим индекс смертности какого-либо года, через x_1 индекс урожая непосредственно предшествующего года, через x_2, x_3 и x_4 индексы урожайности лет, соответственно на 2, 3 и 4 более ранних года, чем взят год смертности, то общая формула зависимости смертности от урожая примет следующий вид:

$$y = a_1 x_1 + b_1 x_1^2 + a_2 x_2 + a_3 x_3 + a_4 x_4 + a_0 \qquad (1)$$

где a_1, b_1, a_2, a_3, a_4 и a_0 — коэффициенты.

Как известно, подобная формула только тогда будет давать наиболее близкие к наблюденным результаты, когда числовые значения входящих в нее коэффициентов будут найдены по способу наименьших квадратов.

В результате соответствующих вычислений получилось следующее уравнение, связывающее индекс смертности с индексами урожаев четырех предшествующих лет:

$$y = -0{,}0028x_1 + 0{,}0129x_1^2 + 0{,}076x_2 - 0{,}154x_3 + 0{,}053x_4 - 1{,}996. \qquad (2)$$

Вычисление вероятных ошибок отдельных коэффициентов дало следующие результаты:

$$a = -0{,}0028 \pm 0{,}049; \quad b = 0{,}0129 \pm 0{,}0032; \quad a_2 = 0{,}076 \pm 0{,}048;$$
$$a_3 = -0{,}154 \pm 0{,}049; \quad a_4 = 0{,}053 \pm 0{,}053; \quad a_0 = -1{,}996 \pm 0{,}80. \qquad (3)$$

Отсюда мы видим, что при x_1 близких к нулю, т.-е., когда x_2 еще недостаточно велико по сравнению с x_1, формула (2) недостаточно пригодна, ибо вероятная ошибка коэффициента при x_1 в первой степени очень велика, превышая его почти в 10 раз. Но в параболическом характере связи смертности и размера урожая предшествующего года, т.-е. увеличения смертности по мере отклонения от среднего урожая, едва ли могут быть сомнения. Это видно из того, что вероятная ошибка коэффициента при x^2_1 гораздо меньше этого коэффициента. Достаточно точен и коэффициент при x_3. Менее точен коэффициент при x_2 и особенно при x_4. Таким образом является несомненным общий харатер изменения смертности под влиянием урожая предшествующего года, хотя при небольших колебаний урожая приведенная формула недостаточно точна; достаточно точно выражено влияние урожая через три года и мало точно через четыре года. В этом последнем случае даже может вызвать сомнение сам факт возрастания смертности при возрастании урожая.

Мы раньше видели, что влияние урожая каждого отдельного года на смертность весьма невелико. Но сейчас, если сравнить средний квадрат отклонения смертности от средней нормы за 43 года и средний квадрат отклонений от норм, вычисленных по формуле (2), то отношение второго квадрата к первому будет равно только 67,3%. Итак, 32,7+ всех колебаний смертности объясняются причинами, не связанными с урожаями четырех предшествующих лет. Остановимся на анализе полученного уравнения. Посмотрим, какое действие на смертность оказывает урожай предшествующего года. Для этого x_2, x_3 и x_4 придется дать некоторые постоянные значения, а x_1 изменять. Тогда зависимость между x_1 и y будет достаточно ясна. Для простоты возьмем $x_2 = x_3 = x_4 = 0$, т.-е., мы предполагаем, что урожаи предшествующих лет в точности равнялись норме. Тогда получим:

$$y = + 0.0028\ x_1 + 0{,}0126\ x_1^2 - 1{,}996. \qquad (4)$$

Уже из этой формулы нетрудно видеть, что при x_1 близком к нулю y имеет наименьшее значение, а, с возрастанием и с убыванием x_1, y быстро увеличивается. Более точные вычисления показывают, что y имеет минимум при $x_1 = + 0{,}11$, что практически не отличается от 0. Для большей наглядности изобразим влияние урожая на смертность последующего года в виде следующей диаграммы:

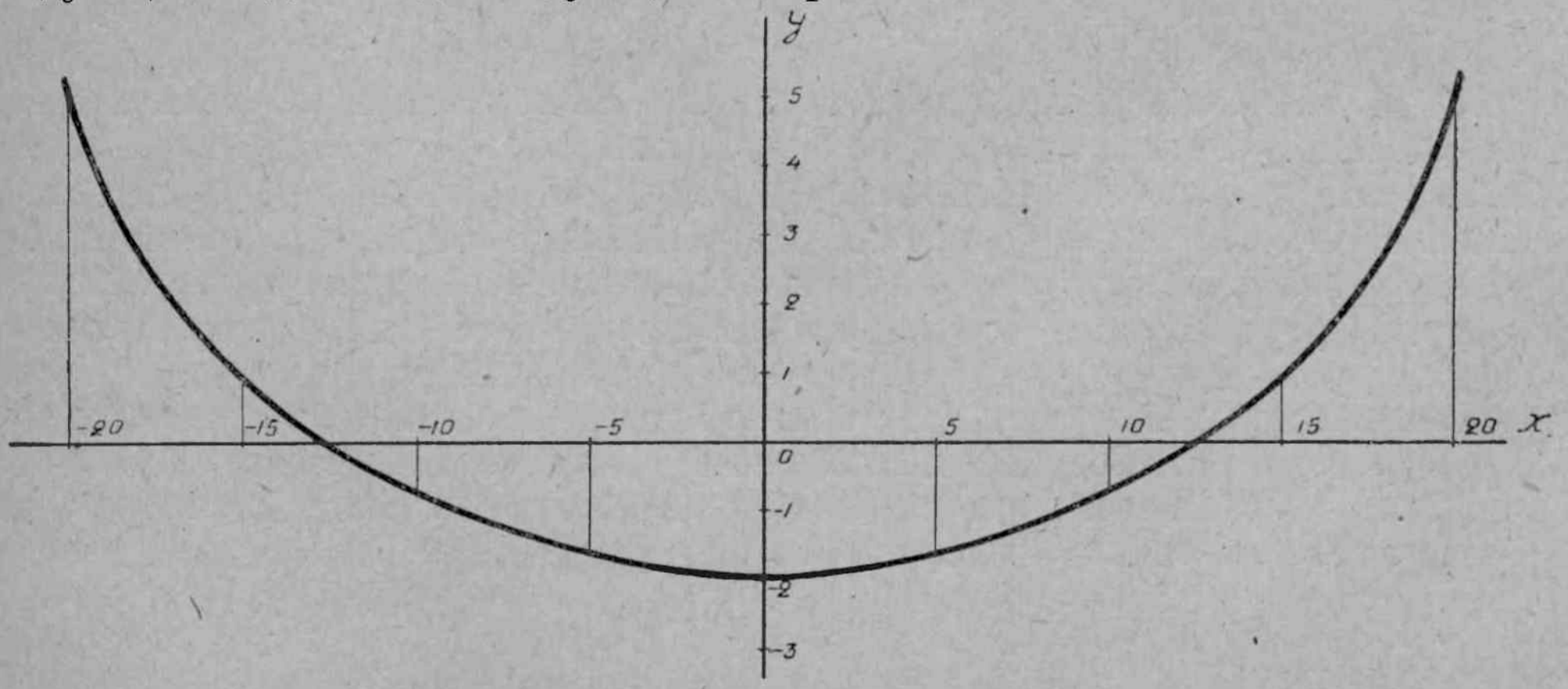


Диаграмма построена на основании следующих чисел, вычисленных по приведенной выше формуле (4).

Таблица № 2

Индекс урожайности (отклонение от нормы в %%)	Индекс смертности (отклонение от нормы в %%)	Индекс урожайности (отклонение от нормы в %%)	Индекс смертности (отклонение от нормы в %%)
— 20	+ 3,22	0	— 2,00
— 19	+ 2,71	1	— 1,99
— 18	+ 2,23	2	— 1,95
— 17	+ 1,78	3	— 1,89
— 16	+ 1,35	4	— 1,80
— 15	+ 0,95	5	— 1,69
— 14	+ 0,57	6	— 1,55
— 13	+ 0,22	7	— 1,38
— 12	— 0,11	8	— 1,19
— 11	— 0,40	9	— 0,98
— 10	— 0,68	10	— 0,73
— 9	— 0,93	11	— 0,47
— 8	— 1,15	12	— 0,17
— 7	— 1,34	13	+ 0,15
— 6	— 1,52	14	+ 0,49
— 5	— 1,66	15	+ 0,87
— 4	— 1,78	16	+ 1,26
— 3	— 1,87	17	+ 1,68
— 2	— 1,94	18	+ 2,13
— 1	— 1,98	19	+ 2,61
		20	+ 3,10

И диаграмма и таблица ясно показывают, что при небольших отклонениях урожая от нормы, не превышающих 5—10%, смертность повышается весьма незначительно — самое большое на 1,3% годовой нормы. Но чем дальше отклоняется урожайность от нормы, тем сильнее повышается смертность. Так, при отклонении урожайности на 20%, смертность увеличивается против минимальной нормы на 5%; при отклонении урожайности на 30%, смертность увеличивается на 11,5%; при отклонении урожайности на 50%, смертность увеличивается на 32% и т. д

Перейдем к рассмотрению влияния урожая на смертность два года спустя. Положив для простоты, как и в предшествовавшем случае $x_3 = x_4 = o$, а также $x_1 = o$ получим:

$$y = + 0{,}076,\ x_2 - 1{,}996. \qquad (5)$$

Здесь с увеличением урожайности увеличивается и смертность, с уменьшением урожайности уменьшается и смертность. Давая x_2 различные значения, получим соответствующее значение для y.

Таблица № 3

Индекс урожайности (отклонение от нормы в %%)	Индекс смертности (отклонение от нормы в %%)
— 30	— 4,28
— 20	— 3,52
— 15	— 3,14
— 10	— 2,76
— 5	— 2.38
0	— 2,00
+ 5	— 1,62
+ 10	— 1,24
+ 15	— 0,86
+ 20	— 0,48
+ 30	+ 0,28

На второй год влияние урожая еще слабее, чем на первый. Даже при отклонении урожайности на 30%, смертность повышается или понижается всего лишь на 2% с небольшим.

На третий год влияние урожая на смертность, приняв по аналогии с предшествовавшими случаями $x_1 = 0$; $x_2 = 0$; $x_4 = 0$, выразится следующей формулой:

$$y = -0{,}154\ x_3 - 1{,}996. \qquad (6)$$

Эта формула показывает, что при повышении урожайности на третий год обнаруживается понижение смертности, при понижении урожайности — повышение смертности. Давая x_3 последовательные (для простоты только круглые) значения, получим для y следующую таблицу значений:

Таблица № 4

Индекс урожайности (отклонение от нормы в %%)	Индекс смертности (отклонение от нормы в %%)
— 30	+ 2,62
— 20	+ 1,08
— 15	+ 0,31
— 10	— 0,46
— 5	— 1,23
0	— 2,00
+ 5	— 2,77
+ 10	— 3,54
+ 15	— 4,31
+ 20	— 5,08
+ 30	— 6,62

И здесь мы видим сравнительно небольшое изменение смертности в связи с изменением размера урожая. Даже при отклонении урожая от средней нормы на 30%, смертность изменяется всего лишь на 4,6%. Правда, мы должны иметь ввиду, что смертность вообще, есть довольно постоянная величина, ибо в среднем она колеблется, как мы видели, только на 6,4% нормы своего года. На вопросе, каким образом урожай отражается на смертности через четыре года, подробно останавливаться не будем, поскольку соответствующий коэффициент в уравнении (2) имеет большую вероятную ошибку.

А сейчас проследим, какую эволюцию смертности вызывает различный урожай в ближайшие годы. При этом нам придется брать в формуле (2) изучаемую величину урожая только для определенного года, а для остальных лет — как предшествующих, так и последующих—урожай считать постоянным, для простоты равным норме (т.-е. индекс урожайности равным нулю). Таким образом, получаем следующую таблицу:

Таблица № 5

Год после года урож.	Индекс смертности при индексе урожайности								
	— 30	— 20	— 10	— 5	0	+ 5	+ 10	+ 20	+ 30
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1-й . .	+ 9,69	+ 3,22	— 0,68	— 1,66	— 2,00	— 1,69	— 0,73	+ 3,11	+ 9,53
2-й . .	— 4,28	— 3,52	— 2,76	— 2,38	— 2,00	— 1,62	— 1,24	— 0,48	+ 0,28
3-й . .	+ 2,62	+ 1,08	— 0,46	— 1,23	— 2,00	— 2,77	— 3,54	— 5,08	— 6,62
4-й . .	— 3,59	— 3,06	— 2,53	— 2,26	— 2,00	— 1,73	— 1,47	— 0,94	— 0,41

Из этой таблицы видно, что при малом изменении урожая изменение смертности невелико. Как показывает подробный анализ отклонений, оно лишь в редких случаях выходит за пределы вероятных ошибок. Но при большом урожае или неурожае смертность резко меняется. В случае большого урожая она резко возрастает, а затем столь же резко падает с тем, чтобы на четвертый год значительно приблизиться к норме. При большом неурожае, наоборот, мы видим резкое колебание смертности по годам. В первый год после неурожая она сильно возрастает, в следующие резко падает, затем опять резко возрастает и опять резко падает. Эти изменения сильно превосходят пределы вероятных ошибок и потому не могут вызывать больших сомнений.

Итак, нами установлена связь между общерусским урожаем и общерусской смертностью. Мы видим, что она довольно тесна. Но не надо этот факт понимать очень узко. Мы не можем говорить, что сам урожай непосредственно влияет на смертность. Все дело, может быть, не столько в самом урожае, сколько в различных экономических, метеорологических и т. п. явлениях, которые находятся в большой корреляции с урожаем, хотя. может быть, и не являются его следствиями. Из всего вышесказанного нам совершенно неясен механизм связи урожая и смертности И задачей дальнейшего будет хотя бы сколько-нибудь разобраться в этом сложном механизме.

Во-первых, посмотрим, как влияет *общерусский* урожай или, вернее, вся совокупность явлений, коррелятивно связанных с урожаем, на смертность в различных экономических районах. Ввиду технической трудности взять все районы целиком, ограничимся только лишь отдельными губерниями из важнейших районов. В следующей таблице приведено изменение смертности в губерниях на следующий год после урожая.

Таблица № 6

Влияние общерусского урожая на смертность в первый год после года урожая

Название губерний.	Индекс смертности при урожае				
	Хорошем (урожайный индекс более + 15)	Вышесредн. (урожайный индекс + 15 до + 5)	Среднем (урожайный индекс + 5 до — 5)	Нижесредн. (урожайный индекс — 5 до —15)	Плохом (урожайный индекс менее — 15)
1	2	3	4	5	6
А. Производящие губернии					
1. Самарская	+ 4,78	— 4,40	— 3,15	— 0,50	+ 8,03
2. Саратовская . . .	+ 5,98	— 2,06	— 4,54	— 3,34	+ 8,53
3. Киевская	+ 12,43	— 1,76	— 3,51	+ 2,21	— 1,53
4. Волынская	+ 18,20	— 1,19	— 1,64	+ 0,01	— 1,73
5. Тульская	+ 11,53	— 1,74	— 3,20	— 0,00	+ 0,01
В среднем по 5 производящим губерниям . .	+ 10,58	— 2,23	— 3,21	— 0,30	+ 2,66
Б. Потребляющие губернии					
1. Ленинградская . .	— 1,48	+ 2,06	— 3,98	+ 5,61	— 3,56
2. Лифляндская . . .	+ 0,15	+ 2,36	+ 1,44	— 2,15	— 2,43
3. Владимирская . .	+ 2,95	+ 0,18	— 2,08	— 0,92	+ 0,31
4. Город Москва . . .	+ 6,30	+ 1,42	— 2,60	+ 0,88	+ 0,51
В среднем по 4 потребляющим губерниям. . .	— 1,17	+ 1,50	— 1,80	+ 1,41	— 1,29

Из таблицы видно, что в потребляющих губерниях (включая гор. Москву) изменение смертности в зависимости от урожаев носит весьма неправильный характер, и какого-нибудь определенного вывода

здесь сделать нельзя. Ясно только одно: общерусский урожай является сравнительно второстепенным фактором в изменении смертности. В губерниях производящих, наоборот, общий характер влияния урожая выступает достаточно резко. Резкое увеличение смертности после хорошего урожая, пониженная смертность после среднего и некоторое повышение ее после плохого общерусского урожая выступают ясно почти во всех губерниях. Но все же здесь обнаруживается существенная разница между украинскими губерниями и поволжскими. В украинских губерниях мы наблюдаем колоссальное увеличение смертности после хорошего общерусского урожая и даже некоторое понижение смертности после плохого. В поволжских губерниях, наоборот, после хорошего общерусского урожая смертность значительно меньше, зато после плохого урожая повышение смертности достигает больших размеров.

Кроме непосредственно следующего за урожаем года, влияние его на смертность сказывается наиболее ясно на третьем году, как это мы видели для всей России. Проследим это влияние и по отдельным губерниям (см. табл. № 7 на стр. 23).

В производящей полосе связь между смертностью и урожаем, в общем, довольно однородна. Низкая смертность после хорошего и среднего урожая и значительно повышенная после нижесреднего и плохого урожая наблюдается почти по всем пяти губерниям производящей полосы. Наоборот, в потребляющих губерниях наблюдается большая пестрота. Только плохой общерусский урожай во всех губерниях определенно, хотя и незначительно, понижает смертность спустя три года. В остальных же группах урожайности каждая губерния ведет себя по-своему, а потому в итоге никакого закономерного изменения смертности не получается. Повидимому, все изменения здесь в значительной мере носят отпечаток случайных влияний.

Таким образом, и сейчас уже видно, что в потребляющих губерниях влияние урожая на смертность невелико. Наоборот, в производящих губерниях размеры общерусского урожая оказывают весьма сильное влияние на смертность. При этом уже довольно явственно намечается разница между украинскими и поволжскими губерниями. В украинских губерниях после хорошего общерусского урожая смертность сильно возрастает, в поволжских же она возрастает сравнительно мало. Наоборот, после плохого общерусского урожая в поволжских губерниях смертность сильно возрастает, тогда как в украинских даже падает.

Конечно, в приведенных таблицах влияние урожая выявляется недостаточно рельефно хотя бы потому, что урожаи следующих друг за другом лет находятся между собой в коррелятивной связи. Поэтому при группировке существенное влияние может оказать не данная группа лет (например, с плохим урожаем), а группа лет, находящаяся с ними в коррелятивной связи. Для того, чтобы изучить влияние определенных размеров урожая определенного года на смертность — при равенстве урожаев ближайших лет, — необходимо составить уравнение регрессии урожаев некоторого числа лет и смертности, как это и было уже проделано выше для общерусской смертности.

Вычисление уравнений регрессий требует большой счетной работы и ввиду этого оно произведено нами лишь для четырех губерний: Самарской, Волынской, Владимирской и гор. Москвы. Обозначая индексы смертности: Самарской губ. y_1, Волынской губ. y_2, Владимирской губ. y_3 и г. Москвы y_4, а индексы общерусской урожайности, как и выше, через x_1 (на один год раньше года смертности), x_2 (на два года раньше года

смертности), x_3 (на три года раньше года смертности) и x_4 (на четыре года раньше года смертности), результаты вычисления получим в следующем виде:

для Самарской губ. $y_1 = -0{,}43\ x_1 + 0{,}0183\ x_1^2 + 0{,}03\ x_2 - 0{,}51\ x_3 - 0{,}25\ x_4 - 3{,}23$
для Волынской губ. $y_2 = +0{,}176\ x_1 + 0{,}00321\ x_1^2 + 0{,}076\ x_2 - 0{,}24\ x_3 + 0{,}063\ x_4 + 0{,}91$
для Владимирск. губ. $y_3 = +0{,}106\ x_1 + 0{,}00774\ x_1^2 + 0{,}051\ x_2 + 0{,}022\ x_3 - 0{,}044\ x_4 - 1{,}41$
для г. Москвы $y_4 = +0{,}044\ x_1 + 0{,}0011\ x_1^2 + 0{,}048\ x_2 + 0{,}018\ x_3 + 0{,}087\ x_4 + 0{,}058$

Таблица № 7

Влияние общерусского урожая на смертность на третий год после года урожая

Название губерний	Индекс смертности при урожае				
	Хорошем (урожайный инд. более + 15)	Вышесреднем (урож. индекс от + 15 до + 5)	Среднем (урож. инд. от + 5 до — 5)	Нижесредн. (урож. инд. от — 5 до — 15)	Плохом (урож. инд. менее — 15)
1	2	3	4	5	6
А. Производящие губернии					
1. Самарская . . .	— 4,10	— 3,92	— 5,71	+ 8,03	+ 9,53
2. Саратовская . . .	— 2,60	— 0,30	— 7,34	+ 6,00	+ 8,68
3. Киевская	— 4,35	— 4,29	— 6,47	+ 6,86	+ 4,43
4. Волынская	— 6,08	— 2,39	— 2,62	+ 6,04	+ 5,15
5. Тульская	— 4,60	+ 1,69	— 4,12	— 0,18	+ 7,37
В среднем по 5 производящим губерниям . .	— 4,35	— 1,84	— 5,23	+ 5,35	+ 7,03
Б. Потребляющие губернии					
1. Ленинградская . .	+ 1,28	+ 1,24	— 2,64	+ 2,38	— 3,20
2. Лифляндская . . .	+ 3,78	+ 0,43	— 0,58	— 0,03	— 0,67
3. Владимирская . .	— 2,77	+ 0,21	+ 1,91	+ 0,31	— 2,82
4. Гор. Москва . . .	— 3,28	— 2,08	— 0,69	— 0,23	— 0,87
В среднем по 4 потребляющим губерниям[1] . .	— 0,25	— 0,05	— 0,50	+ 0,58	— 1,89

[1] Отрицательные индексы смертности во всех группах урожайности получались потому, что пришлось не включать в настоящий подсчет три первых года 71, 72 и 73, когда смертность была чрезвычайно высока.

Таблица № 8

Вычисление вероятных ошибок дает следующие результаты

Название губерний	Вероятная ошибка коэффициентов						Во сколько раз коэффициент больше своей вероятной ошибки					
	a_1	b_1	a_2	a_3	a_4	a_0	a_1	b_1	a_2	a_3	a_4	a_0
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Самарская	± 0,113	± 0,0074	± 0,110	± 0,113	± 0,122	± 1,84	3,8	2,5	0,3	4,5	2,1	1,8
Волынская	± 0,086	± 0,0057	± 0,084	± 0,086	± 0,093	± 1,39	2,1	0,6	0,9	2,8	0,7	0,7
Владимирская . .	± 0,056	± 0,0037	± 0,054	± 0,056	± 0,061	± 0,91	1,9	2,1	0,0	0,4	0,7	1,6
Гор. Москва . . .	± 0,067	± 0,0044	± 0,065	± 0,067	± 0,073	± 1,09	0,7	0,3	0,7	0,3	1,2	0,1

Таким образом, эти уравнения еще больше подтверждают уже наметившуюся разницу между Самарской и Волынской губерниями. В Самарской губернии с увеличением урожая на следующий год смертность значительно уменьшается, но при индексе урожая около 11% достигает минимума и в дальнейшем начинает расти. Этот характер изменения смертности на следующий год установлен довольно точно, поскольку коэффициенты при соответствующих переменных в уравнении значительно превышают свои вероятные ошибки. Вторая особенность Самарской губернии, это — сильное изменение смертности через три и даже четыре года после исследуемых лет.

В Волынской же губернии, наоборот, смертность следующего года возрастает с возрастанием урожая и уменьшается с его понижением. Столь же характерного для Самарской губернии и для всей Европейской России в целом параболического изменения смертности следующего года в Волынской губернии почти не замечается. Коэффициент при x_1 достигает всего на всего 0,003 и слишком в полтора раза меньше своей вероятной ошибки. При таких условиях, конечно, правильнее говорить, что смертность в связи с изменением размера урожая предшествовавшего года изменяется прямолинейно. Смертность через три года спустя изменяется в том же направлении, как и в Самарской губернии, но изменение носит в два с лишком раза меньшие размеры. Вот два основных различия между двумя губерниями или вернее двумя районами Южной России, поскольку обе эти губернии отражают влияние урожая на смертность в ближайших к ним губерниях.

В обеих потребляющих губерниях также наблюдается существенная разница. В городе Москве не обнаруживается почти никакого влияния урожая всех четырех лет на смертность. Коэффициенты в уравнении регрессии настолько малы, что сколько-нибудь заметные изменения смертности получаются при отклонениях общерусского урожая от нормы на 20—30%. Вероятные ошибки этих коэффициентов значительно больше их самих. Только один четвертый год представляет исключение. Здесь коэффициент при x_4 значительно больше, чем по Владимирской и Волынской губерниям, и несколько превышает свою вероятную ошибку. Поэтому еще можно предполагать некоторую, очень незначительную связь между размерами общерусского урожая и смертностью через четыре года в городе

Москве. Для остальных же лет правильнее говорить, что никакой связи между ними нет.

Во Владимирской же губернии, наоборот, обнаруживается довольно значительная связь между размерами общерусского урожая и смертностью последующего года. Остальные же годы дают незначительную связь.

Важно отметить, что здесь на следующий год смертность повышается значительно больше при повышении урожая, чем при его понижении. Даже небольшое понижение урожая влечет за собой понижение смертности.

Вообще в обеих потребляющих губерниях связь между урожаем и смертностью меньше, чем в производящих губерниях. Если за мерило связи взять величину аналогичную корреляционному отношению, т.-е. вычисляемому по формуле:

$$\eta = \sqrt{1 - \frac{\sigma_a{}^2}{\sigma^2}} \qquad (8)$$

где под $\sigma_a{}^2$ понимается средний квадрат отклонений от вычисленной нами кривой регрессии, а под σ^2 средний квадрат отклонений от средней для всего ряда, то получим:

для Московской губ.	$\eta = 0{,}14$	
» Владимирской »	$\eta = 0{,}35$	(9)
» Самарской »	$\eta = 0{,}52$	
» Волынской »	$\eta = 0{,}42$	

Эти вычисления показывают, что во Владимирской губернии, а тем более в производящих губерниях, размер общерусского урожая является значительным фактором смертности.

Из рассмотрения всего вышесказанного вытекает, что влияние общерусского урожая на смертность далеко не одинаково в различных губерниях.

Главная разница обнаруживается между губерниями юго-восточными, где понижение общерусского урожая на следующий год увеличивает смертность, а его небольшое повышение уменьшает, и юго-западными, где, наоборот, повышение общерусского урожая на следующий год вызывает колоссальное повышение смертности, его понижение — некоторое понижение смертности.

Повидимому, исследование причин такой резкой разницы может значительно объяснить сам механизм влияния урожая на смертность. Но, прежде чем обратиться к этому изучению, подробно исследуем влияние урожаев на смертность в одной из юго-восточных губерний — Самарской.

Сперва посмотрим, как влияет урожай на смертность в разные времена года. Поскольку сезонная смертность детей в возрасте до 1 года сильно зависит от метеорологических условий того или иного года, — гораздо показательнее взять умерших только в возрасте 1 года и более. Тем более, что влияние урожаев на смертность этих возрастов вполне отражает характерные для Самарской губернии черты, выраженные к тому же еще более ярко. Именно, связь смертности с урожаями определяется следующим уравнением регрессии:

$$y = -0{,}606\,x_1 + 0{,}0389\,x_1{}^2 + 0{,}0093\,x_2 - 0{,}649\,x_3 - 0{,}252\,x_4 - 6{,}256 \qquad (10)$$

Уравнение же регрессии для всей смертности Самарской губернии имело такой вид:

$$y = -0{,}43\,x_1 + 0{,}0183\,x_1{}^2 + 0{,}03\,x_2 - 0{,}51\,x_3 - 0{,}25\,x_4 - 3{,}23 \qquad (11)$$

Характер обоих уравнений одинаков. Только в первом из них рост смертности после неурожая и изменение смертности через три года выражены более резко.

Подробные данные о смертности в Самарской губ. так же, как и в других губерниях, имеются только за 39 лет. Ввиду такого небольшого числа наблюдений, мы все годы делим на три группы:

годы с хорошим урожаем — индекс урожайности более + 7
» со средним » — » » + 7 до — 7
» с плохим » — » » менее — 7

Для каждого сезона определяем индекс смертности способом, указанным выше. И, производя группировку индексов смертности по числу лет, прошедших от года урожая, и размерам урожая в этом году, получаем следующую таблицу:

Таблица № 9

Год после года урожая	Время года	Индекс смертности при общерусском урожае		
		Плохом	Среднем	Хорошем
0	зима	+ 0,2	+ 0,4	— 0,7
	весна	+ 1,1	— 2,0	+ 1,9
	лето	+ 18,5	— 4,7	— 7,5
	осень	+ 7,2	— 4,5	— 0,3
1	зима	+ 4,0	— 0,6	— 2,3
	весна	+ 8,1	— 2,1	— 4,2
	лето	+ 27,2	— 11,2	— 7,5
	осень	+ 7,6	— 2,7	— 3,0
2	зима	+ 2,4	— 2,2	+ 1,2
	весна	+ 3,7	— 3,2	+ 1,3
	лето	+ 26,5	— 13,7	— 3,1
	осень	+ 7,2	— 5,7	+ 1,1
3	зима	+ 16,2	— 8,0	— 2,4
	весна	+ 15,8	— 6,8	— 4,3
	лето	+ 25,3	— 6,5	— 13,0
	осень	+ 16,4	— 3,5	— 10,6
4	зима	+ 9,5	— 0,4	— 10,5
	весна	+ 5,7	+ 2,9	— 9,0
	лето	— 8,4	+ 6,3	— 2,8
	осень	+ 8,6	— 0,6	— 4,4

Таблица ясно показывает, что связь размера урожая со смертностью начинается с момента сбора урожая. В годы плохого урожая, летом смертность повышается весьма значительно. Осенью она падает, зимой следующаго года падает еще более с тем, чтобы с весны начать расти и летом достичь в полтора раза большей величины, чем в самый год неурожая. На второй год процесс повторяется так же. На третий же год смертность все время стоит на высоком уровне лишь несколько повышаясь в летние месяцы. Наконец, на четвертый год смертность быстро падает и летом четвертого года спускается даже ниже нормы.

Главное внимание в этой табличке обращает на себя факт такого сильного повышения смертности в течение всего третьего года, тогда как в остальные годы сильное повышение обнаруживается только летом.

После хорошего урожая смертность понижена и опять, главным образом, все в том же третьем году. Повышения смертности в следующий год после хорошего урожая, которого можно было бы ожидать, исходя из приведенного выше уравнения, здесь не набюдается. Происходит это потому, что интервал для среднего урожая взят слишком большой, при чем минимум смертности лежит как раз вблизи от границы интервала. Поэтому значение смертности при среднем урожае достигает ничуть не меньшей величины, чем при хорошем. С другой стороны, здесь есть коррелятивная связь урожаев одних лет с другими, которая, вероятно, несколько затемняет характер изменения смертности. Повидимому, этим объясняется и некоторое повышение смертности чрез 2 года после хорошего урожая.

Значительно рельефнее выявляется связь размеров урожайности и смертности в разные времена года, если исключить коррелятивную связь урожаев соседних лет. Прибегая для этого к нахождению уравнений регрессии между смертностью и размерами урожаев 4 предшествующих лет, получаем следующий результат:

$$
\begin{array}{ll}
\text{Зима} & y = -0{,}427\,x_1 + 0{,}024\,x_1^2 + 0{,}134\,x_2 - 0{,}372\,x_3 - 0{,}563\,x_4 - 2{,}085 \\
\text{Весна} & y = -0{,}640\,x_1 + 0{,}020\,x_1^2 - 0{,}075\,x_2 - 0{,}630\,x_3 - 0{,}329\,x_4 - 9{,}685 \\
\text{Лето} & y = -1{,}190\,x_1 + 0{,}101\,x_1^2 - 0{,}086\,x_2 - 0{,}916\,x_3 - 0{,}113\,x_4 - 1{,}823 \\
\text{Осень} & y = -0{,}672\,x_1 + 0{,}009\,x_1^2 + 0{,}159\,x_2 - 0{,}696\,x_3 - 0{,}328\,x_4 - 2{,}390
\end{array}
\qquad (12)
$$

Здесь попрежнему y индекс смертности, а x_1, x_2, x_3 и x_4 индексы урожайности соответственно на 1, 2, 3 и 4 года раньше года смертности. Заметим, что в этих уравнениях сезонная колеблемость смертности не исключена. Если исключить ее, то свободные члены в уравнениях будут равны соответственно: для зимы вместо — 2,085 будет — 3,037, для весны вместо — 9,685 будет — 2,940, для лета вместо — 1,823 будет — 5,363 и, наконец, для осени вместо — 2,390 будет — 0,668.

Производя теперь расчет индекса смертности для различных значений индекса урожайности, получим следующую таблицу (см. табл. № 10 на стр. 28).

В этой таблице также наблюдается повышение смертности непосредственно на следующий год после неурожая, особенно летом, падение ее на втором году и новый подъем на третьем и на четвертом году после неурожая. Второй год здесь дает все же иной результат, чем в приведенной выше таблице № 9. Одна из причин этого, может быть, та, что для второго года нами взята линейная зависимость, а не второй степени, на которую как будто указывает таблица № 9. С другой стороны, такой же характер получается в среднем, а также по отдельным возрастам, что подтверждает правильность полученного результата. На следующий год после высокого урожая замечается некоторое понижение смертности, со-

Таблица № 10

Год после года урожая	Время года	Индекс смертности (в возрасте 1 года и более) при общерусском урожае с индексом урожайности				
		+ 20	+ 10	0	— 10	— 20
1	зима	— 1,9	— 4,9	— 3,0	+ 3,6	+ 15,1
	весна	— 7,7	— 7,3	— 2,9	+ 5,5	+ 13,9
	лето	+ 11,2	— 7,2	— 5,4	+ 16,6	+ 58,8
	осень	— 10,5	— 6,5	— 0,7	+ 6,9	+ 16,4
2	зима	— 0,4	— 1,7	— 3,0	— 4,4	— 5,7
	весна	— 4,4	— 3,7	— 2,9	— 2,2	— 1,4
	лето	— 7,1	— 6,2	— 5,4	— 4,5	— 3,6
	осень	+ 2,5	+ 0,9	— 0,7	— 2,3	— 3,9
. . . . .	зима	— 10,5	— 6,8	— 3,0	+ 0,7	+ 4,4
	весна	— 15,5	— 9,2	— 2,9	+ 3,4	+ 9,7
	лето	— 23,7	— 14,5	— 5,4	+ 3,8	+ 13,0
	осень	— 14,6	— 7,6	— 0,7	+ 6,3	+ 13,2
4	зима	— 14,3	— 8,7	— 3,0	+ 2,6	+ 8,2
	весна	— 9,5	— 6,2	— 2,9	+ 0,4	+ 3,6
	лето	— 7,6	— 6,5	— 5,4	— 4,2	— 3,0
	осень	— 7,2	— 3,9	— 0,7	+ 2,6	+ 5,9

провождаемое большим скачком вверх в летние месяцы; на втором году смертность все еще стоит на несколько пониженном уровне, поднимаясь немного вверх осенью; а на третьем году спускается до весьма низкого уровня. Годы промежуточные — с урожайностью выше среднего или ниже среднего — дают промежуточное изменение смертности, характеризуемое меньшими колебаниями и скачками.

Выясним теперь влияние размеров урожая на смертность разных возрастных групп. Для этого, подобно предшествующему, выразим связь между индексами смертности и размерами урожая ближайших 4 предшествующих лет в виде уравнений регрессии. Для Самарской губернии они таковы:

Для возрастов

$$
\begin{array}{lll}
\text{менее 1 года} & y = & -0{,}350x_1 + 0{,}0041\,x_1^2 + 0{,}206x_2 - 0{,}216x_3 - 0{,}122x_4 - 0{,}68 \\
\text{от 1 — 5 лет} & y = & -0{,}539x_1 + 0{,}00957x_1^2 + 0{,}106x_2 - 0{,}655x_3 - 0{,}317x_4 - 0{,}76 \\
\text{„ 5 — 10 »} & y = & -0{,}396x_1 + 0{,}07181x_1^2 - 0{,}234x_2 - 1{,}361x_3 - 0{,}861x_4 - 9{,}62 \\
\text{„ 10 — 20 »} & y = & -0{,}635x_1 + 0{,}10543x_1^2 - 0{,}228x_2 - 0{,}913x_3 - 0{,}405x_4 - 15{,}27 \\
\text{„ 20 — 55 »} & y = & -0{,}749x_1 + 0{,}08080x_1^2 - 0{,}134x_2 - 0{,}590x_3 - 0{,}099x_4 - 12{,}26 \\
\text{свыше 55 »} & y = & -0{,}631x_1 + 0{,}02932x_1^2 - 0{,}153x_2 - 0{,}330x_3 - 0{,}113x_4 - 5{,}31
\end{array}
\qquad (13)
$$

Влияние урожаев на смертность далеко не одинаково по своему характеру и размерам в разных возрастах. Так, например, смертность в возрасте до одного года сравнительно незначительно подвержена влиянию

урожаев. Наоборот, смертность в возрастах 5 — 10 лет и 10 — 20 лет меняется весьма сильно вместе с изменением урожаев.

В следующей таблице более ясно видно, как меняется смертность разных возрастных групп вместе с изменением размеров урожайности на следующий после урожая год:

Таблица № 11

Индекс урожайности	Индекс смертности в следующий после урожая год в возрасте					
	Менее 1 г.	1—5 л.	5—10 л.	10—20 л.	20—55 л.	свыше 55 л.
1	2	3	4	5	6	7
— 30	+ 13,8	+ 24,0	+ 66,9	+ 98,7	+ 82,9	+ 40,0
— 20	+ 8,1	+ 13,9	+ 27,0	+ 39,6	+ 35,0	+ 19,0
— 15	+ 5,9	+ 9,4	+ 12,5	+ 18,0	+ 17,2	+ 10,8
— 10	+ 3,3	+ 5,5	+ 1,5	+ 1,6	+ 3,3	+ 3,9
— 5	+ 1,2	+ 2,2	— 5,8	— 9,5	— 6,5	— 1,4
0	— 0,7	— 0,8	— 9,6	— 15,3	— 12,3	— 5,3
+ 5	— 2,3	— 3,2	— 9,8	— 15,8	— 14,0	— 7,7
+ 10	— 3,7	— 5,4	— 6,4	— 11,1	— 11,7	— 8,7
+ 15	— 4,9	— 6,7	+ 0,6	— 1,1	— 5,3	— 8,2
+ 20	— 5,9	— 7,7	— 11,2	+ 14,2	+ 5,1	— 6,2
+ 30	— 7,1	— 8,3	+ 37,4	+ 60,6	+ 38,0	+ 2,2

Во всех возрастных группах при понижении урожая сильно повышается смертность. Но это повышение далеко не одинаково в разных возрастах. Так, если при понижении общерусского урожая на 30% смертность в возрасте до одного года повышается на 13,8%, то в возрасте от 10 до 20 лет она повышается почти в два раза. Вообще же при одинаковом снижении урожая рабочий и полурабочий возрасты дают наибольшее увеличение смертности. Происходит это в значительной мере и потому, что в детских возрастах смертность высока, и всякое сравнительно значительное повышение этой смертности может произойти лишь в результате из ряда вон выходящих причин. Наоборот, в рабочем и полурабочем возрасте эта смертность ничтожна. И всякая вспышка эпидемии или вообще какой-либо массовой смертоносной болезни может в несколько раз увеличить смертность. Поэтому-то колеблемость смертности для этих возрастов значительно сильнее. Но все же эти колебания смертности находятся в тесной связи с размерами урожая предшествующего года. Для точной характеристики этой связи можно было бы вычислить частные коэффициенты корреляции между размерами урожая и смертностью последующего года. Но и без того нет никакого сомнения, что в этих возрастах связь урожая со смертностью весьма велика. Так, в возрасте от 10 до 20 лет диапазон колебания смертности равен 212,4% средней нормы смертности. По нашим же вычислениям этот диапазон колебаний, в пределах встречающихся фактически норм урожайности, достигает 115% средней нормы смертности, т.-е. несколько более половины фактического диапазона. Для возраста 20—55 лет этот диапазон колебаний фактически достигает 182,0% средней нормы смертности, а вы-

численный по формуле — 97%, т.-е. также несколько больше половины. Несомненно, что это соотношение было бы еще больше, если бы учесть влияние предшествующих лет.

Повышение урожая связано со смертностью несколько иначе, чем его понижение. Из приведенной выше таблицы № 11 видно, что при повышении урожая в возрастах до 1 года и от 1 до 5 лет смертность непрерывно падает. Правда, темп этого падения все более замедляется, и, как следует из формул, по которым вычислена эта таблица, с некоторого уровня повышения урожая смертность также должна увеличиваться. Но этот характер изменения смертности обусловлен параболическим характером выбранного нами уравнения связи смертности с размером урожая. И поскольку этот поворот намечается за пределами наблюденных нами норм урожайности (самое большее наблюденное повышение урожайности равняется 25,1%), то оно скорее всего носит случайный характер. Во всяком случае, для фактически наблюденного участка изменений урожайности можно утверждать, что с повышением общерусской урожайности смертность в возрастах до 1 года и от 1 до 5 лет непрерывно падает. В это время все старшие возрасты дают иной характер изменения смертности. Падение смертности здесь идет непрерывно только до урожайности с индексом + 5% или даже несколько дальше. А затем смертность начинает возрастать. И этот рост смертности достигает весьма значительных размеров, особенно в возрасте 10—20 лет. При норме урожайности + 30% смертность в этом возрасте повышается на 60% средней нормы. Возрасты 5—10 лет и 20—55 лет также дают значительное повышение смертности при увеличении урожайности. Наконец, и в самых старших возрастах наблюдается также некоторое повышение смертности.

Является вопрос, не есть ли такое повышение смертности вместе с повышением общерусской урожайности следствие выбранного параболического характера уравнения. Это, конечно, не так, ибо если бы на самом деле повышения смертности не было, то при параболическом характере зависимости минимум смертности пришелся бы на урожайность, выходящую (или почти выходящую) за пределы наблюденных размеров урожайности, как это фактически и было для возрастов менее 1 года и 1—5 лет. Да и непосредственно сами наблюденные цифры показывают, что изменение смертности в зависимости от изменения урожайности носит явно параболический характер. Разгруппировав все года на 5 групп, в зависимости от урожайности предшествующего года, и подсчитав для каждой группы средний индекс смертности, получим следующие цифры:

Таблица № 12

Группы лет с индексом урожайности предшествующего года	Индекс смертности в возрасте	
	10—20 л.	20—55 л.
+ 15,1 и более	+ 23,50	+ 3,75
+ 5,1 до + 15,0	— 8,57	— 7,42
— 4,9 до + 5,0	— 10,39	— 9,09
— 14,9 до — 5,0	— 3,06	+ 2,81
— 15,0 и менее	+ 20,68	+ 20,70

Таким образом, параболический характер изменения смертности несомненен, хотя размеры этого изменения несколько иные по сравнению с нашими исчислениями. Происходит это потому, что в этой табличке не исключено влияние урожайности предшествующих лет.

Теперь мы подходим к вопросу о том, чем же вызван такой характер изменения смертности. До сих пор все время шла речь о связи общерусского урожая и смертности в Самарской губернии. Оказывается, что общерусский урожай и урожай Самарской губернии тесно связаны друг с другом. Коэффициент корреляции их равен. Следовательно, влияние общерусского урожая совпадает довольно близко с влиянием Самарского урожая. А в этом случае вполне понятно увеличение смертности при уменьшении урожая в предшествовавшем году. Также, по причинам уже указанным выше, вполне понятно и наиболее сильное повышение смертности в рабочих и полурабочих возрастах и сравнительно небольшое в раннем детстве. Происходит это именно оттого, что детская смертность весьма высока сама по себе, и даже значительное по абсолютной величине изменение ее относительно невелико. В это время в средних возрастах при низкой смертности даже небольшое по абсолютной величине изменение ее относительно может быть очень значительным. И, несмотря на исключительно сильное повышение смертности как раз в этих возрастах, они не имеют подавляющего значения для общего повышения смертности. Это особенно наглядно видно из следующей таблицы, составленной для 1892 года — года, следовавшего за наиболее сильным неурожаем.

Таблица № 13

Возраст	Число умерших по норме[1]		В 1892 году фактически умерло		Насколько больше умерло фактически по сравнению с нормой	
	В тыс.	В %% к итогу	В тыс.	В %% к итогу	В тыс.	В %% к итогу
До 1 года	46,6	39,8	53,2	30,4	+ 7,0	10,3
от 1— 5 лет . . .	26,2	22,2	40,7	23,2	+ 14,5	21,4
„ 5—10 » . . .	5,6	4,8	13,1	7,5	+ 7,5	11,1
„ 10—20 » . . .	3,6	3,1	10,2	3,8	+ 6,6	9,8
„ 20—55 » . . .	13,4	11,4	34,7	19,8	+ 21,3	31,4
Свыше 55 » . . .	12,6	10,7	23,4	13,3	+ 10,8	16,0
Всего	107,6	100,0	175,3	100,0	+ 67,7	100,0

Свыше 30% всего повышения смертности приходится на возраст до 5 лет. И только немного более 40% приходится на возрасты 10—55 лет.

Мы выше уже видели, что для возраста старше 1 года главное повышение смертности на следующий после неурожая год приходится на

[1] Число умерших, которое было бы в 1892 году при условии равномерного нарастания числа умерших из года в год.

лето. Приводим вновь эти цифры в сопоставлении с группировкой по Самарскому урожаю.

Таблица № 14.

Время года	Месяцы	Средний индекс смертности (исключая влияние сезонных изменений) при низком урожае общерусском	
		менее — 15,0	Самарск. менее —25
Зима	Декабрь — февраль . . .	+ 4,0	+ 1,2
Весна	Март — май	+ 8,1	+ 5,9
Лето	Июнь — август	+ 27,2	+ 19,9
Осень	Сентябрь — ноябрь	+ 7,6	+ 4,8

В общем та и другая группировка показывают одну и ту же картину. Наиболее сильное увеличение смертности приходится на летние месяцы. Как известно, летние месяцы дают смертность преимущественно от желудочно-кишечных заболеваний. И, как показывает таблица, повышенная смертность летом не может вызываться повышением смертности одних детей. Несомненно, что и средние возрасты, дающие значительное увеличение, в итоге должны давать не малое повышение и летом.

На основании всего вышесказанного, сам механизм влияния пониженного урожая намечается в следующем виде: после неурожая пониженное питание ведет к ослаблению организма. На почве расслабленного организма развивается желудочно-кишечная инфекция, доходящая иногда до размеров эпидемии и уносящая не мало жертв в могилу. Эта инфекция не щадит никого — все возрасты в значительной мере являются жертвами развивающихся болезней.

Весьма важно отметить, что пониженный общерусский урожай увеличивает смертность значительно больше, чем урожай местный. Это ясно видно из таблицы № 14.

При пониженном общерусском урожае, захватывающем значительную территорию, условия, благоприятствующие распространению эпидемий, создаются сразу в нескольких губерниях. И если в Самарской губернии в соответствующий год урожай так же понижен, как и в соседних губерниях, то и эпидемия, захватывающая большую территорию, принимает более острый характер. Это можно видеть на примере 1892 г.

Неурожай 1892 года захватил большую территорию (благодаря чему и среднерусский урожай оказался сильно пониженным), при чем в отдельных губерниях принял катастрофические размеры. И на почве недоедания в 1892 году наблюдается огромная вспышка холерной эпидемии, захватывающая большую территорию. В губерниях, даже сравнительно немного пораженных неурожаем, эпидемия принимает большие размеры, благодаря заносу из соседних губерний.

Гораздо труднее объяснимо повышение смертности в следующие после урожайных годы. Как было видно выше, в общем оно, несомненно, есть. Таблица же № 11 показывает, что это повышение смертности наблюдается только в возрастах старше 5 лет.

Во-первых, заметим, что размер повышения смертности после урожайных лет не является устойчивым, а колеблется в очень сильных пределах. Вот примеры:

Для 4 лет с индексом урожайности свыше + 15,0 индексы смертности таковы:

Таблица № 15

Возраст	Индекс смертности				
	1871 г.	1894 г.	1895 г.	1905 г.	В среднем
5—10 лет	— 22,3	+ 92,6	+ 87,9	— 14,6	+ 35,9
10—20 »	+ 21,2	+ 45,9	+ 36,7	— 11,6	+ 23,1
20—55 »	+ 34,0	— 8,3	— 2,4	— 8,3	+ 3,8
55 и более	+ 10,6	— 22,8	— 6,0	— 12,1	— 7,6

Колеблемость огромная. И даже можно усомниться, связано ли повышение смертности на следующий после урожая год с самим урожаем, как таковым, и не является ли простым случайным совпадением. Из одних только что приведенных цифр пришлось бы сделать именно такой вывод. Но поскольку эта тенденция подтверждается и при меньших размерах урожая, поскольку разницы при группировках сильно превышают свои вероятные ошибки, наконец, поскольку этот факт нашел отражение в уравнении регрессии, имеющем сравнительно небольшую вероятную ошибку, то можно достаточно решительно настаивать на существовании какой-то внутренней связи между повышением урожая и повышением смертности. Большая же колеблемость цифр, и притом разная в разных возрастах, указывают лишь на то, что эта связь весьма сложная, зависящая от действия многих других факторов.

Во-вторых, повышение смертности одинаково и для мужчин и для женщин.

Это видно из следующих цифр:

Таблица № 16

Группы лет по размерам урожайности [1].	Число умерших в следующий год в возрасте				% женщин среди умерших в возрасте	
	10—20 л.		20—55 л.			
	Муж.	Женщ.	Муж.	Женщ.	10—20 л.	20—55 л.
Годы с хорошим урожаем (более + 25,0) . . .	10.240	10.980	35.460	37.734	51,7	51,5
Годы со средним урожаем (+ 25,0 до — 25,0) . .	24.148	25.676	89.108	94.413	51,5	50,9
Годы с плохим урожаем (менее — 25,0)	15.545	16.621	53.344	56.711	51,5	51,5

[1] Урожайность взята по Самарской губ. Число умерших взято за период 1884—1909 г.г.

Процент женщин среди умерших совсем не зависит от урожая. Поэтому совсем непригодно объяснение повышения смертности, например, увеличением пьянства [1], поскольку таковое предполагает большее увеличение смертности мужчин, чем женщин.

Все причины смерти, собственно говоря, можно разделить на 2 больших категории. Значительная часть населения, преимущественно старших возрастов, умирает от различных хронических болезней — чахотки, рака и др. Другая же часть населения, преимущественно в раннем детстве, погибает от различных острых заболеваний. Первое место среди них занимают болезни желудочно-кишечные (гастро-энтерит), а также различные инфекционные болезни (скарлатина, корь, холера и др.). Влияние какого-либо фактора на повышение смертности, в соответствии с этим, возможно двумя путями.

Во-первых, действие данного фактора ведет к расслаблению организма и делает его более восприимчивым к действию разных болезнетворных начал. В результате, при наличии соответствующих условий, развиваются различные острые заболевания, доходящие иногда до размеров эпидемий. В конце концов, смертность может сделать резкий скачок вверх, но и может повыситься весьма незначительно.

Во-вторых, расслабляющее действие данного фактора на организм уже хронически больных людей ускоряет течение болезни и быстрее приводит к летальному концу. Вполне понятно, что благодаря этому смертность не может сразу сделать резкий скачок. Она будет повышаться в течение нескольких лет сряду.

Является вопрос, каким же преимущественно из этих двух путей идет повышение смертности после урожайных лет. Мы уже видели, что в среднем после урожайных лет повышение смертности происходит как раз благодаря резко повышенной смертности отдельных лет. Таким образом, здесь явно первенствующее значение имеет влияние различных острых заболеваний. И действительно, в 1871, 1894 и 1895 годах мы имели эпидемии холеры, которые, конечно, должны иметь большое значение для повышения смертности.

И опять встает вопрос — не случайное ли это повышение, не происходит ли оно от случайного совпадения послеурожайных лет с годами эпидемий. Так, эпидемии 1894 и 1895 годов являются очевидным продолжением эпидемии 1892 года, вызванной огромным неурожаем 1891 года. Но все дело-то в том, что были какие-то причины, затянувшие эпидемию до 1895 года, и было бы странным не видеть их хотя бы в частичном влиянии урожая. В наших уравнениях регрессии учтено также и влияние предшествующих неурожаев, бывших на 4 года и менее раньше (так что влияние 1891 года учтено в размерах смертности 1895 года), и тем не менее смертность получается явно повышенной.

Эти холерные эпидемии имеют, повидимому, главнейшее значение в повышении смертности после общерусских урожайных лет. Следующая таблица показывает, что повышение смертности на следующий год после повышенного общерусского урожая приходится на лето (см. табл. № 17 на стр. 35).

Таким образом, именно летние месяцы дают повышение смертности. Конечно, это повышение приходится не исключительно на эпидемии холеры, хотя и являющейся специфически летней болезнью. Это видно хотя бы из того, что большее повышение смертности дает и возраст 5—10

[1] Это объяснение непригодно и по ряду других причин, хотя иногда считают его единственно возможным.

Таблица № 17

Время года	Индекс смертности после урожая		Увеличение (+) или уменьшение (—) после хорошего урожая по сравнению со средним
	Среднего	Хорошего	
	По наблюдению	По наблюдению	По наблюдению
Осень самого года урожая .	— 4,5	— 0,3	+ 4,2
Зима следующего года . . .	— 0,6	— 2,3	— 1,7
Весна » » . . .	— 2,1	— 4,2	— 2,1
Лето » » . . .	— 11,2	— 7,5	+ 3,7
Осень » » . . .	— 2,7	— 3,0	— 0,3
Зима второго года	— 2,2	+ 1,2	+ 3,4

лет, среди которого холера не находит себе большой жатвы. Повидимому, здесь не малое значение имеют и другие летние эпидемии, как дизентерия и пр.

Эти частые эпидемии желудочно-кишечных болезней, несомненно, заносного происхождения. Как будет видно дальше, после высоких местных урожаев смертность летом увеличивается очень немного, а в зимние, весенние и осенние месяцы дает весьма существенное повышение. Таким образом, желудочно-кишечные эпидемии после общерусского урожая никоим образом не могут быть поставлены в связь с местным урожаем. Может быть, они бывают даже вопреки местному урожаю.

Является, конечно, вопрос—какие же именно условия, способствующие заносу эпидемий, создаются высоким общерусским урожаем. Ответ на этот вопрос требует самостоятельного большого исследования и не может быть дан в настоящей работе. Тем не менее, несколько предположений, более или менее вероятных, высказать можно.

Несомненно, самый факт высокого общерусского урожая усиливает хозяйственную деятельность в стране, увеличивает перемещения, подвижность населения и тем самым должен способствовать более быстрому разносу заразы в разные местности. Конечно, для эпидемии одной заразы мало — надо еще пониженную сопротивляемость организма по отношению к инфекции. А она-то, возможно, и вызывается тем усиленным трудом, который падает на более взрослую часть крестьянства в урожайные и послеурожайные годы, и отсутствием всякого присмотра со стороны взрослых за малыми детьми.

Думается, именно вот в этом направлении надо продолжать дальнейшие изыскания.

Как уже было указано, размеры местного урожая связаны с изменением смертности несколько иначе. Это видно из таблицы № 18 (стр. 36).

Картина совсем иная: лето дает незначительное повышение смертности, тогда как зима, осень и весна дают гораздо большее повышение.

Когда мы брали группировки по общерусскому урожаю, то там этот своеобразный характер связи урожая со смертностью был совершенно затемнен. Группировка по местному урожаю выставляет его с полной ясностью и очевидностью.

Таблица № 18

Время года	Индекс смертности после Самарского урожая		Увеличение (+) или уменьшение (—) после хорошего урожая по сравнению со средним
	Среднего	Хорошего	
Осень самого года урожая	+ 1,1	— 2,5	— 3,6
Зима следующего года	— 4,0	+ 3,6	+ 7,6
Весна » »	— 4,0	— 0,6	+ 3,4
Лето » »	— 7,8	— 6,3	+ 1,5
Осень » »	— 3,9	+ 2,5	+ 6,4
Зима второго года	— 1,1	+ 2,4	+ 3,5

Перенесение главного увеличения смертности на зимнее и осеннее время показывает на развитие простудных заболеваний в следующем году после хорошего местного урожая.

Оказывается, что влияние местного урожая больше сказывается на детях:

Таблица № 19

Возраст	Средний индекс смертности при местном урожае (на следующий год)			Увеличение (+) при хорошем урожае по сравнению со средним.
	Хорошем	Среднем	Плохом	
До 1 года	+ 1,9	+ 1,4	— 4,5 [1]	+ 0,3
1 — 5 лет	+ 5,2	— 4,7	+ 0,4	+ 9,9
5 — 10 »	+ 2,4	— 8,7	+ 7,0	+ 11,1
10 — 20 »	— 2,9	— 7,8	+ 14,3	+ 4,9
20 — 55 »	— 3,6	— 6,8	+ 14,1	+ 3,4
более 55 лет	— 4,5	— 5,3	+ 12,2	+ 0,8

Картина получается несколько иная, чем при общерусском урожае. Здесь главное повышение смертности дают как раз детские возрасты 1—10 лет. И если сопоставить это с фактом повышения смертности как раз в осеннее и зимнее время (в приведенной таблице по временам года

[1] Надо полагать, что это понижение смертности обусловлено вполне понятным ухудшением регистрации в 1892 году смертности детей в раннем младенческом возрасте. В то время как другие возрасты дают повышение смертности от 50 до 180%, в возрасте до 1 года повышение смертности только 15%.

смертность взята в возрасте свыше 1 года, а потому на результат главное влияние оказывают как раз детские возрасты), когда имеют большое распространение различные детские инфекции — корь, скарлатина, дифтерит, то с большей вероятностью можно полагать, что как раз ими-то и вызывается повышение смертности в следующий после хорошего урожая год.

Теперь основной вопрос заключается в том, чем же вызывается большее развитие детских инфекций и большая смертность от них в следующий год после хорошего местного урожая. Не может быть больших сомнений в том, что после хорошего местного урожая среднее благосостояние сельского населения увеличивается. И вообще-то экономическое положение крестьянства Самарской губернии сравнительно хорошо — оно выше общерусского. Вот основные показатели, характеризующие экономическое положение крестьянства (по переписи 1916 года):

Таблица № 20

	В среднем на 1 душу населения в крестьянских хозяйствах приходится			
	Десятин посева	Рабочих лошадей	Крупного рогатого скота	Овец
Самарская губ.	1,25	0,32	0,46	1,09
Вся Европейская Россия	0,78	0,21	0,44	0,70

Все показатели по Самарской губернии выше, чем в среднем по России. И вполне естественно, что хороший урожай в среднем еще более увеличивает благосостояние населения.

С увеличением же благосостояния должна бы падать и детская инфекция. Раз улучшается питание, то увеличивается и противодействие организма действию болезнетворных начал, усиливается борьба с возникшей уже болезнью, и смертность уменьшается. Такое же влияние оказывает и улучшение жилищного положения и лучшая одежда и т. д.

Для примера приведем несколько цифровых данных, характеризующих влияние благосостояния на смертность от детской инфекции (см. табл. № 21 на стр. 38).

Таким образом, влияние благосостояния на понижение смертности от детской инфекции несомненно.

Можно, правда, думать, что улучшение благосостояния населения после урожая есть процесс медленный, растягивающийся на несколько лет. Но целый ряд крестьянских корреспонденций о влиянии урожая 1894 года на хозяйство говорят обратное [1]. Вот выдержки:

«Почти повсеместно хорошие заработки парализуют влияние низких цен». «В Грайворонском и Судженском уездах Курской губернии некоторые семьи выручали по 200 рублей на уборке хлеба и копке свеклович». «Народ стал разборчив и не идет, как бывало прежде, на дешевые заработки, предпочитая занятие около дома (пишут из Щигровского уезда)». «Хлеб крестьяне едят чистый и вволю (пишет корреспондент Карачевского уезда); прежние крыши (черные, гнилые, обвалившиеся)

[1] Цитировано по Покровскому «Влияние урожаев и т. д.»

Таблица № 21

	На 10.000 населения в год (в среднем за 1886—1895 г.г.) приходилось смертных случаев			
	От дифтерии и скарлатины		От кори, коклюша, оспы и брюшного тифа	
	В Берлине	В Париже	В Берлине	В Париже
Очень бедные	14,5	8,6	6,5	13,0
Бедные	13,5	8,5	7,5	12,0
Среднего достатка	11,0	5,5	7,2	8,1
Выше среднего достатка	11,0	4,0	4,5	6,5
Богатые	8,0	4,0	4,0	5,9
Очень богатые	5,0	2,5	2,4	3,7

заменены новыми, завалившиеся задворки исправляются». «Благодаря обилию кормов, крестьяне (как сообщают из Старобельского уезда) стараются удержать скот-молодняк: телят, ягнят, жеребят; во всяком дворе завизжали поросята». «Пища крестьян (пишут из Ливенского уезда) значительно улучшилась: чаще стало появляться мясо, даже не у совсем зажиточных, тогда как в прежние годы и богатые имели свежину только в годовые праздники». «Повинности отбываются и оклады выплачиваются исправно; пополняется мертвый инвентарь; скот у крестьян в хорошем состоянии; заметно улучшение в пище и одежде; заработки увеличились благодаря усиленным работам по уборке и вывозке урожая в помещичьих имениях» и т. д.

Все говорит за то, что после хорошего урожая смертность от детской инфекции должна уменьшиться в следующий же год. На самом же деле наблюдается обратное — смертность не только не понижается, а увеличивается, и увеличивается весьма значительно. И на этот вопрос мы не можем дать исчерпывающего ответа. Влияние урожаев на различные стороны крестьянской жизни исследовано настолько мало, что нет возможности поставить сколько-нибудь правильную гипотезу. Но направления, в которых следует делать соответствующие поиски, можно наметить и сейчас.

Во-первых, распространение детской инфекции сильно зависит от метеорологических условий. Более влажная осень и более суровая зима увеличивают простудно-инфекционную заболеваемость детей. Вместе с тем с большой вероятностью можно предполагать довольно тесную связь урожая с погодой следующего года. Связь погоды весной и летом с размерами урожая того же года вполне определенно установлена *В. М. Обуховым*. Погода же каждого года находится в связи с погодой предшествующего года. Таким образом, изыскание связи размеров урожая с характером погоды следующего года должно сильно способствовать выяснению интересующего нас вопроса.

Во-вторых, много должно пролить света исследование условий жизни детей в послеурожайные годы и особенно их питания. Хотя нет никаких

сомнений в общем улучшении экономического благосостояния крестьянского населения, все же в семьях наиболее бедных увеличение питания могло итти только за счет увеличения потребления хлеба, поскольку цены на него стоят наиболее низкие. А потребление хлебной пищи, даже в большом количестве, не может явиться моментом укрепляющим здоровье ребенка. Затем нам совсем неизвестно, есть ли категории крестьян. ухудшающих свое положение в результате высокого урожая. Несомненно, такие слои крестьянства должны быть, хотя бы в силу сильных колебаний урожайности. Крестьяне, собравшие небольшой урожай, при условии низких цен на хлеб должны очутиться в самом бедственном положении. В таком же бедственном положении должны очутиться, думается, и безлошадные и однолошадные крестьяне, не работающие по найму.

Наконец, надо хорошо изучить всю бытовую обстановку послеурожайных лет.

Сейчас же мы только достаточно определенно можем сказать, что в связи с повышенным местным урожаем на следующий год увеличивается смертность в возрасте 1—10 лет, главным образом в зимние и осенние месяцы, что указывает на распространение детской инфекции.

Мы подробно рассмотрели, как влияют размеры урожая на смертность следующего года в разных возрастных группах населения. Выясним теперь это влияние год спустя.

В следующей таблице, составленной на основании формул, видно, как меняется смертность разных возрастных групп вместе с изменением размеров урожая через один год после урожая.

Таблица № 22

Индекс урожайности	Индекс смертности через 1 год после года урожая в возрасте					
	Менее 1 года	1 — 5 лет	5 — 10 лет	10 — 20 лет	20 — 55 лет	Свыше 55 лет
1	2	3	4	5	6	7
— 30	— 6,9	— 3,9	— 2,6	— 8,4	— 8,2	— 0,7
— 20	— 4,8	— 2,9	— 4,9	— 10,7	— 9,6	— 2,3
— 15	— 3,8	— 2,4	— 6,1	— 11,9	— 10,3	— 3,0
— 10	— 2,7	— 1,8	— 7,3	— 13,0	— 10,9	— 3,8
— 5	— 1,7	— 1,3	— 8,5	— 14,1	— 11,6	— 4,5
0	— 0,7	— 0,8	— 9,6	— 15,3	— 12,3	— 5,3
+ 5	+ 0,4	— 0,2	— 10,8	— 16,4	— 12,9	— 6,1
+ 10	+ 1,4	+ 0,3	— 12,0	— 17,6	— 13,6	— 6,8
+ 15	+ 2,4	+ 0,8	— 13,1	— 18,7	— 14,3	— 7,6
+ 20	+ 3,4	+ 1,4	— 14,3	— 19,8	— 14,9	— 8,4
+ 30	+ 5,5	+ 2,4	— 16,6	— 22,1	— 16,3	— 9,9

В возрасте до 1 года и отчасти в возрасте 1—5 лет смертность возрастает вместе с увеличением урожая. В остальных возрастах с повыше-

нием урожая она падает и падает весьма значительно. Так в возрасте 5—10 лет, при изменении индекса урожайности от — 30 до + 30, индекс смертности падает с — 2,6 до — 16,6, т.-е. на 14,0, а в возрасте 10—20 лет с — 8,4 до — 22,1, т.-е. на 13,7.

Весьма странным приходится признать наблюдаемое здесь повышение смертности в раннем детстве при повышении размеров урожая. В предшествовавший год в этих возрастах наблюдалась обратная картина — вместе с увеличением размеров урожая смертность уменьшилась Для объяснения этого явления можно принять во внимание 2 момента.

Во-первых, после урожайного года замечается повышенное число браков. Если взять всю Европейскую Россию в целом, то там повышение брачности характеризуется следующими цифрами [1]:

Размер общерусской урожайности	Индекс брачности на следующий после урожая год
Хороший (более + 15)	+ 2,0
Вышесредний (+ 5 до + 15)	+ 2,4
Средний (индекс — 5 до + 5)	— 2,4

Даже в среднем для всей Европейской России брачность увеличивается на 4 — 5%. Вполне понятно, что в чисто земледельческой Самарской губернии это повышение должно быть еще больше. А раз так, то через 1 год после урожайного года должно увеличиться относительное число первенцев среди всех рождающихся. Первенцы же дают повышенную смертность. Молодая неопытная мать не может дать правильный уход ребенку, и новорожденные у таких неопытных матерей гибнут в значительно большем числе.

Во-вторых, как уже отмечалось выше, повышенный урожай улучшает в общем все условия жизни. Вместе с тем он не может не отразиться и на улучшении регистрации смертности — особенно новорожденных.

Вот два направления, в которых, думается, следует искать объяснения повышения детской смертности через год после повышения урожайности [2].

Прежде чем приступить к более подробному выяснению связи между размерами урожайности и смертностью 1 год спустя после урожайного года, посмотрим, какова эта же связь со смертностью через 2 года после года урожая.

[1] Ввиду того, что военные и послевоенные годы оказывают огромное влияние на брачность, из подсчета исключены 1877—79 годы и 1904 и 1905 г.г.

[2] Необходимо заметить, что повышенная детская смертность ни в какой мере не является результатом повышения рождаемости в послеурожайные годы, ибо такого повышения не наблюдается. Индекс рождаемости спустя 1 год после урожайности таков: при среднем урожае + 0,1, при вышесреднем + 1,3 и при хорошем — 0.3.

В следующей таблице и приведена эта связь, определенная по формулам.

Таблица № 23

Индекс урожайности	Средний индекс смертности через 2 года после года урожая в возрасте					
	Менее 1 года	1—5 л.	5—10 л.	10—20 л.	20—55 л.	Свыше 55 лет
1	2	3	4	5	6	7
— 30	+ 5,8	+ 18,9	+ 31,2	+ 12,1	+ 5,4	+ 4,6
— 20	+ 3,6	+ 12,3	+ 17,6	+ 3,0	— 0,5	+ 1,3
— 15	+ 2,6	+ 9,1	+ 10,8	— 1,6	— 3,4	— 0,4
— 10	+ 1,5	+ 5,8	+ 4,0	— 6,1	— 6,4	— 2,0
— 5	+ 0,4	+ 2,5	— 2,8	— 10,7	— 9,3	— 3,7
0	— 0,7	— 0,8	— 9,6	— 15,3	— 12,3	— 5,3
+ 5	— 1,8	— 4,0	— 16,4	— 19,8	— 15,2	— 7,0
+ 10	— 2,8	— 7,3	— 23,2	— 24,4	— 18,2	— 8,6
+ 15	— 3,9	— 10,6	— 30,0	— 29,0	— 21,1	— 10,3
+ 20	— 5,0	— 13,9	— 36,8	— 33,5	— 24,1	— 11,9
+ 30	— 7,2	— 20,4	— 50,5	— 42,7	— 30,0	— 15,2

Здесь уже благоприятное влияние урожая и неблагоприятное — неурожая сказывается с полной ясностью во всех возрастах. Но если в ранних детских возрастах оно не велико, то в возрасте 5—10 лет, при понижении урожая всего на 1%, смертность увеличивается на 1,4%; при понижении, наоборот, уменьшается на такую же величину. В более старых возрастах смертность изменяется не так сильно, при чем чем больше возраст, тем медленнее изменение смертности. При изменении размера урожая на 1%, смертность изменяется в возрасте 10—20 лет на 0,9%, в возрасте 20—55 лет на 0,6% и в возрасте более 55 лет на 0,3%.

Заодно рассмотрим и связь между размерами урожаев и смертностью через 3 года после года урожая (см. табл. № 24 на стр. 42).

Здесь точно так же во всех возрастах при изменении размеров урожайности изменяется и смертность, но в значительно меньших пределах, чем через 2 года. Наибольшие изменения здесь также дает возраст 5—10 лет, а затем с увеличением возраста прирост смертности в связи с понижением размеров урожаев быстро уменьшается.

Во всех случаях, за исключением двух самых малых возрастных групп, мы видели, что по истечении 1 года и более после повышения урожая смертность значительно уменьшается. Рассмотрим сейчас, как она меняется вообще после повышенного урожая в течение ряда следующих лет, предполагая, что во все годы, кроме исследуемого, размер урожая был средний. Сперва возьмем вышесредний урожай, для которого урожайный индекс можно считать равным + 10.

Таблица № 24

Индекс урожайности	Средний индекс смертности через 3 года после года урожая в возрасте					
	Менее 1 года	1 — 5 л.	5 — 10 л.	10 — 20 л.	20 — 55 л.	Свыше 55 лет
1	2	3	4	5	6	7
— 30	+ 3,0	+ 8,8	+ 16,2	— 3,1	— 9,3	— 1,9
— 20	+ 1,8	+ 5,6	+ 7,6	— 7,2	— 10,3	— 3,1
— 15	+ 1,1	+ 4,0	+ 3,3	— 9,2	— 10,8	— 3,6
— 10	+ 0,5	+ 2,4	— 1,0	— 11,2	— 11,3	— 4,2
— 5	— 0,1	+ 0,8	— 5,3	— 13,2	— 11,8	— 4,7
0	— 0,7	— 0,8	— 9,6	— 15,3	— 12,3	— 5,3
+ 5	— 1,3	— 2,3	— 13,9	— 17,3	— 12,8	— 5,9
+ 10	— 1,9	— 3,9	— 18,2	— 19,3	— 13,3	— 6,4
+ 15	— 2,5	— 5,5	— 22,5	— 21,4	— 13,7	— 7,0
+ 20	— 3,1	— 7,1	— 26,8	— 23,4	— 14,2	— 7,6
+ 30	— 4,3	— 10,3	— 35,5	— 27,4	— 15,2	— 8,7

В следующей таблице и приведено изменение смертности разных возрастных групп после вышесреднего урожая с индексом + 10.

Таблица № 25

Возрастные группы	Индекс смертности после урожая с индексом + 10 в год после года урожая			
	Первый	Второй	Третий	Четвертый
1	2	3	4	5
Менее 1 года	— 3,7	+ 1,4	— 2,8	— 1,9
1 — 5 лет	— 5,4	+ 0,3	— 7,3	— 3,9
5 — 10 »	— 6,4	— 12,0	— 23,2	— 18,2
10 — 20 »	— 11,1	— 17,6	— 24,4	— 19,3
20 — 55 »	— 11,7	— 13,6	— 18,2	— 13,3
Свыше 55 лет	— 8,7	— 6,8	— 8,6	— 6,4

Три возрастных группы от 5 до 55 лет дают примерно одинаковый характер изменения. Первый год после урожая, как мы знаем, дает несколько повышенную смертность, которая в дальнейшем быстро пони-

жается и достигает наименьшей величины на третьем году после урожая. Наиболее резкое изменение дает как раз возраст 5—10 лет.

Возрасты до 5 лет дают небольшое повышение смертности на втором году после урожая, о котором уже шла речь выше. Самые же старые возрасты — старше 55 — дают скачкообразное изменение смертности, незначительно отклоняющееся от среднего уровня.

При хорошем урожае с индексом + 20 картина получается следующая:

Таблица № 26

Возрастные группы	Индекс смертности после урожая с индексом + 20 в год после года урожая			
	Первый	Второй	Третий	Четвертый
1	2	3	4	5
Менее 1 года	— 5,9	+ 3,4	— 5,0	— 3,1
1 — 5 лет	— 7,7	+ 1,4	— 13,9	— 7,1
5 — 10 »	+ 11,2	— 14,3	— 36,8	— 26,8
10 — 20 »	+ 14,2	— 19,8	— 33,5	— 23,4
20 — 55 »	+ 5,1	— 14,9	— 24,1	— 14,2
Свыше 55 лет	— 6,2	— 8,4	— 11,9	— 7,6

Здесь опять выделяются три возрастные группы 5—55 лет, дающие тот же характер изменения смертности, что и при вышесреднем урожае, только в гораздо более резкой степени. На следующий после урожая год смертность быстро скачет вверх, затем так же быстро падает, на третий год достигает наименьшей величины и затем опять начинает возвращаться к среднему уровню.

В возрасте до 5 лет в обеих возрастных группах отмечается также резкий скачок смертности вверх во втором году. Что касается стариков, то при хорошем урожае они в течение трех лет подряд дают пониженную смертность, которая с 4 года начинает приближаться к нормальной.

Если взять очень хороший урожай с индексом + 30, то картина получилась бы еще более резкой, не отличаясь ничем существенно по характеру изменения смертности от приведенных выше.

Как же изменяется смертность после неурожая? Возьмем сперва нижесредний урожай с индексом — 10. Получаем следующее (см. табл. № 27 на стр. 44).

Во всех возрастах изменение смертности идет весьма скачкообразно. На первый год резкое повышение, затем возвращение примерно к прежнему уровню, затем опять некоторое, а в возрасте 5—10 лет даже значительное повышение на третьем году и опять падение на четвертом году. Меньше всего этим колебаниям подвергаются самые старые и самые молодые (до 1 г.) возрасты. Средина же, т.-е. возрастные группы 5—10 и 10—20 лет, дает наибольшее колебание.

Таблица № 28 показывает изменение смертности после большого общерусского неурожая.

Таблица № 27

Возрастные группы	Индекс смертности после урожая с индексом — 10 в год после года урожая				
	Нулевой	Первый	Второй	Третий	Четвертый
1	2	3	4	5	6
Менее 1 года	— 0,7	+ 3,3	— 2,7	+ 1,5	+ 0,5
1 — 5 лет	— 0,8	+ 5,6	— 1,8	+ 5,8	+ 2,4
5 — 10 »	— 9,6	+ 1,5	— 7,3	+ 4,0	— 1,0
10 — 20 »	— 15,3	+ 1,6	— 13,0	— 6,1	— 11,2
20 — 55 »	— 12,3	+ 3,3	— 10,9	— 6,4	— 11,3
Свыше 55 лет	— 5,3	+ 3,9	— 3,8	— 2,0	— 4,2

При сильном неурожае скачки в изменении смертности получаются еще более резкие, но характер изменения в общем тот же, что и при ниже-среднем урожае. Существенно отметить, что наиболее резкое повышение смертности на третьем году приходится на детские возрасты, при чем для них и четвертый год дает сильно повышенные цифры. Вместе с этим наибольшее повышение смертности на первом году после урожая наблюдается в рабочих и полурабочих возрастах.

Таблица № 28

Возрастные группы	Индекс смертности после урожая с индексом — 20 в год после года урожая				
	Нулевой	Первый	Второй	Третий	Четвертый
1	2	3	4	5	6
Менее 1 года	— 0,7	+ 8,1	— 4,8	+ 3,6	+ 1,8
1 — 5 лет	— 0,8	+ 13,9	— 2,9	+ 12,3	+ 5,6
5 — 10 »	— 9,6	+ 27,0	— 4,9	+ 17,6	+ 7,6
10 — 20 »	— 15,3	+ 39,6	— 10,7	+ 3,0	— 7,2
20 — 55 »	— 12,3	+ 35,0	— 9,6	— 0,5	— 10,3
Свыше 55 лет . . .	— 5,3	+ 19,0	— 2,3	+ 1,3	— 3,1

Чем же вызван такой скачкообразный характер изменения смертности после больших неурожаев? Как говорилось уже выше, неурожай в следующем же году вызывает сильное развитие эпидемий, главным образом желудочно-кишечного характера, поражающих особенно сильно рабочие и полурабочие возрасты. В связи с этим наблюдается особенно повышенная смертность в летние месяцы. Но эта вспышка эпидемий желудочно кишечных заболеваний носит непродолжительный характер.

Таблица № 29

Возрастные группы	Разность индекса смертности при повышенном и среднем урожае в год после года урожая			
	Первый	Второй	Третий	Четвертый
До 1 года	+ 0,6	+ 3,5	— 4,3	+ 3,5
1 — 5 лет	+ 11,2	— 6,4	— 5,7	+ 5,7
5 — 10 »	+ 12,0	— 7,4	— 5,4	+ 2,3
10 — 20 »	+ 12,5	— 2,1	— 11,7	— 4,1
20 — 55 »	— 0,3	+ 1,2	— 10,0	— 3,5
Свыше 55 лет	— 2,9	+ 0,4	— 1,7	— 1,2

Несмотря на то, что здесь не исключено влияние размеров урожая предшествующих лет, изменение смертности выступает достаточно ясно. Здесь по характеру изменения смертности резко выделяются 2 возрастные группы. Для детского возраста 1—10 лет мы видим резкое увеличение смертности на первый год и резкое падение ее на второй и третий. Четвертый год дает даже некоторое превышение над нормой.

В рабочем же и полурабочем возрасте 10—55 лет на первый и второй год не обнаруживается почти никаких изменений; зато третий год дает резкое понижение смертности.

Наконец, в младенческом и старческом возрасте изменения смертности сравнительно невелики и, повидимому, почти не выходят за пределы вероятных ошибок.

Следующие цифры покажут, как изменяется смертность в возрасте старше 1 года после повышенного местного урожая в разные времена года (см. табл. № 30 на стр. 46).

Как мы уже видели выше, в первый год после повышенного урожая смертность сильно повышена зимой и осенью, отчасти весной, что в свое время было поставлено в тесную связь с развитием простудных детских инфекций.

Во втором году смертность резко понижена только осенью и, повидимому, главным образом за счет смертности детей, поскольку остальные возрасты никакого понижения на второй год не дают. Это понижение продолжается и в течение всего третьего года, но уже для всех возрастов.

Если суммировать все вышесказанное, то наиболее вероятный механизм связи изменения смертности с повышенным местным урожаем придется признать следующим.

Зимой тотчас же после повышенного урожая начинают развиваться детские простудные инфекции, захватывающие и весну и снова появляющиеся осенью и отчасти зимой следующего года. Развитие этих инфекций стоит вне связи с изменением благосостояния населения и изменением детского питания, а зависит либо от связанных с повышением урожая факторов метеорологического порядка, либо же от каких-то специфических изменений в быте населения. В следующие годы, с одной сто-

роны, под влиянием приобретенного иммунитета, а с другой — благодаря улучшению питания детей после урожая, их смертность уменьшается. Взрослая часть населения под влиянием улучшения питания и благосостояния вообще в первые два года после повышенного урожая дает скорее немного пониженную смертность (если принять косвенное влияние общерусского урожая на цифры табл. № 30), достигающую сильного понижения на третьем году.

Таблица № 30

Год после года урожая	Время года	Разность индекса смертности в годы с повышен. урож. и со средним
Первый	зима (дек. — февр.) . . .	+ 7,6
	весна (март — май) . . .	+ 3,4
	лето (июнь — авг.) . . .	+ 1,5
	осень (сент. — ноябрь) .	+ 6,4
Второй	зима (дек. — февр.) . . .	+ 3,5
	весна (март — май) . . .	— 2,7
	лето (июнь — авг.) . . .	— 0,7
	осень (сент. — ноябрь) .	— 13,5
Третий	зима (дек. — февр.) . . .	— 9,3
	весна (март — май) . . .	— 9,6
	лето (июнь — авг.) . . .	— 15,2
	осень (сент. — ноябрь) .	— 1,7
Четвертый	зима (дек. — февр.) . . .	+ 0,1
	весна (март — май) . . .	0,0
	лето (июнь — авг.) . .	— 1,2
	осень (сент. — ноябрь) .	+ 0,7

Общерусский же повышенный урожай способствует распространению желудочно-кишечных инфекций, захватывающих преимущественно более взрослую часть населения.

Таков, думается, механизм связи между повышенным урожаем и смертностью в Самарской губернии. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы слишком недостаточны для того, чтобы считать этот механизм твердо установленным. Сделанные нами выводы носят до некоторой степени условный, так сказать, рабочий характер. Только дальнейшие углубленные работы в этом направлении могут дать решение вопроса до конца.

Вполне естественно ожидать, что намеченный нами механизм связи между изменением урожайности и изменением смертности для Самарской губернии в деталях окажется другим для губерний других районов. Для

большего освещения вопроса остановимся несколько на изучении смертности Волынской губернии. Во-первых, посмотрим, какова смертность на следующий год после лет разной урожайности.

Таблица № 31

Возрастные группы	Индекс смертности на следующий год после общерусского урожая				
	Плохого (мен. — 15,0)	Ниже среднего (— 15,0 до — 5,0)	Среднего (— 5,0 до + 5,0)	Выше среднего (+ 5,0 — 15,0)	Хорошего (+ 15,0 и бол.)
1	2	3	4	5	6
Менее 1 года	— 0,5	— 4,7	— 0,1	+ 1,7	+ 9,0
1 — 5 лет	— 2,4	— 7,2	— 1,2	+ 3,0	+ 16,2
5 — 10 »	— 9,4	— 4,8	— 4,3	+ 1,0	+ 26,5
10 — 20 »	— 3,4	+ 3,8	+ 3,2	— 5,0	+ 15,7
20 — 55 »	— 3,9	+ 7,3	+ 6,0	— 5,6	+ 11,4
Свыше 55 лет	— 1,1	+ 2,1	— 0,9	— 0,7	+ 4,0

Уже на второй год после неурожая смертность сильно понижается. и опять-таки, главным образом, в рабочих и полурабочих возрастах. Объяснения этого явления приходится искать в двух направлениях. Во-первых, ряд заболеваний вызывает более или менее длительный иммунитет по отношению к этой же болезни. Таким образом, уже в силу только одной этой причины, заболеваемость той или иной болезнью должна уменьшиться и уменьшиться тем сильнее, чем сильнее была заболеваемость в предшествовавшем году. Во-вторых, после неурожая смертность захватывает преимущественно более слабые организмы, уже расстроенные в большей или меньшей степени какими-либо болезнями или хотя бы с пониженным питанием. Поскольку же влияние недоедания, по данным медицинской науки, начинает приводить к существенному расслаблению организма и понижению его защитительных свойств только спустя 2—3 года, то на второй год никакого пагубного влияния ни местного, ни тем более всероссийского урожая быть не должно. Его влияние сказывается только на третьем и на четвертом году. Здесь уже повышение не приходится, главным образом, на летние месяцы. Сильно повышены и весна, и лето, и осень третьего, и зима четвертого года, при чем увеличение смертности наблюдается во всех без исключения возрастах.

Но наибольшее увеличение смертности наблюдается как раз в детском возрасте от 1 до 10 лет. Кроме обычного расслабления организма, недоедание в этом возрасте вызывает еще замедление развития, которое также сказывается через несколько лет в уменьшении сопротивляемости организма действию болезнетворных начал. На третьем и четвертом году после неурожая мы видим увеличение детской смертности, одновременно с повышением смертности весной, осенью и зимой. Таким образом, с боль-

ной вероятностью можно предполагать здесь развитие среди детей заболеваний простудного характера.

Совсем иное положение, мы видим, с изменением смертности после высоких урожаев. Как уже было видно выше, на следующий год после высокого общерусского урожая смертность сильно повышается, а затем начинает быстро падать, спускаясь ниже нормы смертности при среднем урожае и только на 4 год возвращаясь к этой норме. Развивающиеся после урожая разные острые заболевания на следующие годы уменьшаются благодаря действию иммунитета. Второго повышения смертности, какое наблюдалось после неурожаев, здесь уже нет. Это заставляет думать, что развитие заболеваний после урожайных лет происходит не на почве расслабления организма, а благодаря каким-то другим причинам внешнего характера, способствующим усилению действий болезнетворных начал. И скорее наоборот, повышенный урожай, улучшая питание, в конце концов, увеличивает сопротивляемость организмов действию болезнетворных начал, что сказывается, вместе с иммунитетом на понижении смертности на второй и третий год после урожая. Развитие заболеваний и повышенная смертность происходят, видимо, несмотря на улучшение питания.

Не менее определенно изменяется смертность и после повышенного местного урожая. По техническим условиям, благодаря кропотливости вычислительной работы, приводим только одни средние по группам урожайности, не исключая влияния размеров урожая предшествующих лет. Для простоты возьмем разность индексов смертности при повышенном и при среднем урожае.

Здесь оказывается понижение смертности после плохого общерусского урожая во всех без исключения возрастах, но главным-то образом в возрасте 5—10 лет. Наоборот, при хорошем урожае смертность сильно повышена также во всех возрастах, и опять-таки в наибольшей степени в возрасте 5—10 лет. Промежуточная группа урожайности — выше-средний — дает один неправильный скачок в возрасте 10—55 лет, но в остальном картина получается достаточно ясная.

Чрезвычайно существенным здесь является то, что такое резкое повышение смертности вызвано преимущественно общерусским урожаем. Если подсчитать средний индекс местной урожайности[1] для каждой общерусской группы, получим следующее:

Группы лет с индексом общерусской урожайности	Средний индекс урожайности Волынской губ.
Менее — 15,0	— 6,9
— 15,0 до — 5,0	— 6,5
— 5,0 до + 5,0	+ 1,5
+ 5,0 до + 15,0	+ 8,1
+ 15,0 и более	+ 5,2

[1] Местная урожайность известна только для периода после 1883 года.

В общем наблюдается некоторое соответствие между общерусским и местным урожаем. Но весьма важным оказывается то, что хорошему общерусскому урожаю соответствует более низкий местный урожай, чем вышесреднему. В группу лет с вышесредним общерусским урожаем попадают почти все годы с наиболее высоким местным урожаем. Таким образом, ясно, что увеличение смертности после хорошего общерусского урожая должно быть поставлено в самую тесную связь с ним, как с таковым, а не как с местным урожаем. Посмотрим теперь, как меняется смертность в следующие после хорошего урожая годы (см. табл. № 32).

Картина получается несколько иная, чем в Самарской губернии. Здесь и второй год дает сильно повышенную смертность, тогда как в Самарской губернии в этот год наблюдалось сильное понижение. Затем сильное повышение смертности здесь захватывает и детские возрасты. Самый же рабочий возраст дает наиболее сильное повышение только на втором году, при чем и самые старые возрасты дают такой же характер изменения смертности.

Повидимому, те процессы, которые имеют место и в Самарской губернии, развиваются здесь с некоторым запозданием и вместе с тем с большей силой.

Таблица № 32

Возрастные группы	Разность индекса смертности при хорошем и при среднем урожае в год после года урожая			
	Первый	Второй	Третий	Четвертый
1	2	3	4	5
До 1 года	+ 10,0	+ 5,9	— 3,9	+ 5,6
1 — 5 лет	+ 17,4	+ 6,3	— 7,9	+ 8,5
5 — 10 »	+ 30,8	+ 29,3	— 1,0	+ 5,7
10 — 20 »	+ 12,5	+ 10,4	— 0,6	— 4,5
20 — 55 »	+ 5,4	+ 27,6	+ 0,2	— 9,5
Свыше 55 лет	+ 4,9	+ 7,7	— 2,3	— 7,4

Местный урожаи, как и в Самарской губернии, повышает смертность детских возрастов.

Таблица № 33

Возрастные группы	Индекс смертности на следующий год после хорошего местного урожая (более + 15,0)
Менее 1 года	+ 4,4
1 — 5 лет.	+ 9,1
5 — 10 »	+ 4,4
10 — 20 »	+ 0,3
20 — 55 »	— 5,9
Свыше 55 лет	— 4,5

Детские возрасты дают существенное повышение смертности. Зато у взрослых, как раз наоборот, смертность несколько понижена. Таким образом, и при местном хорошем урожае в Волынской губернии наблюдаются, примерно, те же процессы, что и в Самарской.

Чтобы полнее осветить связь между размерами урожая и смертностью, остановимся еще и на том небывалом голоде, который переживала Советская Россия в 1921—1922 г.г.

Полный развал статистики естественного движения населения не дает возможности в сколько-нибудь достаточной степени осветить наблюдавшиеся тогда явления.

Из всего СССР сколько-нибудь полные сведения о движении населения за 1920—22 г.г. имеются только по 20 губерниям [1]. Общее число умерших по этим губерниям таково:

Таблица № 34

Годы	Число умерших	
	В тысячах	В % к 1920 г.
1920 г.	1.022,7	100,0
1921 г.	812,6	77,6
1922 г.	953,7	91,0

Неурожай был в 1921 году, а на следующий 1922 год наблюдается значительное увеличение смертности. По этим 20 губерниям число умерших в 1922 году все же значительно ниже, чем в 1920 году. Происходит это потому, что в числе 20 губерний главную массу составляют губернии, не пораженные неурожаем, где к тому же в 1920 году свирепствовали ужасные эпидемии, прекратившиеся в 1921 и 1922 годах.

[1] См. Сборник статистических сведений по Союзу С. С. Р. 1918 — 1923 г.г. за пять лет работы Центрального Статистического Управления, стр. 40 — 41.

Из губерний, пораженных неурожаем, сведения имеются только по 4 губерниям.

Число умерших в этих губерниях изменялось так:

Таблица № 35

Название губерний	Число умерших в тыс.		
	1920 г.	1921 г.	1922 г.
1. Свердловская	92,5	89,6	106,6
2. Саратовская	109,1	69,3	121,2
3. Татреспублика	110,9	128,4	168,2
4. Чувашская область	31,0	35,9	32,2
Всего по 4 неур. губ. в тыс. .	343,5	323.2	428,2
Всего по 4 неур. губ. в %% к 1920 г.	100,0	94,0	122,2
То же по губ., не охваченным неурожаем	100,0	72,0	77,7

Таким образом, в губерниях, охваченных неурожаем, в 1921 году смертность была немного ниже, чем в 1920 г., зато в 1922 г., когда особенно сильно сказались последствия неурожая, смертность повысилась на 22%. В это же время в губерниях, не захваченных неурожаем, смертность была даже на 22% ниже по сравнению с 1920 годом.

Размеры повышения смертности по этим данным, повидимому, несколько преуменьшены. Дело в том, что голодом был расстроен весь управленческий аппарат. Этого расстройства не избежали и Загсы, где происходит регистрация естественного движения населения. В некоторых голодных губерниях даже оказывалось, что число зарегистрированных смертных случаев во время голода не только не увеличивалось, но даже уменьшалось в несколько раз.

В приведенных данных о смертности как раз не учтены губернии, наиболее сильно пострадавшие от неурожая. По данным выборочной гнездовой переписи 1922 года определено, что в этих губерниях (Башкирской ССР, Челябинской, Самарской и Немкоммуне) за 2 года население убавилось на 20,6%. В то же время в губерниях, менее пострадавших от неурожая, население убыло только на 7,3%. Несомненно, эта убыль населения обусловлена не только повышением смертности. Не малое значение для этой убыли имеет простое выселение из голодающих губерний. Но, видимо, главную роль играет как раз увеличение смертности. В этом нас убеждают еще следующие данные[1].

При обследовании питания летом 1922 г. в неурожайных местностях в обследованных семьях выяснялось, какое количество членов семьи умерло за разные годы. Вполне понятно, что полученные таким методом

[1] См. «Экономическое обозрение», выпуск 1-й, стр. 76, статья А. Лосицкого.

показатели смертности должны быть преуменьшены, ибо в учет ни коим образом не могли попасть совершенно вымершие семьи. Тем не менее результаты обследования указывают на чудовищное повышение смертности в голодающих губерниях.

Таблица № 36

Название губерний	Число смертей на 100 душ обследованных семей в год		
	1919—20 г.	1920—21 г.	1921—22 г.
Ульяновская	2,5	2.2	4,0
Чувашская обл.	1,7	3,3	4,6
Екатеринославская	1,6	2,6	6,7
Воронежская	2,8	3,6	6,9
Ставропольская	3,3	2,3	7,6
Саратовская	1,9	4,1	7,9
Оренбургская	2,1	3,1	8,3
Донская обл.	4,3	2,6	8,4
Свердловская	2,4	4,7	9,4
Крым	1,9	3,9	10,4
Татреспублика	2,4	4,1	12,3
Башкирия	2,8	2,4	12,4
Самарская	2,8	4,0	13,9

В некоторых губерниях в голодный 1921—22 г. смертность в 5 и более раз выше, чем в 1919—1920 хозяйственный год. Правда, здесь для более ранних годов, несомненно, имеется некоторый недоучет, благодаря запамятованию смертей в эти годы. Тем не менее, даже при условии существенной поправки на недоучет, исходя из коэффициентов смертности довоенного времени, все же придется признать, что величина смертности в некоторых губерниях повышается в 3—4 раза.

Это же обследование показывает, что повышение смертности в таких огромных размерах наблюдается для экономически слабой части населения. Вот, например, цифры Воронежской губернии (1921—22 г.) [1].

Группы хозяйств	Число смертей на 100 душ в год
Многопосевные	2,3
Среднепосевные	7,7
Малопосевные	11,0
Беспосевные	23,2

Смертность у беспосевных в 10 раз больше, чем у многопосевных.

На этом мы кончаем наше исследование. Окончательных и бесспорных выводов у нас еще нет. Но мы получили ряд предварительных выводов, которые подлежат дальнейшему уточнению, а главное углублению.

Приложение 1

Вычисление индекса урожайности по всей России за 1871—1913 г.г.

Годы	Год, принимая 1892 за нулевой t	Наблюд. урожайн. в самах x^1	Произведение $x^1 . t$	Вычисл. урожайн. в самах $\bar{x}$	Отклонение наблюден. урожайн. от вычисл. $\delta = x^1 - \bar{x}$	Индекс урожайн. $x = \frac{\delta}{\bar{x}} . 100$
1871	— 21	3,52	— 73,92	3,71	— 0.19	— 5,1
1872	— 20	3,88	— 77,60	3,73	+ 0,13	+ 3,5
1873	— 19	3,94	— 74,86	3,79	+ 0,15	+ 4,0
1874	— 18	4,34	— 78,12	3,84	+ 0,50	+ 13,0
1875	— 17	3,38	— 57,46	3,88	— 0,50	— 12,9
1876	— 16	3,85	— 61,60	3,93	— 0,08	— 2,0
1877	— 15	4,26	— 63'90	3,97	+ 0,29	+ 7,3
1878	— 14	4,49	— 62,86	4,01	+ 0,48	+ 12,0
1879	— 13	3,78	— 49,14	4,06	— 0,28	— 6,9
1880	— 12	3,65	— 43,80	4,10	— 0,45	— 11,0
1881	— 11	4,73	— 52,03	4,15	+ 0,58	+ 14,0
1882	— 10	4,31	— 43,10	4,19	+ 0,12	+ 2,9
1883	— 9	4,04	— 36,36	4,23	— 0,19	— 4,5
1884	— 8	4,30	— 34,40	4,28	+ 0,02	+ 0,5
1885	— 7	3,65	— 25,55	4,32	— 0,67	— 15,5
1886	— 6	4,28	— 25,68	4,37	— 0,09	— 2,1
1887	— 5	4,87	— 24,35	4,41	+ 0,46	+ 10,4
1888	— 4	4,69	— 18,76	4,45	+ 0,24	+ 5,4
1889	— 3	3,65	— 10,95	4,50	— 0,85	— 18,9
1890	— 2	4,14	— 8,28	4,54	— 0,40	— 8,8
1891	— 1	3,26	— 3,26	4,59	— 1,33	— 29,0
1892	0	4,00	0	4,63	— 0,63	— 13,6
1893	+ 1	5,63	5,63	4,67	+ 0,96	+ 20,6
1894	+ 2	5,68	11,36	4,72	+ 0,96	+ 20,3
1895	+ 3	5,04	15,12	4,76	+ 0,28	+ 5,9
1896	+ 4	5,04	20,16	4,81	+ 0,23	+ 4,8
1897	+ 5	4,12	20,60	4,85	— 0,73	— 15,1
1898	+ 6	4,76	28,56	4,89	— 0,13	— 2,9
1899	+ 7	5,40	37,80	4,94	+ 0,46	+ 9,3
1900	+ 8	5,01	40,08	4,98	+ 0,03	+ 0,6
1901	+ 9	4,08	36,72	5,03	— 0,95	— 18,9
1902	+ 10	5,77	57,70	5,07	+ 0,70	+ 13,8
1903	+ 11	5,20	52,20	5,11	+ 0,09	+ 1,8
1904	+ 12	6,13	73,56	5,16	+ 0,97	+ 18,8
1905	+ 13	4,86	63,18	5,20	— 0.36	— 6,9
1906	+ 14	4,05	56,70	5,22	— 1,20	— 22,9
1907	+ 15	4,88	73,20	5,29	— 0,41	— 7,7
1908	+ 16	5,04	80,64	5,33	— 0,29	— 5,4
1909	+ 17	6,33	107,61	5,33	+ 0,95	+ 17,7
1910	+ 18	5,87	105,66	5,42	+ 0,45	+ 8,3
1911	+ 19	4,17	79,23	5,47	— 1,30	— 23,8
1912	+ 20	6,24	124,80	5,51	+ 0,73	+ 13,2
1913	+ 21	6,75	141,75	5,55	+ 1,20	+ 21,6

Приложение 2

Вычисление индекса смертности по всей России за 1871—1913 г.г.

Годы	Год, принимая 1892 за нулевой t	Наблюд. смертн. на 1.000 населения y^1	Произведение $t \cdot y^1$	Вычисл. смертн. на 1.000 $\bar{y}$	Отклонение наблюден. смертн. от вычислен $\delta = y^1 - \bar{y}$	Индекс смертности $y = \frac{\delta}{\bar{y}} \cdot 100$
1871	— 21	37,8	— 793,8	37,6	+ 0,2	+ 0,5
1872	— 20	40,5	— 810,0	37,4	+ 3,1	+ 8,3
1873	— 19	36,3	— 689,7	37,2	— 0,9	— 2,4
1874	— 18	36,6	— 648,0	36,9	— 1,4	— 3,8
1875	— 17	34,5	— 586,5	36,7	— 2,2	— 6,0
1876	— 16	34,6	— 553,6	36,5	— 1,9	— 5,2
1877	— 15	34,2	— 513,0	36,9	— 2,1	— 5,8
1878	— 14	38,2	— 534,8	36,1	+ 2,1	+ 5,8
1879	— 13	34,8	— 452,4	35,9	— 1,1	— 3,1
1880	— 12	35,4	— 424,8	35,7	— 0,3	— 0,8
1881	— 11	33,2	— 365,2	35,5	— 2,3	— 6,5
1882	— 10	39,5	— 395,0	35,3	+ 4,2	+ 11,9
1883	— 9	36,9	— 332,1	35,1	+ 1,8	+ 5,1
1884	— 8	32,7	— 261,6	34,8	— 2,1	— 6,0
1885	— 7	34,7	— 242,9	34,6	+ 0,1	+ 0,3
1886	— 6	31,2	— 187,2	34,4	— 3,2	— 9,3
1887	— 5	32,2	— 161,0	34,2	— 2,0	— 5,8
1888	— 4	32,3	— 129,2	34,0	— 1,7	— 5,0
1889	— 3	34,5	— 103,5	33,8	+ 0,7	+ 2,1
1890	— 2	35,7	— 71,4	33,6	+ 2,1	+ 6,2
1891	— 1	34,6	— 34,6	33,4	+ 1,2	+ 3,6
1892	0	42,1	0	33.2	+ 8,9	+ 26,8
1893	+ 1	33.1	33,1	33,0	+ 0,1	+ 0,3
1894	+ 2	34,0	68,0	32,7	+ 1,3	+ 4,0
1895	+ 3	35,0	105,0	32,5	+ 2,5	+ 7,7
1896	+ 4	32,8	131,2	32,3	+ 0,5	+ 1,5
1897	+ 5	31,4	157,0	32,1	— 0,7	+ 2,2
1898	+ 6	33,2	199,2	31,9	+ 1,3	+ 3,8
1899	+ 7	31,0	217,0	31,7	— 0,7	— 2,2
1900	+ 8	31,1	248,8	31,5	— 0,4	— 1,3
1901	+ 9	32,1	288,9	31,3	+ 0,8	+ 2,6
1902	+ 10	32,1	321,0	31,1	+ 1,0	+ 3,2
1903	+ 11	30,0	330,0	30,9	— 0,9	— 2,9
1904	+ 12	29,9	358,8	30,6	— 0,7	— 2,3
1905	+ 13	31,7	412,1	30,4	+ 0,7	+ 2,3
1906	+ 14	29,9	418,6	30,2	— 0,3	— 1,0
1907	+ 15	28,4	426,0	30,0	— 1,6	— 5,3
1908	+ 16	28,3	452,8	29,8	— 1,5	— 5,0
1909	+ 17	29,5	501,5	29,6	— 0,1	— 0,3
1910	+ 18	31,5	567,0	29,4	+ 2,1	+ 7,1
1911	+ 19	27,4	520,6	29.2	— 1,8	— 6,2
1912	+ 20	26,5	530,0	29,0	— 2,5	— 8,6
1913 . . .	+ 21	27,4	575,4	28,8	— 1,4	— 4,9

Приложение 3

Индекс рождаемости по Европейской России с 1871 по 1913 г.

Годы	Год, принимая 1892 за нулевой t	Превышен. фактич. числа рожд. над 3 мил. (в тысячах) z^1	Произведение $t \cdot z^1$	Нормальн. число рождений $\bar{z}$	Отклонение фактич. числа рождений от нормальн. $\delta = z^1 - \bar{z}$	Индекс рождаем. $z = \frac{\delta}{\bar{z}} \cdot 100$
1871	— 21	300	— 6.300	3.276	+ 24	+ 0,7
1872	— 20	313	— 6.260	3.327	— 14	— 0,4
1873	— 19	495	— 9.405	3.378	+ 117	+ 3,5
1874	— 18	488	— 8.784	3.429	+ 59	+ 1,7
1875	— 17	548	— 9.315	3.480	+ 68	+ 2,0
1876	— 16	549	— 8.794	3.531	+ 18	+ 0,5
1877	— 15	531	— 7.965	3.582	— 51	— 1,4
1878	— 14	418	— 5.852	3.632	— 214	— 5,9
1879	— 13	662	— 8.606	3.683	— 21	— 0,6
1880	— 12	681	— 8.172	3.734	— 53	— 1,4
1881	— 11	680	— 7.480	3.785	— 105	— 2,8
1882	— 10	927	— 9.270	3.836	+ 91	+ 2,4
1883	— 9	885	— 7.965	3.887	— 2	0
1884	— 8	1.008	— 8.064	3.938	+ 70	+ 1,8
1885	— 7	958	— 6.706	3.989	— 31	— 0,8
1886	— 6	973	— 5.838	4.040	— 67	— 1,7
1887	— 5	1.063	— 5.315	4.091	— 28	— 0,7
1888	— 4	1.269	— 5.076	4.141	+ 128	+ 3,1
1889	— 3	1.233	— 3.699	4.192	+ 41	+ 1,0
1890	— 2	1.228	— 2.456	4.243	— 15	— 0,4
1891	— 1	1.372	— 1.374	4.294	+ 78	+ 1,8
1892	0	1.039	0	4.345	— 312	— 7,2
1893	1	1.298	1.298	4.396	— 98	— 2,2
1894	2	1.392	2.784	4.447	— 55	— 1,2
1895	3	1.539	4.617	4.498	+ 41	+ 0,9
1896	4	1.635	6.540	4.549	+ 86	+ 1,7
1897	5	1.693	8.465	4.600	+ 93	+ 2,0
1898	6	1.626	9.756	4.650	— 24	— 0,5
1899	7	1.765	12.355	4.701	+ 64	+ 1,4
1900	8	1.854	14.832	4.752	+ 102	+ 2,2
1901	9	1.801	16.209	4.803	— 2	0
1902	10	1.993	19.930	4.854	+ 139	+ 2,9
1903	11	1.978	21.758	4.905	+ 73	+ 1,5
1904	12	2.124	25.488	4.956	+ 172	+ 3,5
1905	13	1.830	23.790	5.007	— 177	— 3,5
1906	14	2.121	29.694	5.058	+ 63	+ 1,2
1907	15	2.259	33.885	5.109	+ 150	+ 2,9
1908	16	2.049	32.784	5.159	— 110	— 2,1
1909	17	2.131	36.227	5.210	— 79	— 1,5
1910	18	2.234	40.212	5.261	— 27	— 0,5
1911	19	2.266	43.054	5.312	— 46	— 0,9
1912	20	2.238	44.760	5.363	— 125	— 2,3
1913	21	2.452	51.492	5.414	+ 38	+ 0,7
Всего . .	—	57.892	+ 337.236	—	—	—

Приложение 4

Индекс брачности по Европейской России с 1871 г. по 1913 г.

Годы	Год, принимая 1892 за нулевой t	Превышен. фактич. числа браков над 600 тыс. (в тысячах) v^1	Произведение $t \cdot v^1$	Нормальн. число браков $\bar{v}$	Отклонение фактич. числа браков от нормального $\delta = v^1 - \bar{v}$	Индекс брачности $v = \frac{\delta}{\bar{v}} \cdot 100$
1871	— 21	68	— 1.428	610	+ 58	+ 9,5
1872	— 20	90	— 1.800	619	+ 71	+ 11,5
1873	— 19	48	— 912	628	+ 20	+ 3,2
1874	— 18	65	— 1.170	636	+ 29	+ 4,6
1875	— 17	70	— 1.190	645	+ 25	+ 3,9
1876	— 16	— 10	+ 160	654	— 64	— 9,8
1877	— 15	— 73	+ 1.095	663	— 136	— 20,5
1878	— 14	65	— 910	671	— 6	— 0,9
1879	— 13	143	— 1.859	680	+ 63	+ 9,3
1880	— 12	109	— 1.308	689	+ 20	+ 2,9
1881	— 11	131	— 1.441	697	+ 34	+ 4,9
1882	— 10	119	— 1.190	706	+ 13	+ 1,8
1883	— 9	135	— 1.215	715	+ 30	+ 2,8
1884	— 8	93	— 744	723	— 40	— 4,1
1885	— 7	83	— 581	732	— 59	— 6,7
1886	— 6	82	— 492	741	— 19	— 8,0
1887	— 5	134	— 670	750	— 56	— 2,1
1888	— 4	208	— 832	758	+ 20	+ 6,6
1889	— 3	143	— 429	767	— 24	— 3,1
1890	— 2	118	— 236	776	— 58	— 7,5
1891	— 1	147	— 147	784	— 37	— 4,7
1892	0	184	0	793	— 9	— 1,1
1893	1	188	188	802	— 14	— 1,7
1894	2	248	496	810	+ 38	+ 4,7
1895	3	243	729	819	+ 24	+ 2,9
1896	4	210	840	828	— 18	— 2,2
1897	5	257	1.285	837	+ 20	+ 2,4
1898	6	226	1.356	845	— 19	— 2,3
1899	7	298	2.086	854	+ 44	+ 5,2
1900	8	273	2.184	863	+ 10	+ 1,2
1901	9	262	2.358	871	— 9	— 1,0
1902	10	278	2.780	880	— 2	— 0,2
1903	11	319	3.509	889	+ 30	+ 3,4
1904	12	203	2.436	897	— 94	— 10,5
1905	13	217	2.821	906	— 89	— 9,8
1906	14	445	6.230	915	+ 130	+ 14,2
1907	15	394	5.910	924	+ 70	+ 7,6
1908	16	302	4.832	932	— 30	— 3,2
1909	17	313	5.321	941	— 28	— 3,0
1910	18	378	6.804	950	+ 28	+ 2,9
1911	19	342	7.498	958	— 16	— 1,7
1912	20	333	6.660	967	— 34	— 3,5
1913	21	454	9.534	976	+ 78	+ 8,0
Всего	—	8.335	+ 58.558	—	—	—

Приложение 5

Индекс смертности по 10 губерниям с 1871 г. по 1913 г.

Годы	Средний индекс смертности по губерниям									
	Ленинград	Тульская	Самарская	Киевская	Саратовск.	Волынская	Гор. Москва	Владимирск.	Лифляндск	Московск.
1871 . .	+ 1,2	+ 5,6	+ 1,8	— 5,5	+ 1,2	— 10,7	+ 17,8	+ 11,8	— 7,1	+ 19,6
1872 . .	+ 11,0	— 2,1	— 4,6	+ 41,5	— 12,4	+ 25,3	+ 6,1	+ 1,2	— 9,4	+ 2,6
1873 . .	— 3,1	— 1,2	— 18,8	+ 3,1	— 18,7	— 3,9	+ 16,0	— 5,3	+ 6,7	+ 3,9
1874 . .	— 7,6	— 6,3	— 22,9	— 4,4	— 4,8	+ 9,2	— 7,0	— 9,1	— 8,6	— 12,8
1875 . .	+ 1,9	— 12,2	— 13,4	— 22,5	— 10,5	— 5,8	— 4,7	— 0.2	— 7,1	— 9.3
1876 . .	— 1,1	— 7,2	+ 9,4	— 26,9	— 4,3	— 15,8	+ 0,6	— 3,7	— 9.8	— 3,2
1877 . .	— 2,8	— 11,3	— 10,1	— 6,5	— 11,6	— 14,0	— 6,5	— 10,3	— 1,2	— 7,7
1878 . .	+ 16,4	— 2,6	+ 11,8	+ 5,2	+ 16,1	— 4,9	+ 0,9	— 2,4	+ 14,4	— 3,1
1879 . .	+ 3,0	— 8,0	— 16,3	— 6,0	— 13,6	— 15,3	— 3,3	— 1,9	— 1,9	— 10,9
1880 . .	+ 15,7	— 2,4	— 7,6	— 8,1	— 1,1	— 6,4	+ 3,3	+ 3,8	+ 4.7	+ 2,0
1881 .	+ 19,8	— 12,8	— 12,3	— 4,9	— 7,4	+ 3,0	0	— 13.7	+ 6,6	— 6,5
1882 . .	+ 17,9	+ 15,8	+ 9.9	+ 15,5	+ 7,6	+ 13,4	+ 18,4	+ 12.6	+ 6,2	+ 16,3
1883 . .	— 1,4	— 3.1	+ 12,8	+ 4,4	+ 19,2	— 0,8	— 0,9	+ 0,7	— 0,8	— 3,7
1884 .	— 0,9	+ 2,2	+ 3,0	— 12,8	— 5,7	— 15,3	— 9,0	— 5,5	— 1,5	— 9,2
1885 . .	— 5,2	— 2,4	— 2,9	— 3,8	+ 6,7	+ 1,4	+ 5.6	+ 8,8	+ 4,2	+ 12,3
1886 . .	— 7,4	— 12,3	— 6.9	— 3,7	— 15,1	— 6,5	+ 10,4	— 8.1	— 1.9	+ 3,8
1887 . .	— 12,3	— 6,7	— 5,4	— 10,3	+ 10,5	+ 1,2	— 2,5	— 1,2	— 1.9	— 3,1
1888 . .	— 4,9	— 5,2	— 0,4	— 3,4	— 2,0	+ 9,0	+ 4,1	— 11,0	+ 2,7	— 7,4
1889 . .	— 14,0	+ 8,2	+ 3,0	+ 9,6	— 2,0	+ 2,8	+ 10,9	+ 6,0	+ 10,0	+ 2,2
1890 . .	— 14,5	+ 6,2	+ 1,7	+ 5,9	+ 7,6	+ 1,5	+ 11,6	+ 13,3	— 4,2	+ 7,7
1891 . .	— 10,7	+ 19,3	+ 0,4	— 1,6	+ 16,2	— 5,2	+ 1,3	+ 1,0	— 1,9	+ 0,1
1892 . .	— 9,7	+ 24,1	+ 62,7	+ 17,5	+ 62,5	+ 3,7	0	+ 2,6	— 1,9	+ 1,0
1893 . .	— 10,6	+ 13,8	+ 22,3	+ 10,1	— 1,5	— 5,6	— 4,3	0	+ 3,0	— 0.6
1894 . .	— 7,2	+ 16,2	— 5,6	+ 6,0	+ 7,4	+ 14,6	— 9,9	— 5.1	— 5,3	— 5,5
1895 . .	— 5,0	+ 11,3	+ 7,2	+ 15,7	+ 8,6	+ 33,6	— 7,0	+ 8,1	— 1,9	+ 5,3
1896 . .	— 5,9	+ 0,5	— 3,4	+ 2,8	+ 4,1	— 5,2	0	+ 1,5	+ 2,3	— 0,5
1897 . .	— 6,7	— 1,0	— 6,9	— 2,6	— 5,4	— 4,8	— 4,1	— 0.7	+ 12,8	+ 4,0
1898 . .	— 3,7	+ 6,3	+ 4,7	— 6,9	+ 11,1	+ 3,0	— 1,0	+ 5,1	— 5.3	+ 0.7
1899 . .	— 8,1	+ 1,0	— 3,5	+ 1,8	+ 2,8	+ 7,8	— 7,5	— 5,2	— 1,1	— 9,6
1900 . .	+ 2,3	+ 8,7	— 11,2	— 2,7	— 8,8	— 0,2	+ 0,7	— 0,2	+ 4,9	+ 0,5
1901 . .	+ 2,6	— 2,4	+ 2,9	— 7,1	— 3,3	— 3,4	— 5,6	+ 10,8	+ 8,3	+ 5,5
1902 . .	— 7,3	— 5,7	+ 0,1	— 5,5	+ 2,7	+ 0,5	— 8,4	+ 1,2	— 3,7	— 9,5
1903 . .	+ 3,6	— 3,3	— 16,6	— 4,0	— 5,0	+ 3,5	— 3,9	+ 5,5	0	+ 4,1
1904 . .	+ 1,7	— 4,0	+ 7,2	— 0,4	— 5,2	+ 4,6	— 7,1	— 5,9	— 1,1	— 4,6
1905 . .	+ 10,1	+ 15,9	— 5,0	+ 5,0	— 3,4	+ 13,8	— 5,7	+ 7,5	+ 10,8	+ 10,0
1906 . .	+ 8,0	0	— 13,1	+ 1,7	— 12,5	+ 1,3	— 7,6	+ 1,2	— 5,2	— 0,5
1907 . .	+ 7,7	— 7,9	— 2,9	+ 0,4	— 3,5	+ 3,6	— 0,7	— 6,3	+ 0,7	+ 1,3
1908 . .	+ 19,8	— 13,0	— 3,5	— 1,5	— 5,3	+ 4,3	+ 1,5	— 0,8	— 4,1	+ 4,7
1909 . .	— 1,4	+ 4,4	+ 4,5	+ 9,6	— 1,8	— 0,8	+ 7,0	+ 2,7	— 3,3	+ 16,9
1910 . .	— 3,8	+ 2,7	+ 22,5	+ 23,0	+ 11,3	+ 10,8	— 2,6	+ 1,3	— 3,0	— 40,5
1911 . .	— 4,3	— 20,2	+ 2,3	— 6,4	+ 2,8	— 5,6	— 1,1	— 7,6	— 5,5	+ 4,0
1912 . .	+ 10,0	— 10,0	— 3,2	— 18,4	— 5,6	— 17,9	— 8,3	— 5,6	— 0,7	+ 3,9
1913 . .	+ 6,7	— 0,8	— 14,1	— 7,5	— 11,4	— 4,7	— 6,4	— 0,3	0	+ 9,7

Приложение 6

Индекс смертности разных возрастов по Самарской губернии с 1871 г. по 1909 г.

Годы	Средний индекс смертности в возрасте					
	менее 1 г.	1—5 л.	5—10 л.	10—20 л.	20—50 л.	свыше 50 л.
1871 . .	+ 1,5	— 11,4	— 22,3	+ 21,2	+ 34,0	+ 10,6
1872 . .	+ 1,5	— 2,2	— 28,8	— 11,9	— 3,2	— 9,1
1873 . .	— 15,1	— 17,9	— 37,5	— 26,4	— 17,2	— 13,3
1874 . .	— 26,3	— 16,0	— 19,6	— 19,6	— 22,4	— 16,4
1875 . .	— 8,8	— 12,4	— 30,3	— 20,0	— 16,3	— 11,0
1876 . .	+ 24,1	+ 12,2	— 19,4	— 10,8	— 6,1	— 5,3
1877 . .	— 6,9	— 8,0	— 29,0	— 19,4	— 12,4	— 1,0
1878 . .	+ 15,0	+ 32,6	+ 8,5	— 2,1	— 4,2	— 7,6
1879 . .	— 13,7	— 18,7	— 22,5	— 23,1	— 12,4	— 12,3
1880 . .	+ 1,0	— 23,0	— 31,4	— 22,7	— 3,3	+ 9,4
1881 . .	— 16,8	— 14,3	— 0,7	— 8,6	— 3,3	— 0,3
1882 . .	+ 11,6	+ 11,8	+ 24,0	+ 5,8	+ 3,0	+ 11,1
1883 . .	+ 16,9	+ 41,8	+ 45,4	+ 14,0	— 14,0	+ 17,5
1884 . .	+ 8,9	— 0,9	+ 12,1	+ 5,0	— 1,5	— 4,2
1885 . .	+ 2,4	— 3,4	— 3,3	— 11,7	— 9,6	— 6,8
1886 . .	0	— 8,0	— 10,6	— 9,8	— 15,8	— 14,4
1887 . .	0	— 2,1	— 18,6	— 15,2	— 14,2	— 10,3
1888 . .	+ 3,7	+ 4,5	— 11,0	— 15,1	+ 11,6	— 0,9
1889 . .	— 5,6	+ 6,4	+ 13,4	+ 15,2	+ 4,1	+ 14,0
1890 . .	+ 10,2	— 2,0	— 16,3	— 12,1	— 7,6	+ 2,5
1891 . .	0	— 10,5	— 13,1	— 0,8	+ 7,7	+ 25,2
1892 . .	+ 15,2	— 55,3	+ 133,2	+ 186,0	+ 159,6	+ 85,4
1893 . .	+ 3,9	+ 28,2	+ 79,1	+ 70,0	+ 43,1	+ 19,5
1894 . .	— 9,5	— 18,3	+ 92,6	+ 45,9	— 8,3	— 22,8
1895 . .	— 1,7	+ 12,4	+ 87,9	+ 36,7	— 2,4	— 6,0
1896 . .	— 0,8	— 8,2	+ 10,4	+ 1,1	— 12,1	— 17,0
1897 . .	— 3,1	— 2,8	— 10,7	— 10,2	— 18,9	— 15,5
1898 . .	+ 10,7	+ 4,2	— 21,7	— 5,7	+ 0,5	+ 6,6
1899 . .	— 11,0	+ 1,4	— 8,0	— 1,5	— 0,9	+ 7,3
1900 . .	— 9,6	— 10,8	— 27,0	— 18,9	— 9,4	— 9,5
1901 . .	+ 6,8	+ 16,4	— 15,0	— 17,7	— 12,6	— 12,2
1902 . .	+ 9,1	— 8,6	— 30,2	— 15,0	— 2,5	+ 5,2
1903 . .	— 11,4	— 28,7	— 35,4	— 20,1	— 7,9	— 5,5
1904 . .	+ 4,7	+ 18,3	+ 8,1	— 10,6	— 4,3	+ 5,2
1905 . .	— 3,5	— 1,6	— 14,6	— 11,6	— 8,3	— 12,1
1906 . .	— 5,9	— 29,7	— 32,9	— 21,8	— 10,9	— 11,9
1907 . .	— 4,4	+ 3,4	— 7,9	— 19,3	— 10,0	— 2,3
1908 . .	— 4,0	— 4,3	— 23,2	— 18,3	— 1,0	+ 7,2
1909 . .	+ 6,4	+ 7,5	— 7,2	— 2,7	+ 2,3	— 3,9

Приложение 7

Индекс смертности разных возрастов по Волынской губ. с 1871 г. по 1909 г.

Годы	Средний индекс смертности в возрасте					
	менее 1 г.	1—5 л.	5—10 л.	10—20 л.	20—55 л.	свыше 55 л.
1871 . .	— 5,3	— 16,9	— 19,1	— 5,7	0	— 2,1
1872 . .	+ 4,5	+ 16,2	+ 49,6	+ 70,8	+ 61,7	+ 24.0
1873 .	— 2,5	— 3,4	+ 6,3	+ 12,3	— 0,8	— 5,1
1874 . .	+ 14,2	+ 24,7	+ 34,4	+ 14,4	— 3.1	— 5,1
1875 . .	0	— 12,6	— 8,0	— 3,3	+ 0,8	+ 2.0
1876 . .	— 7,7	— 21,6	— 22,1	— 19,4	— 11,5	— 8,7
1877 . .	— 13,4	— 21,6	— 24,9	— 16,5	— 3,8	— 1.0
1878 . .	— 1,3	+ 4,5	— 13,3	— 39,7	— 6,9	— 8,5
1879 . .	— 15,6	— 20,2	— 27,0	— 19,4	— 9,1	— 0,9
1880 . .	— 2,7	— 14,0	— 20,4	— 13,6	— 0,8	— 9,1
1881 . .	— 2,2	— 8,9	— 16,3	+ 6,0	— 0,8	— 6,2
1882 . .	+ 10,6	+ 34,4	+ 33,9	+ 14,1	— 3,0	+ 1,8
1883 . .	— 1,0	— 10,0	— 8,7	— 1,4	+ 6,0	— 13,9
1884 . .	— 14,3	— 23,8	— 28,8	— 14,8	— 10,4	— 2,6
1885 . .	+ 0,5	+ 13,7	— 10,9	— 6,2	— 6,6	0
1886 . .	— 4,4	— 7,7	— 15,8	— 3,0	— 5,9	— 5,0
1887 . .	+ 1,0	+ 11,5	+ 9,5	+ 3,8	— 9,6	— 6,6
1888 . .	+ 8,1	+ 23,4	+ 40,6	+ 11,3	— 10,3	— 4,0
1889 . .	+ 2,3	+ 8,1	+ 5,6	+ 9,5	— 5,1	0
1890 . .	+ 6,0	+ 9,7	— 7,9	— 7,8	— 8,0	— 3,1
1891 . .	— 0,9	— 14,0	— 21,7	— 14,9	— 2,9	+ 3,9
1892 . .	+ 4,0	+ 4,8	— 4,1	+ 7,1	+ 1,5	+ 2,3
1893 . .	— 11,0	— 13,4	— 6,1	+ 0,3	+ 2,9	— 0,8
1894 . .	+ 16,1	+ 33,5	+ 32,7	+ 8,9	— 6,5	— 4,5
1895 . .	+ 23,1	+ 29,8	+ 63,4	+ 42,3	+ 39,6	+ 14,7
1896 . .	+ 3,4	— 10,1	— 11,0	— 13,7	— 9,3	— 10,9
1897 . .	— 0,4	— 6,8	— 14,4	— 14,5	— 10,7	— 11,4
1898 . .	— 0,8	— 1,1	— 7,9	— 9,1	— 10,6	— 5,7
1899 . .	+ 10,5	+ 11,0	+ 1,0	+ 0,9	+ 1,4	0
1900 . .	+ 4,8	— 10,4	— 13,3	— 1,1	+ 0,7	— 4,1
1901 . .	— 1,2	— 9,4	— 15,2	— 7,4	— 3,5	— 4,1
1902 . .	— 2,3	+ 2,1	— 7,6	— 7,6	— 3,5	+ 0,7
1903 . .	+ 4,2	+ 9,8	+ 1,1	— 2,6	— 8,4	— 10,0
1904 . .	— 3,8	+ 0,5	+ 5,0	+ 0,2	+ 4,2	+ 12,5
1905 . .	+ 2,2	+ 18,5	+ 29,1	+ 17,4	+ 12,5	+ 7,8
1906 . .	— 5,5	+ 0,5	+ 15,3	+ 11,5	+ 2,8	— 5,8
1907 . .	— 5,5	— 22,4	— 13,2	0	+ 3,4	+ 4,5
1908 . .	— 7,2	— 19,8	— 17,6	— 5,4	+ 1,4	+ 5,0
1909 . .	— 9,6	— 7,6	— 3,9	— 0,6	+ 13,0	+ 4,3

В. Зайцев

К вопросу о численности населения Европейской России

Для многих исследовательских работ в качестве вспомогательной величины необходимо иметь численность населения отдельных частей России за более или менее длинный ряд лет. Между тем в наших печатных изданиях таких данных в систематизированном виде не имеется.

Да и вообще-то наши сведения о численности населения России за прошлые годы мало достоверны и слишком отрывочны. В «Статистическом Ежегоднике», издаваемом Центральным Статистическим Комитетом, ежегодно публиковались исчисления населения по губерниям, начиная с 1904 года. В одном из номеров «Ежегодника» эти данные были дополнены периодом с 1897 по 1904 год. Таким образом, как будто бы имеются налицо исчерпывающие данные о населении России за все годы, начиная с 1897 г. Весь вопрос только в том, чтобы их собрать в одно место и привести в удобный для использования вид.

Но дело обстоит не так просто, как это кажется на первый взгляд. В исчислениях Центрального Статистического Комитета допущен ряд существенных ошибок, значительно увеличивающих численность населения.

Исчисление населения производилось на местах местными статистическими комитетами. В основу этих исчислений обычно клались административные данные о движении населения (как естественном, так и механическом). Но вполне понятно, что регистрация механического движения населения в царских административных органах оставляла желать многого. Обыкновенно факты прибытия в ту или иную местность учитывались достаточно полно, тогда как учет выбытия был крайне несовершенен. Легко могло случиться, что житель какого-либо города, переезжая из одного участка в другой в пределах того же города, отмечался прибывшим на новом месте и не отмечался выбывшим на старом месте жительства. Таким образом, численность населения искусственно повышалась. А поскольку за основу исчисления клались данные предшествовавшего года, размеры этого переучета повышались из года в год.

Такой переучет имел место преимущественно в городах. Но не избегали его и села.

Из сопоставления исчислений Центрального Статистического Комитета с переписью 1916—1917 года удалось установить, что исчисления Ц.С.К. преувеличены против истины на 5,6%.

Кроме того ранее 1897 года мы находимся в крайнем неведении о численности населения. Здесь только для отдельных лет (1863, 1885 и т. д.) в изданиях Ц.С.К. приводятся исчисления численности населения, основанные на ревизиях. Вполне понятно — их нельзя считать достаточно достоверными.

Поэтому нами была сделана попытка подойти к более точному исчислению численности населения, основываясь на данных о естественном движении населения и переселениях за Волгу.

Правда, и данные о естественном движении населения нельзя считать абсолютно достоверными. Некоторый недоучет и числа рождений и числа смертей несомненно имеется. Но едва ли кто сможет утверждать, что этот недоучет выходит за пределы нескольких процентов. Ведь регистрация испокон веков лежала на определенном аппарате, связывавшем эту регистрацию с глубоко вкоренившимися в сознание населения религиозными обрядами. Поэтому, как правило, в регистрацию могли не попасть только единичные случаи. Единственной группой, которая могла в значительной степени ускользнуть от регистрации, являются мертворожденные и умершие в ближайшие дни после рождения. Но они не попадали ни в число родившихся, ни в число умерших и существенного влияния на величину прироста оказать не могли.

Кроме того, регистрация естественного движения населения не была лишена и чисто случайных ошибок, проистекающих от некультурности духсвенства, производившего регистрацию. Существенного значения для общего результата эти ошибки иметь не могут; для отдельных лет и губерний они могут дать значительное искажение действительности. Существенные уклонения от истины можно ожидать и в окраинных губерниях, заселенных малокультурными народностями. Здесь вполне естественно ожидать некоторого недоучета в естественном движении населения.

Учет переселенчества довольно полный. Наделение землей было связано с выполнением ряда формальностей. И вся организованная переселенческая волна направлялась через определенные пункты (Сызрань. Челябинск). В учет не могли попасть только единичные переселенцы, направлявшиеся на свой страх и риск.

Но кроме этих двух факторов изменения численности населения отдельных губерний большое значение имеет переселение из одной губернии в другую и, особенно, в крупные промышленные центры и в южные степные губернии. Материалов, пригодных для таких подсчетов, у нас нет, и следовательно учесть этот фактор мы не в состоянии. Для того, чтобы судить, какое значение имеет этот фактор, надо подсчитать общее количество переселившихся в крупные города, скажем, за 20 лет после переписи 1897 года.

Все население за период 1897—1917 г. увеличилось на 28%. Население городов за этот же период по европейской части РСФСР увеличилось на 56,7% [1]. Этот процент роста можно принять для всей Европейской России. Тогда грубо можно считать, что на 28% городское население выросло за счет естественного прироста населения и настолько же за счет переселения в города.

В абсолютных числах это даст около 3,5 миллионов человек. При этом можно считать, что все это переселение приходится на счет крупных и средних городов с населением свыше 10 тыс., ибо мелкие города выросли всего на 28,3% [2].

Конечно, далеко не все 3,5 милл. человек переселились из одной губернии в другую. Уездные и многие губернские города росли, главным

[1] Бюллетень Ц. С. У., № 77 за 1923 год, стр. 12.
[2] Там же.

образом, за счет населения своей губернии. Только крупные города и промышленные центры были притягивающим центром для населения других губерний. Поэтому общая величина переселения из одной губернии в другую едва ли превышает 1,5—2 миллиона человек. Это переселение приходится, по крайней мере, на 20—30 губерний. Поэтому население тех губерний, откуда шло выселение, преувеличено — при нашем исчислении — не более чем на 200—300 тыс. чловек в последние годы. В годы же, близкие к 1897 году, эта неточность совсем ничтожна. Что касается тех губерний, куда шло переселение, там население несколько преуменьшено. Но сильное преуменьшение может быть только в губерниях с очень крупными городами: Московской, Ленинградской, Херсонской (Одесса), Харьковской и Киевской. Для двух первых губерний нами определена поправка, для последних рост уже не так велик, чтобы существенно исказить общую численность населения.

Что касается переселения на юг, то оно может иметь существенное значение для первого десятилетия взятого нами периода, а затем оно не имело уже столь больших размеров, чтобы сильно изменить численность населения.

Расчеты произведены следующим образом. В основу взята численность населения в 1897 году по переписи 28 января 1897 г. К ней прибавлялся естественный прирост населения (рождения минус смерти) за 1897 г. и вычиталось число выселившихся за Волгу (вернее,—выселившихся за вычетом вернувшихся обратно). Получалось число населения 1898 года. Затем повторялись те же манипуляции с 1898 годом и т. д. Для лет ранее 1897 г. расчеты производились в обратном порядке.

Данные о естественном движении населения взяты из официальных изданий Ц.С.К. о движении населения за отдельные годы, при чем за последние годы, по которым нет изданий Ц.С.К., пришлось воспользоваться цифрами «Трудов Комиссии по исследованию санитарных последствий войны».

Для ряда работ бывает необходимо иметь отдельно сельское население. Исчисление его представляет еще большие трудности, ибо неизвестно, как менялось городское население той или иной губернии и в какой степени за счет своей губернии.

Поскольку из вышеизложенного видно, что население многих губерний в наших расчетах преуменьшено -- и именно за счет сельского населения, — мы предпочли при подсчетах городского населения лучше несколько преуменьшить численность городского (для последних лет) и тем самым несколько преувеличить численность сельского населения. Именно, исходя из этих соображений, в каждой губернии для всех лет взят одинаковый процент городского населения — тот, который был установлен переписью 1897 года. Исключение сделано только для Москвы с Ленинградом. Там для вычисления сельского населения взят равный процент для всех лет, для уездных (и других мелких) городов также одинаковый процент, а для самих городов Москвы и Ленинграда — их фактическое население по ежегодникам Москвы и Ленинграда. Таким образом исправлена общая численность населения в этих губерниях. В общий итог по потребляющей и производящей полосе Московская и Ленинградская губернии входят без поправки.

Вполне понятно, что по нашим подсчетам для более поздних лет численность городского населения сильно преуменьшена (для более ранних лет несколько преувеличена). Поэтому данными *численности городского населения в этом виде совершенно нельзя пользоваться.*

Для тех случаев, когда бы пришлось прибегнуть к данным о городском населении, сделаны подсчеты с поправкой на рост городского населения отдельно по потребляющей и производящей полосе. Цифры после 1897 г. увеличены на столько процентов, на сколько лет данный год отстоит от 1897 г. Для более ранних лет процент поправки взят гораздо меньше, исходя из того, что рост городов в то время был гораздо меньше. Тов. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» приводит следующие данные:

Годы	Всего населения (в тыс.)	В том числе в городах (в тыс.)	Процент городского населения
1863	61.420,5	6.105,1	9,94
1885	81.425,2	9.964,6	12,19
1897	94.215,4	12.027,1	12,76

Таким образом, за период 1885—1897 г. процент городского населения увеличился на 0,57% или на 0,05% в год. За период 1863—1885 г.г. аналогичное годичное увеличение равно 0,11%. Исходя из этих коэффициентов, и внесены поправки в численность городского населения.

Движение населения по 25 черноземным губ. за 45 лет

Движение населения по 25 нечерноземным губ. за 45 лет

Годы	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе			Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах			В селах	В городах
1871	39.209,8	35.119,8	4.090		25.770,1	20.699,1	5.071
1872	39.814,0	35.662,0	4.152		25.992,2	20.899,2	5.093
1873	40.174,1	35.991,1	4.183		26.219,8	21.105,8	5.114
1874	40.908,0	36.649,0	4.259		26.530,4	21.381,4	5.149
1875	41.668,2	37.346,2	4.322		26.886,0	21.683,0	5.203
1876	42.457,4	38.053,4	4.404		27.259,3	22.010,3	5.249
1877	43.178,5	38.700,5	4.478,2		27.639,4	22.343,4	5.296
1878	43.849,4	39.317,4	4.532		28.028,9	22.682,9	5.346
1879	44.277,6	39,693.6	4.584		28.252,9	22.878,9	5.374
1880	45.062,6	40.393,6	4.669		28.608,8	23.190,8	5.418
1881	45.787,4	41.045,4	4.742		28.872,1	23.433,1	5.439
1882	46.678,2	41.755,2	4.823		29.203,6	23.730,6	5.473
1883	46.570,4	41.891,4	4.779		29.469,0	23.973,0	5.496
1884	47.799,2	42.857,2	4.942		29.843,7	24.294,7	5.549
1885	48.753,3	43.724,3	5.029		30.226,5	24.631,5	5.595
1886	49.618,0	44.480,0	5.138		30.478,7	24.846,7	5.632
1887	50.558,8	45.321,8	5.237		30.916,2	25,231,2	5.685
1888	51.399,8	46.072,8	5.327		31.333,0	25.590,0	5.743
1889	52.414,1	46.988,1	5.426		31.815,7	26.008,7	5 807
1890	53.213,3	47.684,3	5.529		32.157,7	26.306,7	5.851
1891	54.041,5	48.423,5	5.618		32.557,1	26.648,1	5.909
1892	54.838,0	49.151,0	5.687		33.012,2	27.041,2	5.971
1893	54.992,5	49.274,5	5.718		33.332,1	27.308,1	6.024
1894	55.694,0	49 877,0	5.817		33.762,8	27.682,8	6.080
1895	56.702,4	50.796,4	5.906		34.184,6	28.052,6	6.132
1896	57.591,0	51.589,0	6.002		34.615,5	28.423,5	6.192
1897	58.641,6	52.422,6	6.219		35.276,7	29.019,7	6.257
1898	60.012,3	53.706,3	6.306		35.531,9	29.155,9	6.376
1899	60.824,6	54.405,6	6.419		35.970,1	29.521,1	6.449
1900	61.839,6	55.311,6	6 528		36.548,1	30.019,1	6.529
1901	63.054,0	56.396,0	6.658		37.002,2	30.403,2	6.599
1902	64.188,7	57.410,7	6.778		37.376,1	30.724,1	6.652
1903	65.288,4	58.384,4	6.904		38.007,0	31.257,0	6.750
1904	66.628,8	59.609,8	7.019		38.456,8	31.627,8	6.829
1905	67.955,2	60.784,2	7.171		39.083,5	32.185,5	6.898
1906	68.971,4	61.693,4	7.278		39.437,6	32.473,6	6.964
1907	70.154,4	62.747,4	7.407		39.964,1	32.913,1	7.051
1908	71.291,8	63.762,8	7.529		40.502,1	33.390,1	7.112
1909	72.134,5	64.511,5	7.623		40.882,0	33.704,0	7.178
1910	72.820,5	65.132,5	7.688		41.337,4	34 092,4	7.245
1911	73.715,4	65.945,4	7.770		41.811,3	34.500,3	7.311
1912	74.870,7	66.977,7	7.893		42.482,5	35.061,5	7.421
1913	76.185,9	68.161,9	8.024		43.070,3	35.571,3	7.499
1914	77.318,4	69.180,4	8.138		43.630,1	35.958,1	7.572
1915	76.195,2	68.158,2	8.037		44.234,5	36.566,5	7.668

Численность населения Европейской России (50 губ.) с 1871 по 1915 г.

Годы	Всего населения (в тыс.)	В том числе				
		в селах		в городах		
		по непосред. подсчету	с исправл. городским населен.	по непоср. подсчету	с исправлениями	
					в тысячах	в % по всему населен.
1871	64.979,9	55.818,9	57.637,2	9.161	7.342,7	11,3
1872	65.806,2	56.561,2	58.304,3	9.245	7.501,9	11,4
1873	66.393,9	57.096,9	58.758,7	9.297	7.635,2	11,5
1874	67.438,4	58.030,4	59.615,6	9.408	7.822,8	11,6
1875	68.554,2	59.029,2	60,533,0	9.525	8.020,8	11,7
1876	69.716,7	60.063,7	61.490,2	9.653	8.226,5	11,8
1877	70.817,9	61.043,9	62.390,6	9.774	8.427,3	11,9
1378	71.878,3	62.000,3	63.253,0	9.878	8.625,3	12,0
1879	72.530,5	62.572,5	64.754,4	9.958	8.776,1	12,1
1880	73.671,4	63.584,4	64.683,5	10.087	8,987,9	12,2
1881	74.659,5	64.478,5	65.476,4	10.181	9.183,1	12,3
1882	75.781,8	65.485.8	66.460,7	10.296	9.321,1	12,4
1883	76.139,4	65.864,4	66.622,0	10.275	9.517,4	12,5
1884	77.642,9	67.151,9	67.859,9	10.491	9.783,0	12,6
1885	78.979,8	68.355,8	68.949,4	10.624	10,030,4	12,7
1886	80.096,7	69.326,7	69.923,9	10.770	10.172,8	12,7
1887	81.475,0	70.553,0	71.127,7	10.922	10.347,3	12,7
1888	82.732,8	71.662,8	72.143,1	11.070	10.589,7	12,8
1889	84.229,8	72.996,8	73.448,4	11.233	10.781,4	12,8
1890	85.371,0	73.991,0	74,358,2	11.380	11.012,8	12,9
1891	86.598,6	75.071,6	75.427,4	11.527	11.171,2	12,9
1892	87.850,2	76.192,2	76.429,7	11.658	11.420,5	13,0
1893	88.324,6	76.582,6	76.842,5	11.742	11.482,1	13,0
1894	89.456,8	77.559,8	77.738,0	11.897	11.718,8	13,1
1895	90.887,0	78.849,0	78.980,9	12.038	11.906,1	13,1
1896	92.206,5	80.012,5	80.035,3	12.194	12.171,2	13,2
1897	93.918,3	81.442,3	81.427,2	12.476	12.491,1	13,3
1898	95.544,2	82.862,2	82.741,3	12.682	12.802,9	13,4
1899	96.794,7	83.926,7	83.630,7	12.868	13.164,0	13,6
1900	98.387,7	85.330,7	84.908,6	13.057	13.479,1	13,7
1901	100.056,2	86.799,2	86.248,5	13.257	13.807,7	13,8
1902	101.564,9	88.134,8	87.345,8	13.430	14.219,0	14,0
1903	103.295,4	89.641,4	88.730,8	13.654	14.564,6	14,1
1904	105.085,6	91.237,6	90.058,4	13.848	15.027,2	14,3
1905	107.038,7	92.969,7	91.625,2	14.069	15.413,5	14,4
1906	108.409,0	94.167,0	92 689,7	14.242	15.719,3	14,5
1907	110.118,5	95.660,5	93.931,1	14.458	16.187,4	14,7
1908	111.793,9	97.152,9	95.248,5	14.641	16.545,4	14,8
1909	113.016,5	98.215,5	96.064,1	14.801	16.952,4	15,0
1910	114.157,9	99.224.9	96.920,1	14.933	17.237,8	15,1
1911	115.526,7	100.445,7	97.851,2	15.081	17.675,5	15,3
1912	117.353,2	102.0 9,2	99.280,9	15.314	18.072,3	15,4
1913	119.256,2	103.733,2	100.652,3	15.523	18.603,9	15,6
1914	120.848,5	105.138,5	101.754,5	15.710	19.094,0	15,8
1915	120.429,7	104.724,7	101.281,4	15.405	19.148,3	15,9

1. Архангельская губ. 2. Астраханская губ.

Годы	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе			Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах			В селах	В городах
1871	238,3	215,3	23		808,6	701,6	107
1872	240,5	216,5	24		814,8	706,8	108
1873	243,8	219,8	24		821,1	712,1	109
1874	243,1	222,1	24		827,3	717,3	110
1875	248,1	224,1	24		833,6	723,6	110
1876	260,5	234,5	26		846,0	734,0	112
1877	264,0	238,0	26		853,8	740,8	113
1878	269,1	243,1	26		862,0	748,0	114
1879	272,2	245,2	27		867,6	752,6	115
1880	276,3	249,3	27		875,9	759,9	116
1881	280,2	253,2	27		883,4	766,4	117
1882	283,6	255,6	28		893,2	775,2	118
1883	287,7	259,7	28		302,1	782,1	120
1884	292,1	263,1	29		903,9	783,9	120
1885	297,1	268,1	29		913,8	792,8	121
1886	299,1	270,1	29		925,1	803,1	122
1887	304,3	274,3	30		934,6	810,6	124
1888	310,0	280,0	30		942,9	817,9	125
1889	315,1	284,1	31		952,8	826,8	126
1890	318,8	287,8	31		961,9	833,9	129
1891	322,2	290,2	32		970,2	842,2	128
1892	327,6	295,6	32		977,4	847,4	130
1893	331,0	299,0	32		964,0	836,0	128
1894	334,0	301,0	33		972,9	843,9	129
1895	337,0	304,0	33		982,2	852,2	130
1896	342,7	308,7	34		991,7	859,7	132
1897	346,5	312,5	34		1.003,5	870,5	133
1898	352,8	316,8	36		1.017,2	882,2	135
1899	359,4	322,4	37		1.029,8	892,8	137
1900	366,0	329,0	37		1.044,5	905,5	139
1901	368,4	331,4	37		1.057,6	916,6	141
1902	370,3	333,3	37		1.071,0	928,0	143
1903	376,7	338,7	38		1.080,6	935,6	145
1904	383,3	345,3	38		1.096,9	950,9	146
1905	390,1	351,1	39		1.116,5	969,5	147
1906	395,5	356,5	39		1.128,3	977,3	151
1907	402,4	362,4	40		1.143,9	989,9	154
1908	410,7	370,7	40		1.161,4	1.007,4	154
1909	416,8	375,8	41		1.175,3	1.017,3	158
1910	423,1	382,1	41		1.189,6	1.029,6	160
1911	431,7	389,7	42		1.205,4	1.043,4	162
1912	443,3	400,3	43		1.229,3	1.063,3	166
1913	451,5	407,5	44		1.248,9	1.080,9	168
1914	459,9	414,9	45		1.268,9	1.098,9	170
1915	467,0	421,0	46		1.292,1	1.118,1	174
1916	472,7	425,7	47		—	—	—

Годы	3. Бессарабская губ.			4. Виленская губ.		
	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе		Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах		В селах	В городах
1871	1.361,1	1.153,1	208	1.074,4	940,4	134
1872	1.373,3	1.164,3	209	1.090,7	954,7	136
1873	1.375,5	1.166,5	209	1.109,5	971,5	138
1874	1.389,5	1.178,5	211	1.129,9	988,9	141
1875	1.404,0	1.191,0	213	1.149,6	1.006,6	143
1876	1.419,5	1.204,5	215	1.171,0	1.025,0	146
1877	1.434,7	1.217,7	217	1.190,3	1.042,3	148
1878	1.438-3	1.221,3	217	1.209,6	1.058,6	151
1879	1.442,9	1.223,9	219	1.226,4	1.073,4	153
1880	1.459,4	1.238,4	221	1.246,5	1.091,5	155
1881	1.478,5	1.254,5	224	1.259,9	1.103,9	156
1882	1.513,1	1.285,1	228	1.270,0	1.112,0	158
1883	1.535,4	1.303,4	232	1.284,3	1.124,3	160
1884	1.563,8	1.326,8	237	1.306,2	1.143,2	163
1885	1.595,2	1.353,2	242	1.324,5	1.159,5	165
1886	1.623,9	1.377,9	246	1.337,6	1.171,6	166
1887	1.654,8	1.404,8	250	1.359,3	1.190,3	169
1888	1.689,9	1.433,9	256	1.376,3	1.205,3	171
1889	1.723,6	1.462,6	261	1.397,6	1.223,6	174
1890	1.757,2	1.491,2	266	1.418,8	1.242,8	176
1891	1.780,7	1.510,7	270	1.445,1	1.265,1	180
1892	1.810,8	1.536,8	274	1.470,9	1.287,9	183
1893	1.822,8	1.546,8	276	1.487,2	1.301,2	186
1894	1.843,0	1.563,0	280	1.511,0	1.323,0	188
1895	1.876,2	1.590,2	286	1.534,3	1.343,3	191
1896	1.908,3	1.619,3	289	1.563,2	1.368,2	195
1897	1.935,4	1.642,4	293	1.591,2	1.393,2	198
1898	1.969,0	1.669,0	300	1.614,4	1.412,4	202
1899	2.006,3	1.699.3	307	1.632,3	1.427,3	205
1900	2.035,3	1.724,3	311	1.656,5	1.448,5	208
1901	2.069,8	1.752,8	317	1.678,9	1.467,9	211
1902	2.111,2	1.788,2	323	1.699,5	1.485,5	214
1903	2.152,0	1.821,0	331	1.725,6	1.508,6	217
1904	2.193,3	1.858,3	335	1.749,2	1.529,2	220
1905	2.236,7	1.896,7	340	1.771,7	1.549,7	222
1906	2.251,3	1.906,3	345	1.790,6	1.565,6	225
1907	2.292,6	1.942,6	350	1.815,9	1.587,9	228
1908	2.344,7	1.986,7	358	1.842,8	1.610,8	232
1909	2.380,2	2.015,2	365	1.863,6	1.629,6	234
1910	2.411,2	2.042,2	369	1.888,0	1.651,0	237
1911	2.427,4	2.057,4	370	1.906,8	1.667,8	239
1912	2.480,0	2.100,0	380	1.936,1	1.693,1	243
1913	2.505,5	2.121,5	384	1.962,9	1.715,9	247
1914	2.527,0	2.140,0	387	1.986,7	1.736,7	250
1915	2.543,6	2.154,6	389	2.013,3	1.761,3	252

Годы	5. Витебская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе		6. Владимирская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах		В селах	В городах
1871	949,6	817,6	132	1.139,6	995,6	144
1872	968,2	835,2	133	1.140,8	996,8	144
1873	987,4	853,4	134	1.146,6	1.001,6	145
1874	1.003,0	867,0	136	1.158,8	1.012,8	146
1875	1.023,0	874,0	149	1.173,9	1.025,9	148
1876	1.048,1	896,1	152	1.183,8	1.033,8	150
1877	1.071,2	916,2	155	1.197,3	1.046,3	151
1878	1.092,4	934,4	158	1.216,0	1.062,0	154
1879	1.106,3	946,3	160	1.224,1	1.069,1	155
1880	1.125,5	962,5	163	1.234,6	1.078,6	156
1881	1.142,9	976,9	166	1.243,4	1.085,4	158
1882	1.158,9	990,9	168	1.263,3	1.103,3	160
1883	1.173,3	1.003,3	170	1.269,7	1.109,7	160
1884	1.195,6	1.021,6	174	1.282,5	1.120,5	162
1885	1.215,4	1.039,4	176	1.303,9	1.139,9	164
1886	1.234,0	1.056,0	178	1.311,1	1.145,1	166
1887	1.256,2	1.072,2	184	1.331,8	1.163,8	168
1888	1.275,9	1.090,9	185	1.348,0	1.176,0	172
1889	1.298,6	1.110,6	188	1.382,9	1.207,9	175
1890	1.320,2	1.128,2	192	1.394,4	1.218,4	176
1891	1.342,8	1.148,8	194	1.407,1	1.229,1	178
1892	1.370,8	1.171,8	199	1.427,5	1.246,5	181
1893	1.394,7	1.191,7	203	1.442,4	1.260,4	182
1894	1.414,4	1.209,4	205	1.461,5	1.276,5	185
1895	1.438,7	1.229,7	209	1.484,1	1.296,1	188
1896	1.465,5	1.252,5	213	1.496,6	1.308,6	188
1897	1.489,2	1.273,2	216	1.515,7	1.324,7	191
1898	1.512,1	1.292,1	220	1.535,5	1.339,5	196
1899	1.542,7	1.317,7	225	1.552,6	1.354,6	198
1900	1.567,9	1.338,9	229	1.580,6	1.378,6	202
1901	1.587,5	1.355,5	232	1.603,2	1.398,2	205
1902	1.604,4	1.369,4	235	1.620,7	1.413,7	207
1903	1.628,4	1.389,4	239	1.647,2	1.437,2	210
1904	1.632,8	1.392,8	240	1.670,6	1.457,6	213
1905	1.659,1	1.417,1	242	1.705,9	1.488,9	217
1906	1.675,8	1.430,8	245	1.724,8	1.504,8	220
1907	1.694,4	1.447,4	247	1.750,1	1.526,1	224
1908	1.702,3	1.452,3	250	1.780,3	1.553,3	227
1909	1.710,1	1.458,1	252	1.806,1	1.575,1	231
1910	1.723,9	1.470,9	253	1.833,5	1.599,5	234
1911	1.742,2	1.485,2	257	1.859,6	1.622,6	237
1912	1.754,3	1.496,3	258	1.881,9	1.641,9	240
1913	1.781,1	1.519,1	262	1.904,6	1.661,6	243
1914	1.802,0	1.537,0	265	1.934,4	1.688,4	246
1915	1.829,2	1.560,2	269	1.970,1	1.722,1	248

7. Вологодская губ.

Годы	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах
1871	942,8	898,8	44
1872	951,6	906,6	45
1873	967,0	922,0	45
1874	981,0	935,0	46
1875	995,4	948,4	47
1876	.007,0	960,0	47
1877	1.020,0	972,0	48
1878	1.041,4	992,4	49
1879	1.057,2	1.007,2	50
1880	1.071,6	1.021,6	50
1881	1.080,0	1.029,0	51
1882	1.089,9	1.038,9	51
1883	1.107,6	1.055,6	52
1884	1.118,1	1.066,1	52
1885	1.139,8	1.086,8	53
1886	1.144,6	1.090,6	54
1887	1.166,3	1.111,3	55
1888	1.186,2	1.130,2	56
1889	1.204,5	1.147,5	57
1890	1.214,9	1.157,9	57
1891	1.228,4	1.170,4	58
1892	1.252,2	1.193,2	59
1893	1.259,6	1.200,6	59
1894	1.285,2	1.225,2	60
1895	1.304,5	1.243,5	61
1896	1.326,4	1.264,4	62
1897	1.341,8	1.278,8	63
1898	1.363,7	1.298,7	65
1899	1.380,0	1.314,0	66
1900	1.406,2	1.339,2	67
1901	1.417,7	1.349,7	68
1902	1.419,5	1.351,5	68
1903	1.441,6	1.372,6	69
1904	1.463,5	1.394,5	69
1905	1.492,0	1.421,0	71
1906	1.505,7	1.434.7	71
1907	1.523,2	1.451,2	72
1908	1.551,3	1.478,3	73
1909	1.564,0	1.490,0	74
1910	1.586,7	1.511.7	75
1911	1.610,3	1.534,3	76
1912	1.636,0	1.559,0	77
1913	1.660,2	1.582,2	78
1914	1.684.6	1.605,6	79
1915	1.714,2	1.633,2	81

8. Волынская губ.

Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
	В селах	В городах
2.017,4	1.860,4	157
2.043,8	1.888,8	160
2.053,7	1.892,7	161
2.081,3	1.918,3	163
2.099,4	1.935,4	164
2.134,6	1.968,6	166
2.176,1	2.006,1	170
2.209,7	2.037,7	172
2.235,5	2.061,5	174
2.280,0	2.102,0	178
2.310.5	2.129,5	181
2.333,9	2.150,9	183
2.361,1	2.176,1	185
2.395,1	2.208,1	187
2.440,2	2.250,2	190
2.476,9	2.282,9	194
2.521,9	2.323,9	198
2.565,5	2.364,5	201
2.604,4	2.400,4	204
2.651,9	2.444,9	207
2.696,9	2.475,9	221
2.751.1	2.536,1	215
2.794,1	2.576,1	218
2.853,0	2.628,0	225
2.891,2	2.665,2	226
2.924,4	2.695,4	229
2.989,5	2.755,5	234
3.051,9	2.809.9	242
3.112,4	2.866,4	246
3.471,9	2.920,9	251
3.237,5	2.980,5	257
3.302,8	3.040,8	262
3.371,2	3.104,2	267
3.435,3	3.163,3	272
3.496,1	3.220,1	276
3.541.5	3.261,5	280
3.603,2	3.318.2	285
3.669,2	3.379,2	290
3.723,9	3.428,9	295
3.778,4	3.479,4	299
3.828,3	3.525,3	303
3.879,5	3.572,5	307
3.970,0	3.656,0	314
4.029,2	3.711,2	318
4.077,3	3.755,3	322

Годы	9. Воронежская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе: В селах	В том числе: В городах	10. Вятская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе: В селах	В том числе: В городах
1871	1.690,8	1.576,8	114	2.057,1	1.992,1	65
1872	1.721,7	1.606,7	115	2.102,3	2.035,3	67
1873	1.738,8	1.621,8	117	2.141,2	2.073,2	68
1874	1.784,9	1.664,9	120	2.183,4	2.114,4	69
1875	1.830,3	1.707,3	123	2.223,5	2.152,5	71
1876	1.871,3	1.745,3	126	2.258,8	2.186,8	72
1877	1.912,6	1.784,6	128	2.286,0	2.213,0	73
1878	1.952,9	1.823,9	129	2.327,5	2.254,5	73
1879	1.956,9	1.825,9	131	2.349,6	2.275,6	74
1880	1.990,9	1.856,9	134	2.391,7	2.315,7	76
1881	2.017,1	1.882,1	135	2.430,5	2.353,5	77
1882	2.053,8	1.915,8	138	2.471,3	2.393,3	78
1883	2.061,0	1.923,0	138	2.514,8	2.434,8	80
1884	2.094,8	1.954,8	140	2.550,0	2.469,0	81
1885	2.147,7	2.003,7	144	2.605,5	2.523,5	82
1886	2.190,4	2.043,4	147	2.620,9	2.537,9	83
1887	2.235,4	2.085,4	150	2.650,4	2.566,4	84
1888	2.275,0	2.122,0	153	2.683,3	2.598,3	85
1889	2.326,2	2.170,2	156	2.735,9	2.649,9	86
1890	2.365,8	2.206,8	156	2.767,0	2.680,0	87
1891	2.391,2	2.231,2	160	2.784,2	2.696,2	88
1892	2.422,5	2.260,5	162	2.837,8	2.747,8	90
1893	2.387,6	2.227,6	160	2.845,1	2.755,1	90
1894	2.431,7	2.268,7	163	2.891,4	2.799,4	92
1895	2.466,3	2.300,3	166	2.937,5	2.844,5	93
1896	2.490,2	2.323,2	167	2.995,4	2.900,4	95
1897	2.531,3	2.361,3	170	3.030,8	2.934,8	96
1898	2.590,1	2.414,1	176	3.087,3	2.988,3	99
1899	2.621,3	2.444,3	177	3.117,6	3.017,6	100
1900	2.674,0	2.493,0	181	3.172,7	3.071,7	101
1901	2.735,2	2.549,2	186	3.219,1	3.116,1	103
1902	2.789,9	2.600,9	189	3.271,9	3.166,9	105
1903	2.836,0	2.644,0	192	3.305,5	3.199,5	106
1904	2.914,9	2.717,9	197	3.377,5	3.269,5	108
1905	2.990,6	2.788,6	202	3.432,1	3.323,1	109
1906	3.047,6	2.843,6	204	3.467,7	3.356,7	111
1907	3.103,4	2.892,4	211	3.502,2	3.390,2	112
1908	3.151,6	2.937,6	214	3.556,1	3.443,1	113
1909	3.175,9	2.959,9	216	3.605,9	3.490,9	115
1910	3.183,9	2.966,9	217	3.653,2	3.536,2	117
1911	3.221,4	3.003,4	218	3.708,5	3.590,5	118
1912	3.287,6	3.065,6	222	3.762,8	3.641,8	121
1913	3.361,7	3.134,7	227	3.795,6	3.673,6	122
1914	3.418,0	3.188,0	230	3.851,8	3.708,8	123
1915	3.473,5	3.238,5	235	3.869,6	3.745,6	124

Годы	11. Гродненская губ.			12. Обл. Войска Донского		
	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе		Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах		В селах	В городах
1871	1.153,9	970,9	183	1.630,3	1.428,3	202
1872	1.171,8	985,8	186	1.661,2	1.455,2	206
1873	1.181,7	993 7	188	1.686,0	1.477,0	209
1874	1.190,8	1.001,8	189	1.716,5	1.503,5	213
1875	1.211,1	1.019,1	192	1.753,5	1.536,5	217
1876	1.228,2	1.034,2	194	1.788,3	1.566,3	222
1877	1.250,0	1.051,0	199	1.821,8	1.595,8	226
1878	1.267,7	1.067,7	200	1.852,0	1.622,0	230
1879	1.279,8	1.075,3	244	1.880,4	1.646,4	234
1880	1.298,0	1.092,0	206	1.918,2	1.680,2	238
1881	1.308,6	1.100,6	208	1.953,8	1.711,8	242
1882	1.315,9	1.106,9	209	1.990,5	1.743,5	247
1883	1.325,2	1.115,2	210	2.019,7	1.769,7	250
1884	1.345,6	1.131,6	214	2.047,2	1.793,2	254
1885	1.360,4	1.144,4	216	2.089,3	1.829,3	260
1886	1.372,2	1.154,2	218	2.135,0	1.870,0	265
1887	1.393,8	1.172,8	221	2.165,5	1.896,5	269
1888	1.412,5	1.187,5	225	2.182,4	1.912,4	270
1889	1.432,8	1.204,8	228	2.232,9	1.956,9	276
1890	1.453,7	1.222,7	231	2.276,1	1.994,1	282
1891	1.474,2	1.240,2	234	2.324,1	2.036,1	288
1892	1.497,8	1.259,8	238	2.363,8	2.068,8	295
1893	1.511,7	1.271,7	240	2.353,3	2.061,3	292
1894	1.535,7	1.291,7	244	2.403.1	2,108,1	300
1895	1.553,9	1.306,9	247	2.464,7	2.158,7	306
1896	1.577,0	1.327,0	250	2.512,1	2.201,1	311
1897	1.603,4	1.348,4	255	2.564,2	2.245,2	319
1898	1.628.4	1.369,4	259	2.626,0	2.296,0	330
1899	1.653,7	1.387,7	266	2.677,1	2.342,1	335
1900	1.681,0	1.411,0	270	2.738,6	2.395,6	343
1901	1.704,9	1.431,9	273	2.805,5	2.455,5	350
1902	1.729,2	1.452,2	277	2.865,6	2.506,6	359
1903	1.759,5	1.477,5	282	2.920,9	2.553,9	367
1904	1.777,2	1.491,2	286	2.980,8	2.607,8	373
1905	1.794,1	1.506,1	288	3.058,0	2.675.0	383
1906	1.814,3	1.523,3	291	3.109,9	2.721,9	388
1907	1.843,5	1.546,5	297	3.169,7	2.772,7	397
1908	1.872,2	1.572,2	300	3.224,2	2.818,2	405
1909	1.889,9	1.585,9	304	3.268,4	2.858,4	410
1910	1.910,9	1.603,9	307	3.315,4	2.899,4	416
1911	1.929,7	1.619,7	310	3.341,9	2.922,9	419
1912	1.950,8	1.637,8	313	3.437,8	3.007,8	430
1913	1.986,7	1.667,7	319	3.524,4	3.083,4	441
1914	2.010,1	1.687,1	323	3.591,8	3.141,8	450
1915	2.035,9	1.707,9	328	3.658,0	3.198,0	460

Годы	13. Екатеринославская губ.			14. Казанская губ.		
	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе		Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах		В селах	В городах
1871	1.215,4	1.077,4	138	1.523,3	1.382,3	141
1872	1.250,5	1.107,5	143	1.545,2	1.402,2	143
1873	1.261,1	1.117,1	144	1.566,3	1.422,3	144
1874	1.290,0	1.142,0	148	1.590,8	1.443,8	147
1875	1.328,4	1.177,4	151	1.621,5	1.482,5	139
1876	1.366,6	1.210,6	156	1.652,1	1.510,1	142
1877	1.402,5	1.242,5	160	1.677,3	1.533,3	144
1878	1.404,9	1.244,9	160	1.703,7	1.557,7	146
1879	1.431,8	1.268,8	163	1.707,9	1.561,9	146
1880	1.463,0	1.296,0	167	1.738,3	1.589,3	149
1881	1.496,9	1.326,9	170	1.767,3	1.615,3	152
1882	1.535,9	1.360,9	175	1.798,4	1.643,4	155
1883	1.563,9	1.585,9	178	1.820,3	1.664,3	156
1884	1.603,7	1.420,7	183	1.841,4	1.683,4	158
1885	1.641,0	1.454,0	187	1.873,2	1.712,2	161
1886	1.685,4	1.493,4	192	1.901,9	1.738,9	163
1887	1.715,8	1.519,8	196	1.934,1	1.768,1	166
1888	1.752,8	1.552,8	200	1.968.5	1.799,5	169
1889	1.793,4	1.588,4	205	2.003.9	1.831,9	172
1890	1.826,6	1.617,6	209	2.029,4	1.855.4	174
1891	1.849,4	1.638,4	211	2.055,4	1.879,4	176
1892	1.877,3	1.663,3	214	2.079,6	1.901,6	178
1893	1.907,9	1.690,9	217	2 030,9	1.883,9	177
1894	1.949,8	1.726,8	223	2.076,0	1.898,0	178
1895	1.998,0	1.770,0	228	2.103.4	1.923,4	180
1896	2.047,4	1.813,4	234	2.131,3	1.948,3	183
1897	2.113,7	1.872.7	241	2.170,7	1.984,7	186
1898	2.177,6	1.927,6	250	2.212,7	2.020,7	192
1899	2.241,3	1.983,3	258	2.258,1	2.062,1	196
1900	2.307,5	2.041,5	266	2.276,2	2.078,2	198
1901	2.375,9	2.101,9	274	2.321.2	2.119,2	202
1902	2.435,6	2.154,6	281	2.360,9	2.155,9	205
1903	2.492,9	2.204,9	288	2.384,0	2.177,0	207
1904	2.548,0	2.255,0	293	2.431,4	2.221,4	210
1905	2.625,7	2.322,7	303	2.476,1	2.261,1	215
1906	2.678,9	2.369,9	309	2.514,5	2.297.5	217
1907	2.746,3	2.430,3	316	2.561,7	2.339,7	222
1908	2.816,0	2.492,0	324	2.594,7	2.369,7	225
1909	2.868,4	2.538,4	330	2.631,6	2.403,6	228
1910	2.901,8	2.567,8	334	2.667,9	2.436,9	231
1911	2.923,2	2.584,2	339	2.703.4	2.468,4	235
1912	2.995,4	2.649,4	346	2.736,9	2.499,9	237
1913	3.076,6	2.721,6	355	2.767,1	2.527,1	240
1914	3.141,8	2.778,8	363	2.801,1	2.558,1	243
1915	3.206,2	2.836,2	370	2.837,8	2.592,8	245

15. Калужская губ.

16. Киевская губ.

Годы	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе			Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах			В селах	В городах
1871	798,9	731,9	67		2.381,2	2.073,2	308
1872	811,2	743,2	68		2.404.9	2.094,9	310
1873	823,6	754,6	69		2.385,5	2.077,5	308
1874	835,0	765,0	70		2.421,5	2.109,5	312
1875	842,0	771,0	71		2.452,2	2.136,2	316
1876	857,7	785.7	72		2.500,9	2.178,9	322
1877	875,6	801,6	74		2.555,8	2.225,8	330
1878	888,8	813,8	75		2.592,8	2.258,8	334
1879	891,3	816,3	75		2.623,0	2.284,0	339
1880	902,2	826,2	76		2.666,4	2.319,4	347
1881	917,8	840,8	77		2.718,3	2.368,3	350
1882	935,5	856,5	79		2.760,1	2.404,1	356
1883	943.8	864,8	79		2.800,5	2.440,5	360
1884	960,1	879,1	81		2.843,6	2.477,6	366
1885	968,0	887,0	81		2.906,3	2.532,3	374
1886	976.3	894,3	82		2.964,6	2.582,6	382
1887	992,9	909,9	83		3.021,8	2.631,8	390
1888	1.005,4	921,4	84		3.084,5	2.686,5	398
1889	1.026,9	940,9	86		3.145,9	2.740,9	405
1890	1.039,1	952,1	87		3.197,6	2.786,6	411
1891	1.049,6	961,6	88		3.248,5	2.829,5	419
1892	1.058,8	969,8	89		3.311,1	2.886,1	425
1893	1.072,6	982,6	90		3.349,5	2.918,5	431
1894	1.090,3	998,3	92		3.392,1	2.956,1	436
1895	1.102,0	1.009,0	93		3.446,3	3.002,3	444
1896	1.116,8	1.023,8	93		3.493,1	3.043,1	450
1897	1.132,8	1.037,8	95		3.559,2	3.100,2	459
1898	1.141,1	1.044,1	97		3.630,5	3.157,5	473
1899	1.155,3	1.057,3	98		3.700.2	3.218,2	482
1900	1.177,9	1.077,9	100		3.263,4	3.273,4	490
1901	1.194,4	1.093,4	101		3.831,8	3.334,8	497
1902	1.205,2	1.103,2	102		3.893,5	3.388,5	505
1903	1.234,6	1.129,6	105		3.967,7	3.452,7	515
1904	1.248,8	1.142,8	106		4.043,1	3.522,1	521
1905	1.273,1	1.165,1	108		4.116,6	3.581,6	535
1906	1.281,6	1.172,6	109		4.172,2	3.629,2	543
1907	1.303,6	1.192.6	111		4.232,8	3.682,8	550
1908	1.326,7	1.214,7	112		4.277,7	3.721,7	556
1909	1.335,0	1.222,0	113		4.306,3	3.745,3	561
1910	1.346,5	1.232,5	114		4.327,9	3.764,9	563
1911	1.359,0	1.244,0	115		4.351,1	3.784,1	567
1912	1.384,7	1.267,7	117		4.379,7	3.808,7	571
1913	1.409,8	1.290,8	119		4.467,5	3.885,5	582
1914	1.431,9	1.310,9	121		4.533,8	3.943,8	590
1915	1.453,0	1.330,0	123		4.603,8	4.003,8	600

Годы	17. Ковенская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе: В селах	В том числе: В городах	18. Костромская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе: В селах	В том числе: В городах
1871	1.103,4	1.001,4	102	1.002,8	934,8	68
1872	1.125,8	1.021,8	104	1.007,1	939,1	68
1873	1.142,2	1.036,2	106	1.017,2	948,2	69
1874	1.160,7	1.052,7	108	1.030,8	960,8	70
1875	1.174,7	1.065,7	109	1.045,8	974,8	71
1876	1.195,7	1.085,7	110	1.054,2	983,2	71
1877	1.213,8	1.101,8	112	1.062,8	990,8	72
1878	1.232,2	1.118,2	114	1.078,1	1.005,1	73
1879	1.248,5	1.132,5	116	1.093,9	1.019,9	74
1880	1.267,1	1.149.1	118	1.102,4	1.028,4	74
1881	1.281,7	1.163,7	118	1.112.2	1.037,2	75
1882	1.291,7	1.172,7	119	1.138,4	1.061,4	77
1883	1.300,4	1.180,4	120	1.161,1	1.082,1	79
1884	1.318,2	1.196,2	122	1.172,7	1.093,7	79
1885	1.339,6	1.215,6	124	1.190,4	1.109,4	81
1886	1.353,4	1.228,4	125	1.197,9	1.116,9	81
1887	1.372,3	1.245,3	127	1.218,3	1.136,3	82
1888	1.387,7	1.258,7	129	1.246,5	1.162,5	84
1889	1.406,3	1.276,3	130	1.250,3	1.166,3	84
1890	1.423,2	1.291,2	132	1.256,7	1.171,7	85
1891	1.443,2	1.309,2	134	1.269,0	1.183,0	86
1892	1.460,5	1.325,5	135	1.294,9	1.207,9	87
1893	1.473,6	1.337,6	136	1.305,4	1.217,4	88
1894	1.486,8	1.348,8	138	1.330,1	1.240,1	90
1895	1.502,3	1.363,3	139	1.347,5	1.256,5	91
1896	1.524,0	1.383,0	141	1.367,3	1.274,3	93
1897	1.544,6	1.401,6	143	1.387,0	1.293,0	94
1898	1.563,4	1.418,4	145	1.409,3	1.313,3	96
1899	1.582,8	1.435,8	147	1.424,3	1.327,3	97
1900	1.597,4	1.449,4	148	1.457,5	1.357,5	100
1901	1.613,3	1.463,3	150	1.471,8	1.370,8	101
1902	1.623,1	1.471,1	152	1.477,9	1.376,9	101
1903	1.643,3	1.489,3	154	1.504,0	1.401,0	103
1904	1.660,4	1.504,4	156	1.526,9	1.421,9	105
1905	1.681,0	1.524.0	157	1.560,6	1.453,6	107
1906	1.690,7	1.532,7	158	1.574,0	1.466,0	108
1907	1.706,9	1.546,9	160	1.588,8	1.479,8	109
1908	1.723,5	1.561,5	162	1.618,4	1.507,4	111
1909	1.739,4	1.576,4	163	1.635,8	1.523,8	112
1910	1.755,9	1.591,9	164	1.658,7	1.545,7	113
1911	1.768,0	1.602,0	166	1.680,0	1.565,0	115
1912	1.790,3	1.622,3	168	1.701,8	1.584,8	117
1913	1.809,7	1.639,7	170	1.724,5	1.606,5	118
1914	1.829,3	1.657,3	172	1.749,1	1.529,1	120
1915	1.849,2	1.675,2	174	1.782,7	1.660,7	122

19. Курляндская губ.

Годы	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах
1871	509,9	391,9	118
1872	517,7	397,7	120
1873	525,9	403,9	122
1874	534,5	410.5	124
1875	540,4	415,4	125
1876	546,2	420,2	126
1877	553,5	425,5	128
1878	559,7	429,7	130
1879	565,5	433,5	132
1880	573.1	440.1	133
1881	579,6	445,6	134
1882	585,5	449,5	136
1883	590,6	453,6	137
1884	597,1	459,1	138
1885	604,3	464,3	140
1886	610,8	469,8	141
1887	618,2	474,2	144
1888	623,6	478.6	145
1889	629,1	483,1	146
1890	634,8	486,8	148
1891	641,4	492,4	149
1892	647,7	497.7	150
1893	653.9	501,9	152
1894	656,8	504,8	152
1895	661,3	508,3	153
1896	666,8	512,8	154
1897	674,0	518,0	156
1898	678,9	520,9	158
1899	685,9	525,9	160
1900	691,5	528,5	163
1901	696,5	532,5	164
1902	702,1	536,1	166
1903	709,2	542,2	167
1904	713,9	545,9	168
1905	719.8	550,8	169
1906	722,9	552,9	170
1907	727,7	556,7	171
1908	731,5	559,5	172
1909	735,2	562,2	173
1910	738,0	565,0	173
1911	741,6	567.6	174
1912	751,1	575,1	176
1913	754,6	577,6	177
1914	757,4	579,4	178
1915	759,8	581,8	178

20. Курская губ.

Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
	В селах	В городах
1.571,0	1.424,0	147
1.602,5	1.452,5	150
1.620,8	1.468,8	152
1.651,5	1.497,5	154
1.700,0	1.541,0	159
1.739,4	1.577,4	162
1.775,8	1.607,8	168
1.806,7	1.637,7	169
1.826,6	1.655,6	171
1.855,6	1.682,6	173
1.887,9	1.710,9	177
1.921,1	1.741,1	180
1.926,5	1.746,5	180
1.955,3	1.773,3	182
1.976,4	1.792,4	184
2.015,2	1.827,2	188
2.056,2	1.863,2	193
2.101,3	1.905,3	196
2.149,7	1.949,7	200
2.189,6	1.984,6	205
2.214,1	2.007,1	207
2.246,4	2.036,4	210
2.258,5	2.047,5	211
2.274,1	2.061,1	213
2.291,1	2.077,1	214
2.329,2	2.111,2	218
2.371,0	2.149,0	222
2.411,5	2.183,5	228
2.435,1	2.205,1	230
2.464,1	2.232,1	232
2.496,9	2.261,9	235
2.536,1	2.298,1	238
2.588,9	2.345,9	243
2.642,3	2.394,3	248
2.703,4	2.448,4	255
2.748,3	2.489,3	259
2.796,5	2.533,5	263
2.836,4	2.568,4	268
2.835,7	2.567,7	268
2.819,0	2.562,0	267
2.860,3	2.290,3	270
2.918,6	2.642,6	276
2.974,0	2.693,0	281
3.027,0	2.743,0	284
3.077,4	2.787,4	290

Годы	21. Лифляндская губ.			22. Минская губ.		
	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе		Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах		В селах	В городах
1871	1.361,1	1.218,1	143	1.019,4	720,4	111
1872	1.383,4	1.237,4	146	1.031,9	728,9	299
1873	1.396,7	1.249,7	147	1.043,1	738,1	303
1874	1.418,2	1.269,2	149	1.051,9	742,9	305
1875	1.441,6	1.289,6	152	1.066,4	752,4	305
1876	1.467,0	1.312,0	155	1.080,0	762,0	335
1877	1.497,8	1.340,8	157	1.094,6	772,6	122
1878	1.527,5	1.366,5	161	1.107,8	782,8	322
1879	1.551,2	1.388,2	163	1.116,0	788,0	329
1880	1.578,8	1.412,8	166	1.128,6	796,6	339
1881	1.599,2	1.431,2	168	1.139,0	805,0	337
1882	1.621,7	1.450,7	171	1.148,9	811,9	334
1883	1.647,6	1.473,6	174	1.159,3	819,3	342
1884	1.677,0	1.501,0	176	1.170,9	826,9	340
1885	1.704,2	1.526,2	178	1.181,5	834,5	348
1886	1.732,7	1.550,7	182	1.190,4	840,4	352
1887	1.767,7	1.581,7	186	1.200,6	848,6	354
1888	1.798,4	1.608,4	189	1.210,3	854,3	357
1889	1.835,2	1.642,2	193	1.220,3	862,3	350
1890	1.873,1	1.676,1	197	1.229,8	868,8	367
1891	1.908,7	1.708,7	200	1.240,7	875,7	368
1892	1.945,8	1.740,8	205	1.251,9	884,9	365
1893	1 982,2	1.774,2	208	1.260,9	890,9	371
1894	2.025,1	1.812,1	213	1.268,6	896,6	376
1895	2.065.0	1.849,0	216	1.278,2	903,2	370
1896	2.106,6	1.886,6	220	1.288,6	908,6	381
1897	2.147,6	1.922,6	225	1.299,4	918,4	386
1898	2.184,7	1.952,7	232	1.305,6	919,6	389
1899	2.226,8	1.999,8	236	1.318,3	929,3	384
1900	2.272,6	2.031,6	241	1.330,3	936,3	339
1901	2.322,0	2.075,0	247	1.340,1	941,1	394
1902	2.365,5	2.115,5	250	1.349,2	949,2	400
1903	2.416,2	2.159,2	257	1.361,4	957,4	408
1904	2.459,5	2.197,5	262	1.370,2	962,2	408
1905	2.505,8	2.238,8	267	1.381,3	971,3	410
1906	2.548,0	2.278,0	270	1.385,2	974,2	411
1907	2.594,5	2.317,5	277	1.394,1	981,1	413
1908	2.627,4	2.347,4	280	1.399,2	985,2	414
1909	2.658,5	2.375,5	283	1.404.4	989,4	415
1910	2.705,6	2.417,6	288	1.409,7	992,7	417
1911	2.753,7	2.460,7	293	1.414.9	996,9	418
1912	2.805,2	2.507,2	298	1.427,3	1.003,3	424
1913	2.863,4	2.559,4	304	1.434,8	1.009,8	425
1914	2.915,9	2.606,9	309	1.442,2	1.014,2	428
1915	2.963,9	2.649,9	314	1.448,0	1.019,0	429

Годы	23. Могилевская губ.				24. Московская губ.		
	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе			Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах			В селах	В городах
1871	1.017,8	929,8	88		2.186,3	1.171,3	1.015
1872	1.028,4	939,4	89		2.171,3	1.161,3	1.010
1873	1.031,5	941,5	90		2.172,1	1.162,1	1.010
1874	1.053,0	961,0	92		2.172,4	1.162,4	1.010
1875	1.067,1	974,1	93		2.186,7	1.171,7	1.015
1876	1.091,0	996,0	95		2.198,4	1.178,4	1.020
1877	1.116,4	1.019,4	97		2.207,9	1.182,9	1.025
1878	1.138,7	1.039,7	99		2.218,4	1.188,4	1.030
1879	1.155,6	1.055,6	100		2.219,4	1.189,4	1.030
1880	1.180,9	1.077,9	103		2.232,6	1.196,6	1.036
1881	1.203,4	1.098,4	105		2.236,2	1.196,2	1.040
1882	1.225,9	1.118,9	107		2.247,1	1.202,1	1.045
1883	1.251,5	1.142,5	109		2.242,9	1.202,9	1.040
1884	1.279,3	1.168,3	111		2.256,2	1.206,2	1.050
1885	1.300,6	1.187.6	113		2.276,3	1.216,3	1.060
1886	1.328,2	1.212,2	116		2.274,9	1.214,9	1.060
1887	1.359,0	1.241,0	118		2.282,8	1.220,8	1.062
1888	1.386,6	1.264,6	122		2.297,7	1.227,7	1.070
1889	1.422,4	1.298,4	124		2.321,6	1.241,6	1.080
1890	1.453,8	1.327,8	126		2.333,5	1.252,5	1.081
1891	1.483,0	1.354,0	129		2.343,4	1.258,4	1.085
1892	1.512,7	1.380,7	132		2.360,7	1.260,7	1.100
1893	1.545,3	1.410,3	135		2.370,3	1.268,3	1.102
1894	1.581,9	1.443,9	138		2.382,4	1.272,4	1.110
1895	1.616,8	1.476,8	140		2.400,2	1.281,2	1.119
1896	1.656,1	1.512,1	144		2.410,6	1.289,6	1.121
1897	1.886,8	1.739,8	147		2.430,6	1.296,6	1.134
1898	1.714,9	1.564,9	150		2.445,6	1.295,6	1.150
1899	1.748,4	1.593,4	155		2.464,1	1.299,1	1.165
1900	1.785,5	1.627,5	158		2.495,6	1.325,6	1.170
1901	1.813,3	1.653,3	160		2.518,9	1.333,9	1.185
1902	1.841,6	1.679,6	162		2.539,5	1.349,5	1.190
1903	1.880,2	1.714,2	166		2.579,3	1.364,3	1.215
1904	1.907,3	1.739,3	168		2.603,7	1.378,7	1.225
1905	1.945.0	1.774,0	171		2.642,5	1.407,5	1.235
1906	1.975,8	1.801,8	174		2.660.5	1.410,5	1.250
1907	2.007,6	1.831,6	176		2.695,6	1.425,6	1.270
1908	2.012,0	1.834,0	178		2.734,0	1.459,0	1.275
1909	2.001,9	1.825.9	176		2.766,3	1.471,3	1.295
1910	2.017,4	1.839,4	178		2.792,0	1.477,0	1.315
1911	2.043,7	1.853,7	180		2.825,5	1.495,5	1.330
1912	2.082,8	1.898,8	184		2.871,7	1.521,7	1.350
1913	2.121,3	1.934,3	187		2.899,0	1.539,0	1.360
1914	2.157,7	1.967,7	190		2.920,9	1.550,9	1.370
1915	2.194,3	2.001,3	193		2.948,5	1.573,5	1.375
1916	—	—	—		2.967,8	1.577,8	1.390

Годы	25. Нижегородская губ.			26. Новгородская губ.		
	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе		Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах		В селах	В городах
1871	1.135,5	1.033,5	102	1.048,8	983,8	65
1872	1.150,5	1.046,5	104	1.057,5	991,5	66
1873	1.164,6	1.059,6	105	1.067,2	1.001,2	66
1874	1.180,9	1.074,9	106	1.077,8	1.010,8	67
1875	1.202,0	1.094,0	108	1.093,3	1.025,3	68
1876	1.216,8	1.106,8	110	1.104,1	1.036,1	68
1877	1.232,1	1.121,1	111	1.117,3	1.048,3	69
1878	1.250,9	1.137,9	113	1.133,6	1.063,6	70
1879	1.256,7	1.142,7	114	1.141,8	1.070,8	71
1880	1.279,9	1.163,9	116	1.148,4	1.077,4	71
1881	1.300,7	1.183,7	117	1.153,5	1.082,5	71
1882	1.321,8	1.202,8	119	1.167,3	1.095,3	72
1883	1.337,7	1.216,7	121	1.175,5	1.102,5	73
1884	1.348,8	1.226,8	122	1.185,1	1.112,1	73
1885	1.369,4	1.245,4	124	1.200,6	1.125,6	75
1886	1.388,7	1.262,7	126	1.205,5	1.130,5	75
1887	1.414,3	1.286,3	128	1.220,7	1.144,7	76
1888	1.432,5	1.303,5	129	1.238,1	1.161,1	77
1889	1.455,8	1.323,8	132	1.253,7	1.176,7	77
1890	1.470,0	1.337,0	133	1.261,4	1.183,4	78
1891	1.489,1	1.354,1	135	1.276,8	1.197,8	79
1892	1.502,2	1.366,0	136	1.297,8	1.216,8	81
1893	1.509,5	1.373,5	136	1.312,7	1.230,7	82
1894	1.524,8	1.386,8	138	1.327,0	1.244,0	83
1895	1.543,4	1.404,4	139	1.342,1	1.259,1	83
1896	1.561,4	1.420,4	141	1.350,3	1.266,3	84
1897	1.584,7	1.441,7	143	1.367,0	1.282,0	85
1898	1.615,4	1.469,4	146	1.387,0	1.300,0	87
1899	1.632,0	1.483,0	149	1.404,7	1.316,7	88
1900	1.655,7	1.505,7	150	1.427,9	1.337,9	90
1901	1.680,2	1.526,2	154	1.442,3	1.352,3	90
1902	1.709,8	1.553,8	156	1.455,0	1.364,0	91
1903	1.736,0	1.578,0	158	1.481,3	1.388,3	93
1904	1.765,9	1.604,9	161	1.492,5	1.398,5	94
1905	1.798,1	1.634,1	164	1.515,4	1.420,4	95
1906	1.822,2	1.655,2	167	1.521,9	1.425,9	96
1907	1.851,1	1.682,1	169	1.541,7	1.444,7	97
1908	1.880,5	1.708,5	172	1.566,8	1.468,8	98
1909	1.909,7	1.735,7	174	1.583,4	1.484,4	99
1910	1.940,2	1.763,2	177	1.599,6	1.498,6	101
1911	1.973,9	1.793,9	180	1.617,3	1.516,3	101
1912	1.991,3	1.809,3	182	1.621,3	1.519,3	102
1913	2.025,3	1.840,3	185	1.642,9	1.539,9	103
1914	2.059,5	1.871,5	188	1.665,1	1.562,1	103
1915	2.088,6	1.895,6	193	1.696,3	1.592,3	104

Годы	27. Олонецкая губ.			28. Оренбургская губ.		
	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе		Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах		В селах	В городах
1871	277,1	257,1	20	1.062,9	961,9	101
1872	279,6	259,6	20	1.076,5	975,5	101
1873	279,7	259,7	20	1.094,5	991,5	103
1874	281,2	261,2	20	1.120,3	1.014,3	106
1875	285,7	265,7	20	1.143,6	1.035,6	108
1876	289,2	268,2	21	1.152,2	1.043,2	109
1877	293,8	272,8	21	1.172,1	1.061,1	111
1878	299,3	278,3	21	1.191,7	1.078,7	113
1879	300,3	279,3	21	1.210,2	1.095,2	115
1880	304,5	282,5	22	1.233,3	1.116,3	117
1881	306,8	284,8	22	1.259,3	1.140,3	119
1882	311,1	289,1	22	1.279,9	1.158,9	121
1883	314,2	292,2	22	1.297,5	1.174,5	123
1884	318,8	295,8	23	1.315,7	1.191,7	124
1885	322,1	299,1	23	1.336,0	1.210,0	126
1886	322,5	299,5	23	1.364,1	1.235,1	129
1887	327,1	304,1	23	1.386,9	1.256,9	130
1888	333,9	309,9	24	1.411,8	1.271,8	134
1889	338,6	314,6	24	1.440,8	1.304,8	136
1890	341,3	317,3	24	1.464,0	1.325,0	139
1891	346,4	321,4	25	1.484,7	1.343,7	141
1892	351,0	326,0	25	1.509,6	1.365,6	144
1893	352,1	327,1	25	1.492,6	1.350,6	142
1894	353,9	328,9	25	1.504,4	1.361,4	143
1895	355,1	330,1	25	1.537,0	1.391,0	146
1896	360,2	334,2	26	1.568,4	1.420,4	148
1897	364,2	338,2	26	1.600,1	1.447,1	153
1898	369,4	342,4	27	1.636,5	1.479,5	157
1899	374,7	347,7	27	1.666,2	1.506,2	160
1900	381,0	353,0	28	1.700,9	1.536,9	164
1901	383,3	355,3	28	1.741,5	1.574,5	167
1902	387,7	359,7	28	1785,7	1.613,7	172
1903	392,5	364,5	28	1.831,0	1.655,0	176
1904	336,0	367,0	29	1.877,1	1.699,1	178
1905	400,2	371,2	29	1.912,8	1.729,8	183
1906	402,7	373,7	29	1.955,4	1.767,4	188
1907	407,4	377,4	30	2.001,5	1.809,5	192
1908	413,6	383,6	30	2.039,9	1.844,9	195
1909	418,5	388,5	30	2.075,0	1.877,0	198
1910	423,9	392,9	31	2.115,7	1.913,7	202
1911	428,5	397,5	31	2.155,4	1.948,4	207
1912	437,5	406,5	31	2.175,7	1.967,7	208
1913	440,8	409,8	31	2.214,4	2.003,4	211
1914	451,0	419,0	32	2.264,3	2.048,3	216
1915	455,3	423,3	32	—	—	—

Годы.	29. Орловская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе: В селах	В том числе: В городах	30. Пензенская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе: В селах	В том числе: В городах
1871	1.341,8	1.180,8	161	983,3	889,3	94
1872	1.367,3	1.203,3	164	992,5	897,5	95
1873	1.383,9	1.217,9	166	1.016,8	919,8	97
1874	1.408,0	1.239,0	169	1.039,1	940,1	99
1875	1.443,4	1.270.4	173	1.057,8	956,3	101
1876	1.479,0	1.301,0	178	1.079,5	975,5	104
1877	1.505,5	1.324,5	181	1.100,2	995,2	105
1878	1.530,4	1.346,4	184	1.135,6	1.027,6	108
1879	1.556,6	1.369,6	187	1.140,4	1.032,4	108
1880	1.558,8	1.394,2	191	1.168,5	1.057,5	111
1881	1.611.9	1.417,9	194	1.187,5	1.074,5	113
1882	1.641,1	1.444,1	197	1.214,5	1.098,5	116
1883	1.654,0	1.455,0	199	1.229,5	1.112,5	117
1884	1.675,6	1.474,6	201	1.237,0	1.119,0	118
1885	1.699,9	1.495,9	204	1.260,1	1.140,1	120
1886	1.720,1	1.513,1	207	1.286,0	1.164,0	122
1887	1.752,5	1.542,5	210	1.316,0	1.191,0	125
1888	1.786,0	1.572,0	214	1.339,3	1.211,3	128
1889	1.825.2	1.606,2	219	1.364,9	1.234,9	130
1890	1.851,1	1.629,1	222	1.385,2	1.253,2	132
1891	1.872,4	1.647,4	225	1.401,8	1.268,8	133
1892	1.892,2	1.665,2	227	1.406,8	1.273,8	133
1893	1.905,0	1.676,0	229	1.401,6	1.268,6	133
1894	1.936,8	1.704,8	232	1.412,7	1.278,7	134
1895	1.961,2	1.726,2	235	1.429,2	1.293,2	136
1896	1.993,9	1.754,9	239	1.444,4	1.307,4	137
1897	2.033,8	1.789,8	244	1.470,5	1.330,5	140
1898	2.062,4	1.811,4	251	1.497,3	1.354,3	143
1899	2.072,3	1.820,3	252	1.510,7	1.365,7	145
1900	2.100,0	1.845,0	255	1.536,3	1.389,3	147
1901	2.136,6	1.877,6	259	1.567,8	1.416,8	151
1902	2.172,9	1.908,9	264	1.599,8	1.445,8	154
1903	2.214,1	1.946,1	268	1.626,3	1.469,3	157
1904	2.258,2	1.985,2	273	1.657,4	1.498,4	159
1905	2.309,4	2.029,4	280	1.691,0	1.528,0	163
1906	2.337,2	2.054,2	283	1.711,3	1.546,3	165
1907	2.372,3	2.084,3	288	1.738,7	1.571,7	167
1908	2.403,5	2.111,5	292	1.770,8	1.600,8	170
1909	2.413,9	2.120,9	293	1.799,9	1.625,9	174
1910	2.423,2	2.129,2	294	1.823,8	1.647,8	176
1911	2.455,0	2.157,0	298	1.857,6	1.679,6	178
1912	2.500,2	2.196,2	304	1.880,1	1.699,1	181
1913	2.544,1	2.236,1	308	1.908,4	1.724,4	184
1914	2.584,7	2.271,7	313	1.931,4	1.745,4	186
1915	2.618,1	2.300,1	318	1.957,6	1.769,6	188

Годы	31. Пермская губ.			32. Подольская губ.		
	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе		Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах		В селах	В городах
1871	2.191,3	2.060,3	131	2.087.7	1.935,7	154
1872	2.208,1	2.076,1	132	2.116,2	1.960,2	156
1873	2.237,5	2.103,5	134	2.109,9	1.954,9	155
1874	2.272,0	2.136,0	136	2.133,4	1.975,4	158
1875	2.301,1	2.163,1	138	2.165,2	2.006,2	159
1876	2.342,1	2.202,1	140	2.200,3	2.038,3	162
1877	2.361,1	2.220,1	141	2.239,1	2.074,1	165
1878	2.393,8	2.250,8	143	2.265,4	2.099,4	166
1879	2.414,8	2.270,8	144	2.287,1	2.119,1	168
1880	2.450,8	2.303,8	147	2.324,5	2.151,5	173
1881	2.487,4	2.338,4	149	2.358,9	2.184,9	174
1882	2.527,4	2.376,4	151	2.396,4	2.220,4	176
1883	2.562,8	2.409,8	153	2.429,5	2.250,5	179
1884	2.583,8	2.428,8	155	2.464,8	2.283,8	181
1885	2.616,8	2.460,8	156	2.514,8	2.329,8	185
1886	2.637,4	2.480,4	157	2.563,8	2.374,8	189
1887	2.664,7	2.505,7	159	2.614,5	2.418,5	196
1888	2.695,5	2.534,5	161	2.666,4	2.469,4	197
1889	2.741,2	2.577,2	164	2.709,3	2.509,3	200
1890	2.773,1	2.607,1	166	2.754,6	2.550,6	204
1891	2.789,2	2.622,2	167	2.796,0	2.591,0	205
1892	2.828,9	2.659,9	169	2.847,5	2.638,5	209
1893	2,824,7	2.655,7	169	2.872,6	2.661,6	211
1894	2.872,3	2.700,3	172	2.892,7	2.680,7	212
1895	2.912,3	2.738,3	174	2.930,5	2.715,5	215
1896	2.960,1	2.783,1	177	2.967,6	2.749,6	218
1897	2.994,3	2.815,3	179	3.018,3	2.796,3	222
1898	3.043,2	2.859,2	184	3.075,8	2.847,8	228
1899	3.081,0	2.895,0	186	3.128,1	2.896,1	232
1900	3.133,6	2.944,6	189	3.177,4	2.941,4	236
1901	3.190,8	2.997,8	193	3.233,9	2.993,9	240
1902	3.236,9	3.041,9	195	3.287,8	3.043,8	244
1903	3.266,0	3.069,0	197	3.349,1	3.101,1	248
1904	3.322,1	3.121,1	201	3.408,8	3.154,8	254
1905	3.375,0	3.171,0	204	3.466,0	3.208,0	258
1906	3.421,9	3.214,9	207	3.495,1	3.235,1	260
1907	3.469,5	3.259,5	210	3.539,6	3.276,6	263
1908	3.530,9	3.317,9	213	3.608,1	3.339,1	269
1909	3.594,1	3.377,1	217	3.669,2	3.396,2	273
1910	3.627,1	3.408,1	219	3.705,0	3.429,0	276
1911	3.697,8	3.473,8	224	3.729,5	3.452,5	277
1912	3.756,9	3.529,9	227	3.797,1	3.515,1	282
1913	3.791,1	3.562,1	229	3.867,5	3.580,5	287
1914	3.831,6	3.599,6	232	3.914,2	3.623,2	291
1915	3.881,0	3.646,0	235	3.969,3	3.674,3	295

33. Полтавская губ. 34. Псковская губ.

Годы	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе			Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах			В селах	В городах
1871	1.749,0	1.576,0	173		779,0	728,0	51
1872	1.785,4	1.609,4	176		790,1	739,1	51
1873	1.771,1	1.596.1	175		799,4	747,4	52
1874	1.820,4	1.640,4	180		813,0	760,0	53
1875	1.854,0	1.671,0	183		825,1	772,1	53
1876	1.891,0	1.703,0	188		839,0	785,0	54
1877	1.922,2	1.732,2	190		854,1	799,1	55
1878	1.954,4	1.762,4	192		865,6	809,6	56
1879	1.979,1	1.784,1	195		875,0	818,0	57
1880	2.009,8	1.811,8	198		886,6	829,6	57
1881	2.024,3	1.824,3	200		893,9	835,9	58
1882	2.062,8	1.858,8	204		900,3	842,3	58
1883	2.100,1	1.893,1	207		909,1	850,1	59
1884	2.143,8	1.932,8	212		923,8	863,8	60
1885	2.199,4	1.983 4	216		939,2	878,2	61
1886	2.245,7	2.024,7	221		950.4	888,4	62
1887	2.282.9	2.057,9	225		968,1	905,1	63
1888	2.329,5	2.099.5	230		979,1	916,1	63
1889	2.386,3	2.151,3	235		996,6	931,6	65
1890	2.444,9	2.204,9	240		1.010,1	945,1	65
1891	2.478,5	2.233,5	245		1.027,9	960,9	67
1892	2.529,7	2.279,7	250		1.051,0	983,0	68
1893	2.568,2	2.313,2	255		1.065,1	996,1	69
1894	2.624,0	2.364,0	560		1.076,7	1.006,7	70
1895	2.681,0	2.416,0	265		1.094,8	1.023,8	71
1896	2.722.5	2.454,5	268		1.108,5	1.036,8	72
1897	2.778,2	2.504,2	274		1.122,3	1.049,3	73
1898	2.832,8	2.549,8	283		1.138,9	1.063,9	75
1899	2.880,2	2.592,2	288		1.157,5	1.081,5	76
1900	2.928,0	2.636,0	292		1.178,2	1.101,2	77
1901	2.968,7	2.672,7	296		1.190,8	1.112,8	78
1902	3.008,4	2.709,4	299		1.202,5	1.123,5	79
1903	3.054,4	2.750,4	304		1.226,8	1.146,8	80
1904	3.112,3	2.803,3	309		1.232,1	1.151,1	81
1905	3.168,8	2.853,8	315		1.255,3	1.173,3	82
1906	3.205,6	2.887,6	318		1.266,7	1.183,7	83
1907	3.257,8	2.932,8	325		1.285,6	1.201,6	84
1908	3.294,9	2.966,9	328		1.305,9	1.220,9	85
1909	3.304,9	2.975,9	329		1.319,6	1.232,6	87
1910	3.305,1	2.976,1	329		1.337,8	1.249,8	88
1911	3.327,9	2.995.9	332		1.356,0	1.267.0	89
1912	3.368,0	3.033,0	335		1.371,7	1.281,7	90
1913	3.434,1	3.093,1	341		1.392,5	1.301,5	91
1914	3.480,8	3.133.8	347		1.413.8	1.320,8	93
1915	3.530,0	3.179,0	351		1.435,4	1.341,4	94

35. Рязанская губ. 36. Самарская губ.

Годы	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе			Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах			В селах	В городах
1871	1.164,9	1.054,9	110		1.793,3	1.689,3	104
1872	1.179,3	1.068,3	111		1.825,0	1.719,0	106
1873	1.195,6	1.082,6	113		1.861,0	1.753,0	108
1874	1.221,6	1.106,6	115		1.904.6	1.794,6	110
1875	1.250,0	1.132,0	118		1.944,2	1.832,2	112
1876	1.281,3	1.160,3	121		1.994,8	1.879,8	115
1877	1.308,8	1.185,8	123		2.027,8	1.910,8	117
1878	1.334,6	1.208,6	126		2.064,2	1.945,2	119
1879	1.348,9	1.221,9	127		2.082,4	1.962,4	120
1880 . . .	1.378,7	1.248,7	130		2.136,0	2.013,0	123
1881	1.404,6	1.272,0	132		2.169,1	2.044,1	125
1882	1.428,9	1.293,9	135		2.208,3	2.080,3	128
1883	1.449,8	1.312,8	137		2.244,5	2.115,5	129
1884	1.473,8	1.334,8	139		2.263,4	2.132,4	131
1885 . . .	1.496,7	1.355,7	141		2.317,1	2.193,1	124
1886	1.520,3	1.376,3	144		2.370,4	2.233,4	137
1887	1.547,2	1.401,2	146		2.420,5	2.281,5	139
1888	1.579,6	1.433,6	146		2.474,4	2.331,4	143
1889	1.612,6	1.460,6	152		2.527,4	2 381.4	146
1890	1.640,9	1.485,9	155		2.569,4	2.421,4	148
1891	1.664,9	1.507,9	157		2.612,6	2.461,6	151
1892	1.683,5	1.524,5	159		2.654,3	2.501,3	153
1893	1.688,0	1.529,0	159		2.694,6	2.454,6	150
1894	1.713.4	1.552,4	161		2.617,4	2.466,4	151
1895	1.739,7	1.576,7	163		2.658,8	2.595,8	153
1896	1.767,2	1.600,2	167		2.693,7	2.538,7	155
1897	1.802,2	1.632,2	170		2.751,3	2.592,3	159
1898	1.830,6	1.655,6	175		2.814,6	2.650,6	164
1899	1.844,7	1.668,7	176		2.843,3	2.677,3	166
1900	1.877,0	1.698,0	179		2.866,7	2.699,7	167
1901	1.914,0	1.732,0	182		2.937,5	2.766,5	171
1902	1.945,3	1.759,3	186		2.997,6	2.822,6	175
1903	1.983,0	1.794,0	189		3.047,6	2.869,6	178
1904	2.024,6	1.831,6	193		3.126,4	2.943,4	183
1905	2.066,3	1.869,3	197		3.177,2	2.991,2	186
1906	2.092,5	1.893,5	199		3.237,5	3.049,5	188
1907	2.128,7	1.925,7	203		3.305.0	3.112,0	193
1908	2.171,9	1.964,9	207		3.349,1	3.154,1	195
1909	2.211.4	2.001,4	210		3.384,8	3.186,8	198
1910	2.239,4	2.026,4	213		3.430,5	3.230,5	200
1911	2.276,6	2.059.6	217		3.478,5	3.276,5	202
1912	2.363,5	2.138,5	225		3.535,6	3.329,6	206
1913	2.408,5	2.182,5	226		3.591,3	3.381,3	210
1914	2.454,6	2.221,6	233		3.669,5	3.455,5	214
1915	2.500,1	2.262,1	238		3.749.9	3.530,9	219

37. С.-Петербургская губ. 38. Саратовская губ.

Годы	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе			Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах			В селах	В городах
1871	2.025,7	660,7	1.365		1.671,3	1.456,3	215
1872	2.022,0	657,0	1.365		1.688,9	1.470,9	218
1873	2.014,6	654,6	1.360		1.721,4	1.499,4	222
1874	2.016,5	656,5	1.360		1.759,9	1.532,9	227
1875	2.019,4	659,4	1.360		1.788,4	1.557,0	231
1876	2.017,9	657,9	1.360		1.825,0	1.589,4	236
1877	2.020,0	660,0	1.360		1.856,3	1.617,3	239
1878	2.023,2	658,2	1.365		1.887,6	1.643,6	244
1879	2.015,0	655,0	1.360		1.894,3	1.649,3	245
1880	2.015,5	655,5	1.360		1.932,0	1.684,0	248
1881	2.007,1	657,1	1.350		1.948,2	1.696,2	252
1882	1.997,1	655,1	1.342		1.971,6	1.717,6	254
1883	1.990,1	650,1	1.340		1.992,3	1.735,3	257
1884	1.993,1	653,1	1.340		2.002,5	1.745,5	257
1885	1.995,7	655,7	1.340		2.050,5	1.785,6	265
1886	2.000,5	655,5	1.345		2.089,6	1.820,5	269
1887	2.008,3	658,3	1.350		2.132,7	1.857,7	275
1888	2.018,8	658,8	1.360		2.175,8	1.895,8	280
1889	2.026,0	661,0	1.365		2.216,3	1.930,3	286
1890	2.037,9	665,9	1.372		2.256,2	1.965,2	291
1891	2.050,2	670,2	1.380		2.285,3	1.990,5	295
1892	2.064,3	682,3	1.382		2.307,2	2.010,2	297
1893	2.074,9	674,9	1.400		2.272,0	1.978,0	294
1894	2.084,0	679,0	1.405		2.213,9	1.914,9	299
1895	2.094,3	684,3	1.410		2.343,6	2.042,5	301
1896	2.103,0	685,0	1.418		2.367,5	2.062,6	305
1897	2.112,0	690,0	1.422		2.405,8	2.095,8	310
1898	2.125,7	675,7	1.450		2.457,5	2.138,5	319
1899	2.139,3	684,3	1.455		2.485,9	2.162,9	323
1900	2.157,5	687,5	1.470		2.516,8	2.191,8	325
1901	2.170,7	695,7	1.475		2.576,9	2.240,9	336
1902	2.184,1	699,1	1.485		2.627,2	2.285,2	342
1903	2.208,7	713,7	1.495		2.668,3	2.321,3	347
1904	2.224,4	709,4	1.515		2.723,4	2.368,4	355
1905	2.244,8	724,8	1.520		2.780,4	2.417,4	363
1906	2.258,6	723,6	1.535		2.829,5	2.461,5	368
1907	2.272,3	722,3	1.550		2.878,3	2.503,3	375
1908	2.289,2	734,2	1.555		2.932,0	2.552,0	380
1909	2.297,7	732,7	1.565		2.967,5	2.579,5	388
1910	2.314,7	744,7	1.570		3.003,6	2.611,6	392
1911	2.320,9	745,9	1.575		3.041,0	2.645,0	396
1912	2.366,9	766,9	1.600		3.070,8	2.670,8	400
1913	2.375,9	760,9	1.615		3.115,2	2.710,2	405
1914	2.386,7	766,7	1.620		3.165,0	2.753,0	412
1915	2.397,3	762,3	1.635		3.220,8	2.800,8	420

39. Симбирская губ.

40. Смоленская губ.

Годы	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе		Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах		В селах	В городах
1871	1.055,1	980,1	75	1.061,3	977,3	84
1872	1.074,3	998,3	76	1.063,9	979,9	84
1873	1.094,0	1.017,0	77	1.074,1	989,1	85
1874	1.117,3	1.038,3	79	1.091,0	1.005,0	86
1875	1.133,5	1.053,5	80	1.098,5	1.011,5	87
1876	1.158,6	1.076,6	82	1.119,9	1.030,9	89
1877	1.176,7	1.093,7	83	1.143,3	1.053,3	90
1878	1.196,1	1.111,1	85	1.163,3	1.071,3	92
1879	1.200,5	1.115,5	85	1.168,3	1.075,3	93
1880	1.225,7	1.138,7	87	1.190,2	1.096,2	94
1881	1.247,8	1.159,8	88	1.199,4	1.104,4	95
1882	1.276,2	1.186,2	90	1.220,6	1.123,6	97
1883	1.287,1	1.196,1	91	1.235,3	1.137,3	98
1884	1.295,3	1.204,3	91	1.259,3	1.159,3	100
1885	1.316,8	1.223,8	93	1.275,1	1.174,1	101
1886	1.341,1	1.246,1	95	1.283,4	1.181,4	102
1887	1.366,8	1.269,8	97	1.309,0	1.206,0	103
1888	1.395,5	1.296,5	99	1.326,5	1.221,5	105
1889	1.421,9	1.320,9	101	1.356,0	1.249,0	107
1890	1.444,5	1.342,5	102	1.374,4	1.265,4	109
1891	1.456,6	1.353,6	103	1.394,6	1.285,6	111
1892	1.470,2	1.366,2	104	1.417,0	1.305,0	112
1893	1.455,9	1.352,9	103	1.435,8	1.321,8	114
1894	1.465,4	1.361,4	104	1.461,8	1.345,8	116
1895	1.484,2	1.379,2	105	1.483,8	1.365,8	118
1896	1.499,0	1.393,0	106	1.508,3	1.388,3	120
1897	1.527,8	1.419,8	108	1.525,3	1.404,3	121
1898	1.560,3	1.449,3	111	1.544,5	1.420,5	124
1899	1.574,7	1.461,7	113	1.573,0	1.447,0	126
1900	1.586,7	1.473,7	113	1.604,3	1.476,3	128
1901	1.617,4	1.502,4	115	1.629,7	1.499,7	130
1902	1.648,5	1.531,5	117	1.643,1	1.512,1	131
1903	1.669,1	1.550,1	119	1.678,4	1.544,4	134
1904	1.702,3	1.581,3	121	1.699,2	1.563,2	136
1905	1.742,5	1 618,5	124	1.734,7	1.595,7	139
1906	1.774,9	1.648,9	126	1.751,7	1.611,7	140
1907	1.809,4	1.680,4	129	1.782,7	1.641,7	141
1908	1.848,6	1.716,6	132	1.810,8	1.665,8	145
1909	1.882,3	1.748,3	134	1.824,1	1.678,1	146
1910	1.912,4	1.776,4	136	1.840,1	1.693,1	147
1911	1.942,6	1.804,6	138	1.858,0	1.710,0	148
1912	1.969,8	1.829,8	140	1.918,3	1.764,3	154
1913	1.993,8	1.851,8	142	1.951,5	1.794,5	157
1914	2.024,1	1.880,1	144	1.987,0	1.828,0	159
1915	2.058,2	1.911,2	147	2.020,2	1.858,2	162

Годы	41. Таврическая губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе: В селах	В том числе: В городах	42. Тамбовская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе: В селах	В том числе: В городах
1871	906,4	726,4	180	1.781,4	1.631,4	150
1872	926,6	746,4	184	1.792,2	1.641,2	151
1873	935,9	749,9	186	1.824,8	1.670,8	154
1874	947,2	759,2	188	1.869,8	1.711,8	158
1875	961,4	769,4	192	1.912,3	1.751,3	161
1876	980,5	784,5	196	1.958,2	1.795,2	165
1877	998,6	799,6	199	1.995,9	1.827,9	168
1878	1.010,9	809,9	201	2.037,6	1.866,6	171
1879	1.024,5	820,5	204	2.048,3	1.876,3	172
1880	1.042,5	834.5	208	2.086,5	1.910,5	176
1881	1.062,8	850,8	212	2.113,8	1.935,8	178
1882	1.084,6	868,6	216	2.151,9	1.969,9	182
1883	1.100,8	881,8	219	2.175,7	1.991,7	184
1884	1.119,5	897,5	222	2.206,4	2.020,4	186
1885	1.142,7	915,7	227	2.258,6	2.067,6	191
1886	1.165,5	933,5	232	2.301,6	2.106,6	195
1887	1.182,1	946,1	236	2.353,8	2.154,8	199
1888	1.205,6	965,6	240	2.409,8	2.205,8	204
1889	1.225,9	981,9	244	2.461,8	2.253,8	208
1890	1.250,3	1.000,3	250	2.501,5	2.289,5	212
1891	1.273,6	1.019,6	254	2.530,5	2.316,5	214
1892	1.298,3	1.040,3	258	2.555,2	2.339,2	216
1893	1.316,4	1.055,4	261	2.555,0	2.339,0	216
1894	1.346,1	1.077,1	269	2.587,5	2.368,5	219
1895	1.376,0	1.102,0	274	2.608,9	2.388,9	220
1896	1.409,4	1.127,4	281	2.632,8	2.410,8	222
1897	1.447,8	1.158,8	289	2.684,0	2.458,0	226
1898	1.484,7	1.189,7	295	2.739,8	2.507,8	232
1899	1.520,8	1.214,8	306	2.754,9	2.519,9	235
1900	1.555,7	1.243,7	312	2.802,3	2.564,3	238
1901	1.588,5	1.268,5	320	2.864,7	2.621,7	243
1902	1.605,9	1.282,9	323	2.911,9	2.663,9	248
1903	1.634,8	1.306,8	328	2.961,0	2.708,0	253
1904	1.656,4	1.324,4	332	3.030,2	2.772,2	258
1905	1.694,2	1.353,2	341	3.105,1	2.841,1	264
1906	1.721,2	1.374,2	347	3.159,3	2.890,3	269
1907	1.742,7	1.392,7	350	3.219,5	2.945,5	274
1908	1.777,3	1.419,3	358	3.276,3	2.997,3	279
1909	1.798,2	1.436,2	362	3.319,3	3.036,3	283
1910	1.813,4	1.448,4	365	3.341,5	3.057,5	284
1911	1.836,7	1.467,7	369	3.419,2	3.128,2	291
1912	1.880,9	1.501,9	379	3.449,7	3.155,7	294
1913	1.920,2	1.532,2	388	3.507,5	3.209,5	298
1914	1.947,9	1.554,9	393	3.551,5	3.248,5	303
1915	1.973,4	1.575,4	398	3.615,0	3.307,0	308

Годы	43. Тверская губ.			44. Тульская губ.		
	Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе		Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах		В селах	В городах
1871	1.237,0	1.130,0	107	1.010,0	887,0	123
1872	1.254,4	1.146,4	108	1.024,0	900,0	124
1873	1.261,5	1.152,5	109	1.037,9	911,9	126
1874	1.280,3	1.169,3	111	1.055,7	927,7	128
1875	1.306,3	1.193,3	113	1.076,1	946,1	130
1876	1.326,1	1.211,1	115	1.098,9	965,9	133
1877	1.348,3	1.231,3	117	1.118,0	982,0	136
1878	1.370,9	1.252,9	118	1.138,6	1.000,6	138
1879	1.380,9	1.261,9	119	1.149,1	1.009,1	140
1880	1.397,4	1.276,4	121	1.168,3	1.026,3	142
1881	1.408,1	1.286,1	122	1.185,4	1.041,4	144
1882	1.434,6	1.310,6	124	1.201,5	1.055,5	146
1883	1.449,8	1.323,8	126	1.211,1	1.064,1	147
1884	1.476,7	1,348,7	128	1.227,9	1.078.9	149
1885	1.501,8	1.371,8	130	1.242,0	1.091,0	151
1886	1.510,1	1.379,1	131	1.256,8	1.104,8	152
1887	1.533,0	1.401,0	132	1.271,6	1.117,6	154
1888	1.558,8	1.424,8	134	1.294,8	1.137,8	157
1889	1.590,9	1.452,9	138	1.319,7	1.159,7	160
1890	1.606,0	1.467,0	139	1.325,0	1.164,0	161
1891	1.629,5	1.488,5	141	1.343,2	1.180,2	163
1892	1.660,0	1.516,0	144	1.352,3	1.188,3	164
1893	1.681,5	1.535,5	146	1.354,9	1.190,9	164
1894	1.707,2	1.559,2	148	1.367,5	1.201,5	166
1895	1.732,2	1.582,2	150	1.376,7	1.209,7	167
1896	1.747,4	1.595,4	152	1.394,7	1.225,7	169
1897	1.769,1	1.614,1	155	1.419,5	1.247,5	172
1898	1.794,6	1.637,6	157	1.442,1	1.266,1	176
1899	1.819,4	1.659,4	160	1.451,5	1.273,5	178
1900	1.856,6	1.692,6	164	1.470,1	1.290,1	180
1901	1.881,5	1.715,5	166	1.489,4	1.306,4	183
1902	1.894,5	1.726,5	168	1.511,2	1.326,2	185
1903	1.936,5	1.765,5	171	1.538,9	1.350,9	188
1904	1.955,4	1.782,4	173	1.568,5	1.376,5	192
1905	1.993,3	1.817,3	176	1.599,0	1.403,0	196
1906	2.009,2	1.832,2	177	1.602,3	1.405,3	197
1907	2.033,4	1.853,4	180	1.635,8	1.435,8	200
1908	2.070,5	1.886,5	184	1.662,8	1.458,8	204
1909	2,094,6	1.908,6	186	1.685,8	1.479,8	206
1910	2.118,4	1.930,4	188	1.708,0	1.499,0	209
1911	2.140,5	1.950,5	190	1.733,2	1.521,2	212
1912	2.176,6	1.983,6	193	1.760,0	1.544,0	216
1913	2.205,1	2.009,1	196	1.787,4	1.569,4	218
1914	2.232,0	2.034,0	198	1.806,4	1.585,4	221
1915	2.268,8	2.048,8	220	1.830,2	1.606,2	224

Годы	45. Уфимская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе: В селах	В том числе: В городах	46. Харьковская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе: В селах	В том числе: В городах
1871	1.382,1	1.315,1	67	1.627,7	1.388,7	239
1872	1.404,4	1.335,4	69	1.661,7	1.417,7	244
1873	1.433,4	1.363,4	70	1.665,8	1.420,8	245
1874	1.463,3	1.392,3	71	1.700,9	1.450.9	250
1875	1.500,0	1.427,0	73	1.740,1	1.484,1	256
1876	1.523,7	1.449,7	74	1.775,1	1.514,1	261
1877	1.545,9	1.470,9	75	1.817,0	1.550,0	267
1878	1.587,7	1.509,7	78	1.847,2	1.575,2	272
1879	1.606,9	1.528,9	78	1.863,8	1.589,8	274
1880	1.629,9	1.550,9	79	1.882,0	1.605,0	277
1881	1.661,3	1.580,3	81	1.915,8	1.634,8	281
1882	1.702,6	1.619,6	83	1.953,3	1 666,3	287
1883	1.737,8	1.652,8	85	1.971,8	1.681,8	290
1884	1.754,8	1.668,8	86	2.000,9	1.705,9	295
1885	1.795,6	1.707,6	88	2.048,6	1.748,6	300
1886	1.829,4	1.739,4	90	2.092,6	1.784,6	308
1887	1.867,7	1.776,7	91	2.119,9	1.807,9	312
1888	1.891,8	1.799,8	92	2.141,4	1.826,4	315
1889	1.924,5	1.830,5	94	2.188,7	1.867,7	321
1890	1.960,8	1.864,8	96	2.224,0	1.896,0	328
1891	1.991,5	1.894,5	97	2.249,1	1.918,1	331
1892	2.026,7	1.927,7	99	2.271,0	1.937,0	334
1893	2.015,7	1.917,7	98	2.290,9	1.952,9	338
1894	2.045,8	1.945,8	100	2.348,3	2.003,3	345
1895	2.101,4	1.999,4	102	2.393,9	2.040,9	353
1896	2.149,8	2.045,8	104	2.436,1	2.078,1	358
1897	2.196,6	2.089,6	107	2.432,3	2.075,3	367
1898	2.254,6	2.143,6	111	2.552,8	2.172,8	380
1899	2.291,0	2.178,0	113	2.598,2	2.213,2	385
1900	2.324,6	2.209,6	115	2.653,5	2.258,5	395
1901	2.369,0	2.252,0	117	2.699,8	2.299,8	400
1902	2.425,2	2.305,2	120	2.750,9	2.341,9	409
1903	2.466,9	2.345,9	121	2.796,3	2.381,3	415
1904	2.533,4	2.409,4	124	2.847,9	2.424,9	423
1905	2.562,7	2.437,7	125	2.904,4	2.474,4	430
1906	2.616,5	2.488,5	128	2.943,3	2.507,3	436
1907	2.688,7	2.556,7	132	2.996,5	2.552,5	444
1908	2.738,0	2.604,0	134	3.036,9	2.586,9	450
1909	2.798,3	2.660,3	138	3.065,2	2.609,2	456
1910	2.848,5	2.709,5	139	3.089,5	2.630,5	459
1911	2.916,3	2.773,3	143	3.114,4	2.651,4	463
1912	2.959,6	2.813,6	146	3.149,1	2.682,1	467
1913	2.996,8	2.849,8	147	3.222,1	2.742,1	480
1914	3.042,2	2.893,2	149	3.279,6	2.791,6	488
1915	3.101,0	2.949,0	152	3.335,0	2.840,0	495

Годы	47. Херсонская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе		48. Черниговская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе	
		В селах	В городах		В селах	В городах
1871	1.815,0	1.292,0	523	1.505,3	1.369,3	136
1872	1.839,7	1.309,7	530	1.530,0	1.391,0	139
1873	1.841,9	1.310,9	531	1.532,2	1.393,2	139
1874	1.862,4	1.322,4	540	1.552,7	1.411,7	141
1875	1.893,7	1.345,7	548	1.584,0	1.440,0	144
1876	1.914,6	1.361,6	553	1.604,9	1.458,9	146
1877	1.936,7	1.376,7	560	1.627,0	1.479,0	148
1878	1.953,0	1.390,0	563	1.643,3	1.494,3	149
1879	1.978,1	1.407,1	571	1.668,4	1.516,4	152
1880	2.013,1	1.432,1	581	1.703,4	1.549,4	154
1881	2.052,4	1.459,4	593	1.742,7	1.584,7	158
1882	2.073,0	1.473,0	600	1.763,3	1.603,3	160
1883	2.095,7	1.490,7	605	1.786,0	1.624,0	162
1884	2.123,8	1.511,8	612	1.813,1	1.649,1	164
1885	2.163,1	1.541,1	622	1.844,7	1.677,7	167
1886	2.200,3	1.565,3	635	1.871,1	1.701,1	170
1887	2.235,4	1.590,4	645	1.915,9	1.742,9	173
1888	2.279,5	1.619,5	660	1.951,4	1.774,4	177
1889	2.315,3	1.645,3	670	1.995,9	1.814,9	181
1890	2.376,3	1.689,3	687	2.034,1	1.850,1	184
1891	2.418,3	1.718,3	700	2.062,0	1.875,0	187
1892	2.469,0	1.758,0	711	2.093,8	1.903,8	190
1893	2.508,7	1.786,7	722	2.127,2	1.933,2	194
1894	2.559,6	1.819,6	740	2.175,0	1.977,0	198
1895	2.613,1	1.860,1	753	2.214,4	2.013,4	201
1896	2.668,8	1.898,8	770	2.253,9	2.048,9	205
1897	2.733,6	1.944,6	789	2.297,9	2.088,9	209
1898	2.795,9	1.986,9	809	2.330,3	2.116,3	214
1899	2.852,3	2.022,3	830	2.365,8	2.148,8	217
1900	2.907,6	2.059,6	848	2.401,3	2.181,3	220
1901	2.965,8	2.101,8	864	2.444,6	2.220,6	224
1902	3.010,8	2.132,8	878	2.480,7	2.252,7	228
1903	3.076,7	2.176,7	900	2.527,1	2.295,1	232
1904	3.136,9	2.226,9	910	2.572,5	2.336,5	236
1905	3.193,5	2.263,5	930	2 620,4	2.380,4	240
1906	3.247,6	2.302,6	945	2.655,9	2.412,9	243
1907	3.289,8	2.331,8	958	2.692,8	2.445,8	247
1908	3.355,3	2.376,3	979	2.698,2	2.450,2	248
1909	3.388,9	2.402,9	986	2.701,4	2.453,4	248
1910	3.414,5	2.419,5	995	2.718,4	2.469,4	249
1911	3.430,7	2.430,7	1.000	2.741,9	2.490,9	251
1912	3.479,2	2.467,2	1.012	2.790,4	2.534,4	256
1913	3.544,2	2.524,2	1.020	2.843,9	2.583,9	260
1914	3.573,4	2.545,4	1.028	2.887,8	2.623,8	264
1915	3.618,1	2.586,1	1.032	2.928,5	2.658,5	270

Годы	49. Эстляндская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе: В селах	В том числе: В городах	50. Ярославская губ. Число наличного населения (в тысяч.)	В том числе: В селах	В том числе: В городах
1871	659,5	295,5	364	873,1	753,1	120
1872	664,7	298,7	366	865,8	747,8	118
1873	666,3	299,3	367	870,6	751,6	119
1874	669,7	300,7	369	876,6	756,6	120
1875	674,5	302,5	372	889,3	768,3	121
1876	678,7	304,7	374	898,6	776,6	122
1877	682,7	306,7	376	905,8	781,8	124
1878	686,8	309,8	377	914,7	789,7	125
1879	689,9	310,9	379	920,1	794,1	126
1880	694,1	311,1	383	927,0	800,0	127
1881	697,5	313,5	384	931,6	804,6	127
1882	700,6	315,6	385	943,5	815,5	128
1883	703,3	317,3	386	948,1	819,1	129
1884	706,1	317,1	389	958,7	827,7	131
1885	709,3	319,3	390	968,6	836,6	132
1886	711,2	319,2	392	966,1	834,1	132
1887	714,4	320,4	394	978,0	844,0	134
1888	717,1	322,1	395	988,7	853,7	135
1889	719,7	323,7	396	1.002,5	865,5	137
1890	723,2	325,2	398	1.002,7	865,7	137
1891	727,8	326,8	401	1.007,9	869,9	138
1892	731,7	327,7	404	1.021,8	882,8	139
1893	735,4	330,4	405	1.031,4	890,4	141
1894	738,9	332,9	406	1.043,8	901,8	142
1895	741,2	333,2	408	1.055,5	912,5	143
1896	744,4	334,4	410	1.061,9	916,9	145
1897	748,4	336,4	412	1.071,4	925,4	146
1898	752,2	334,2	418	1.081,1	932,1	149
1899	756,9	336,9	420	1.089,8	939,8	150
1900	761,4	338,4	423	1.111,9	958,9	153
1901	767,7	342,7	425	1.121,7	966,7	155
1902	769,9	342,9	427	1.125,3	970,3	155
1903	775,2	345,2	430	1.142,5	984,5	158
1904	779,8	347,8	432	1.151,1	992,1	159
1905	784,3	349,3	435	1.170,1	1.008,1	162
1906	786,5	349,5	437	1.177,9	1.014,9	163
1907	789,8	351,8	438	1.187,3	1.023,3	164
1908	792,9	352,9	440	1.204,9	1.038,9	166
1909	794,6	353,6	441	1.215,6	1.047,6	168
1910	797,6	355,6	442	1.227,8	1.057,8	170
1911	801,4	356,4	445	1.238,3	1.067,3	171
1912	809,4	361,4	448	1.248,7	1.076,7	172
1913	812,8	362,8	450	1.263,5	1.089,5	174
1914	815,3	361,3	454	1.276,6	1.101,6	175
1915	817,8	362,8	455	1.295,4	1.116,4	179
1916	—	—	—	1.310,0	1.129,0	181
1917	—		—	1.314,2	1.133,2	181
1918	—	—	—	1.307,5	1.126,5	181

Численность населения России (без Финляндии) за период 1871—1923 г.г.

Годы	Число душ населения обоего пола в тыс. на январь	Годы	Число душ населения обоего пола в тыс. на январь
1871	85.359	1898	127.995
1872	86.629	1899	129.542
1873	87.889	1900	131.710
1874	89.873	1901	133.054
1875	90.219	1902	134.391
1876	91.423	1903	136.375
1877	92.233	1904	138.144
1878	93.012	1905	140.180
1879	95.359	1906	142.044
1880	97.705	1907	145.124
1881	100.052	1908	146.885
1882	102.398	1909	150.790
1883	104.744	1910	153.768
1884	106.766	1911	156.229
1885	108.787	1912	159.500
1886	110.970	1913	161.733
1887	113.152	1914	165.138
1888	115.355	1915	(168.435)
1889	116.560	1916	(169.759)
1890	117.788	1917	(169.230)
1891	119.014	1918	(167.735)
1892	120.240	1919	(164.878)
1893	121.467	1920	(162.021)
1894	122.693	1921	(159.164)
1895	123.920	1922	(157.418)
1896	125.119	1923	(155.672)
1897	126.369		

Изменение численности населения Московской и Ленинградской губ. в 1871—1915 г.г.

(с исправленной численностью городского населения)

Годы	Московская губерния				Ленинградская губерния			
	Всего населен. в тысяч. (вместе с гор. Москвой)	в том числе		Населен. города Москвы (в тыс.)	Всего населен. в тыс. (вместе с гор. Ленинград.	в том числе		Населен. гор. Ленинграда в тыс.
		в селах	в городах (вместе с гор. Москвой)			в селах	в городах	
1871 . .	1.885	1.171	714	593,5	1.494	661	833	696,9
1872 . .	1.900	1.161	739	609,5	1.503	657	846	711,8
1873 . .	1.904	1.162	742	623,1	1.515	655	860	727,0
1874 . .	1.918	1.162	756	637,1	1.533	657	876	742,6
1875 . .	1.943	1.172	771	651,3	1.550	659	891	758,4
1876 . .	1.964	1.178	786	665,9	1.566	658	908	774,6
1877 . .	1.985	1.183	802	680,9	1.585	660	925	791,2
1878 . .	2.006	1.188	818	696.1	1.600	658	942	808,2
1879 . .	2.024	1.189	835	711,8	1.613	655	958	825,4
1880 . .	2.048	1.197	851	727,8	1.632	656	976	843,0
1881 . .	2.063	1.196	867	744,1	1.717	657	1.060	928,0
1882 . .	2.084	1.202	882	759,3	1.722	655	1.067	935,0
1883 . .	2.098	1.202	896	773,3	1.723	650	1.073	942,1
1884 . .	2.118	1.206	912	787,6	1.733	653	1.080	949,3
1885 . .	2.143	1.216	927	802,2	1.744	656	1.088	956,4
1886 . .	2.156	1.214	942	817,0	1.752	656	1.096	963,6
1887 . .	2.177	1.220	957	832,1	1.761	658	1.103	970,9
1888 . .	2.200	1.227	973	847,4	1.770	659	1.111	978,3
1889 . .	2.231	1.241	990	863,1	1.798	661	1.138	1.003,7
1890 . .	2.259	1.252	1.007	879,0	1.817	666	1.151	1.016,0
1891 . .	2.284	1.258	1.024	895,3	1.856	670	1.186	1.050,8
1892 . .	2.302	1.261	1.041	911,8	1.904	682	1.222	1.086,3
1893 . .	2.327	1.268	1.059	928,7	1.934	675	1.259	1.123,0
1894 . .	2.349	1.272	1.077	945,8	1.976	679	1.297	1.160,8
1895 . .	2.376	1.281	1.095	963,3	2.023	684	1.339	1.202.1
1896 . .	2.403	1.290	1.113	981,1	2.065	685	1.380	1.242,7
1897 . .	2.431	1.297	1.134	999,7	2.112	690	1.422	1.284,5
1898 . .	2.450	1.296	1.154	1.019,0	2.143	676	1.467	1.327,6
1899 . .	2.474	1.299	1.175	1.038,7	2.196	684	1.512	1.372,1
1900 . .	2.522	1.326	1.196	1.058,9	2.247	688	1.559	1.418,0
1901 . .	2.552	1.334	1.218	1.079,4	2.300	696	1.604	1.461,6
1902 . .	2.595	1.350	1.245	1.104,8	2.345	699	1.646	1.503,2
1903 . .	2.641	1.364	1.277	1.135,0	2.405	714	1.691	1.545,9
1904 . .	2.687	1.378	1.309	1.166,0	2.445	709	1.736	1.589,9
1905 . .	2.751	1.407	1.344	1.197,9	2.507	725	1.782	1.635,1
1906 . .	2.858	1.410	1.448	1.301,3	2.554	724	1,830	1.681,6
1907 . .	2.952	1.426	1.526	1.376,6	2.601	722	1.879	1.729,5
1908 . .	3.034	1.459	1.576	1.424,5	2.663	734	1.929	1.778,6
1909 . .	3.096	1·471	1.625	1.474,8	2.712	733	1.979	1.829,2
1910 . .	3.158	1.477	1.681	1.526,9	2.778	745	2.033	1.881,3
1911 . .	3.233	1.496	1.737	1.580,9	2.849	746	2.103	1.950,3
1912 . .	3.316	1.521	1.795	1.636,9	2.958	767	2,191	2.035,6
1913 . .	3.394	1.539	1.855	1.694.8	3.042	761	2.281	2.124,6
1914 . .	3.467	1.551	1.916	1.754,9	3.142	767	2.375	2.217,5
1915 . .	3.553	1.574	1.979	1.817,1	3.235	762	2.473	2.314,5

Изменение числа населения на территории Советской России в 1914—1923 г.г.

Годы	Число душ населения обоего пола на 1 января (в тысячах)	Годы	Число душ населения обоего пола на 1 января (в тысячах)
1914	135.599	1919	(134.387)
1915	137.614	1920	(132.683)
1916	137.678	1921	130.979
1917	137.461	1922	129.544
1918	136.091	1923	128.109

Примечание. За исходную цифру взято число населения в 1914 г. по исчислению Ц. С. У. (Статистический Ежегодник России за 1918—1920 г.г.). Для 1915—1918 г.г. число населения определено, исходя из цифры 1914 г., с учетом естественного прироста населения по данным С. А. Новосельского (Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны, выпуск I) и боевых потерь армии (убитыми, пленными, умершими от ран на театре военных действий) по данным Сазонова (Труды Комиссии и т. д.). Для 1921 г. взято население по переписи 28/VIII 1920 г. с поправкой к 1/I 1921 г.; числа 1919 и 1920 г.г. интерполированы, принимая для трех смежных лет равномерную убыль. Цифры 1922 и 1923 г.г. получены, исходя из расчетов Дубенецкого о численности населения на 1/VI 1922 г. с необходимыми пересчетами.

М. Н. Гернет

Голод и преступность

В обширной уголовно-социологической литературе с наибольшею полнотою разработан вопрос о влиянии экономических факторов на преступность. Это—совершенно бесспорная истина: обилие работ такого содержания не может быть никем отрицаемо. Это должны признать как сторонники социологической школы, независимо от принадлежности их к тому или другому течению в этой школе, так и противники ее. Обращаясь к ознакомлению с работами, авторы которых говорят о том или другом значении факторов экономического порядка, мы почти всегда и везде, за самыми редкими исключениями, встречаемся с исследованиями не о соотношении между преступностью и вообще экономическим положением, а о связи преступности лишь с материальною нуждою, необеспеченностью, бедностью.

Более четырехсот лет тому назад было сказано Томасом Мором с удивительною силою и глубокою проникновенностью о «преступности голодных бедняков, вина которых только в том, что они не могут найти себе работу», и о том политическом и социальном строе, который «сам создает воров, чтобы после их вешать». С тех пор тема об увеличении или уменьшении преступлений в зависимости от еще большего ухудшения или некоторого улучшения материального положения главной массы населения обогатилась работами самого разнообразного содержания. Знакомясь с ними в порядке их хронологического появления, мы встречаемся с интересным и знаменательным явлением: единичные выступления в 16—18 столетиях в защиту преступников неимущего класса и против института частной собственности почти не вызывали отпора. Мощный голос Томаса Мора, раздавшийся в самом начале 16 века, прозвучал совершенно одиноко: его никто не заглушал, но ему никто и не вторил. Ровно через сто лет раздался такой же голос Кампанеллы и с такими же результатами. Даже хор голосов конца 18 века, когда раздались страстные призывы жирондиста Бриссо де Варвилля и знаменитого Марата, подхваченные в начале 19 столетия социалистами-утопистами, мало кого обеспокоили. И только во второй половине 19 века, когда ясно вырисовалась реальная опасность для института частной собственности не со стороны отдельных его нарушителей в лице воров и грабителей, а со стороны всего класса неимущих, — только тогда вопрос о значении экономического фактора преступности приковал к себе внимание и стал «весьма спорным».

У нас нет ни надобности, ни желания подробно знакомить наших читателей в настоящей работе на узкую тему о значении голода для преступности со всеми разнообразными теориями о влиянии экономического фактора на различные преступления и с их ожесточенною взаимною кри-

тикою. Для наших целей будет достаточно указать, что эти теории с успехом могут быть сведены в три основные группы. Две группы стоят на двух различных флангах, а третья занимает центр — середину. Консерватор и уголовный антрополог барон Гарофало, клерикалы Ростан и Анри Жоли, отвергая значение экономического фактора преступности, видят причину преступлений в отсутствии морального чувства, в стремлении к наслаждениям, в погоне за наживою, в развращенности, атеизме и т. п. Наоборот, криминалисты-социалисты придают решающее значение именно экономике. Стоящие посередине между этими флангами криминалисты либерального крыла также признают значение за экономическими причинами, но признают его далеко не так решительно, как левый фланг, часто с разными оговорками, считая преступность продуктом разнообразных факторов и во всяком случае не связывая ее с институтом частной собственности. Сторонники второй и третьей группы черпали свои доказательства из разнообразных источников, но чаще всего и с особенною охотою из сопоставления погодного движения преступности с различными показателями экономического положения, с принадлежностью к той или другой профессии, с высотою заработной платы, с хлебными ценами, с индексами стоимости нескольких десятков предметов первой надобности, с количеством безработных и проч. Только сторонники первой из названных нами теорий оказались не склонными прибегать к этим доказательствам и в частности к наиболее распространенному — к сопоставлению преступности с неурожаями. Конечно, они не могли пройти молчанием этот самый употребительный метод изучения вопроса о влиянии экономического фактора, но вместо того, чтобы критиковать и опровергать правильность пути, избранного их научными и идеологическими противниками, они ограничились всего несколькими короткими замечаниями. Так, Жоли указывает, что «неурожаи—исключительное явление, а воровство постоянное; неурожаи встречаются все реже, а воровство растет». Точно так же и Гарофало признает, что голод, коммерческие кризисы способны лишь превратить один вид преступности в другой, делая из вора грабителя, из менее опасного преступника—более опасного, так как только бесчестный может стать преступником.

Но не только противники признания большого влияния за экономическим фактором оказались склонными отрицать значение для преступности неурожаев и хлебных цен. Не раз было высказано мнение, что теперь, когда хлебные цены регулируются не местным урожаем, а мировым, и при развитых путях сообщения и международном торговом обороте местные неурожаи потеряли всю свою прежнюю силу, как факторы хозяйственной жизни страны, а потому и безразличны для преступности. Такие предположения привели, с одной стороны, к тщательной проверке прежней теории о решающем значении хлебных цен для движения преступности, а с другой — к пользованию новыми методами для учета влияния экономического фактора. Из нескольких работ, авторы которых воспользовались первым методом в более близкие к нам годы и вместе с тем пришли к выводу о сохранении за хлебными ценами их прежней решающей роли для преступности [1], особенно должна быть отмечена работа немецкого исследователя *Берга*. Он прямо поставил себе задачу выяснить влияние хлебных цен в такой промышленной стране, как Германия, и за

[1] Таковы работы: Е. Н. Тарновский. О влиянии хлебных цен и урожаев на прест. против собственности,—«Журн. Мин. Юст.», 1898 г.. № 8: Гуревич, С. А., Движение преступ. против собственности в Нижегор. губ. в 1897—1904 г.г.; М. Модеров, Преступность и хлебные цены в Калужской губ., М. 1910.

такие сравнительно поздние годы (1882—1898). когда, казалось, предположения об утрате хлебными ценами их прежнего значения для преступности должны были бы получить блестящее подтверждение. Но этого не случилось. Число осуждавшихся за воровство в течение всего исследуемого периода было в прямом соотношении с хлебными ценами. Не столь очевидна такая же связь между хлебными ценами и другими имущественными преступлениями, но она также констатирована автором. Если так оказалось в Германии, то тем скорее так должно было быть в России. И действительно, появившиеся до настоящего времени исследования в России, все без исключения, пришли к признанию за урожаями и хлебными ценами их прежнего значения для преступности. Но обследованные периоды не захватывали времени ранее 1907 г. Две статьи настоящего сборника, *В. И. Куфаева* и *Д. П. Родина*, по отношению к двум обширным земледельческим губерниям должны рассеять всякие сомнения о мнимой утрате в XIX и XX столетиях урожаями и хлебными ценами их громадного влияния на преступность. Поистине урожаи и хлебные цены держат преступность «в своих руках». Из повиновения им она еще не решается выходить и остается вполне им послушной. Наше личное изыскание о влиянии на преступность последнего пережитого голода показало нам, что преступность превращается в беспрекословную рабу, когда приходится говорить не о той или другой высоте урожая или о той или другой степени неурожая, а о полном неурожае.

Под сомнение было поставлено не только значение в настоящее время урожаев и хлебных цен для преступности, но и целый ряд других вопросов. Внимательная разработка проблем способствовала тому, что вместо суммарного разрешения вопроса о влиянии неурожаев на преступность были выдвинуты новые задачи, из которых каждая требовала своего особого рассмотрения и особого ответа исследователя. Углубленному изысканию соответствовала новая методология вопроса. В наши задачи не входит подробное ознакомление с нею читателя, но так как методологические вопросы неизбежно пришлось бы в той или другой степени затрагивать в каждой из трех статей о преступности в настоящем сборнике, то является необходимым коснуться их и тем самым избежать излишнего повторения.

В более ранних работах влияние урожаев нередко исследовалось по отношению ко всей преступности, без разделения последней на ее основные виды. Наоборот, новые изыскания правильно или совсем отказались от этого или дополнили свои исследования изучением также и отдельных групп преступлений. Вся преступность представляет из себя сумму весьма различных слагаемых. Одни из слагаемых — весьма велики и составляют наибольшую часть всей суммы, другие — весьма незначительны. Одни из них совершенно непохожи на другие, резко отличаясь не только по основным мотивам преступников, но также и по их возрасту, полу, социальному положению и пр. Социологически и психологически государственный преступник представляет из себя совсем иной тип, нежели имущественный преступник или преступник против личности. В одних из преступлений имущественный интерес правонарушителя бросается в глаза, в других он замаскирован или прикрыт, в третьих он отсутствует. Это обстоятельство первоначально не обратило на себя должного внимания, но в новейших работах оно учитывается с самою большою тщательностью. При этом исследователи не останавливались на делении всей преступности на ее основные группы (преступления против государства, против личности, против собственности и проч.), но пошли еще дальше, обра-

тившись к дроблению и этих крупных слагаемых. И так, напр., исследуется влияние урожаев не только на имущественные преступления вообще, но и на отдельные виды имущественных преступлений в частности. Основания для такого дробления те же самые, которые требуют рассмотрения влияния урожаев не на всю преступность, а на указанные нами ее основные группы. В самом деле в группу, например, имущественных преступлений входят такие резко различные деяния, как кража и поджог, разбой и мошенничество и др. Среди преступлений против личности весьма различны не только убийство и клевета, но и различные виды убийств (например, детоубийство и убийство в драке).

Надо, однако, признать, что уголовная этиология, поставив вопрос о необходимости расчленений преступности при выяснении влияния на нее урожаев, не пришла к единообразному решению; значительное большинство исследователей сошлись лишь в признании прямого соотношения между хлебными ценами и тайными похищениями, но приходили иногда к прямо противоположным выводам относительно многих других преступлений. Так, например, одни признали, что мошенничество чаще совершается в урожайные годы, так как будто бы связано не с угнетенным и затихшим рынком, а, наоборот, с деятельным и оживленным, но другие с этим несогласны и доказывают и здесь прямое соотношение с хлебными ценами. То же самое разногласие и притом в еще более резкой форме надо отметить относительно преступлений против жизни. Распространено мнение об обратном соотношении между урожаями и убийствами, но и оно не общепринято. Одни связывают возрастание убийств с потреблением алкоголя, возрастающим в урожайные годы, другие правильно требуют и здесь отдельного рассмотрения различных преступлений против жизни, так как некоторые из них нисколько не связаны с алкоголем. Автор этих строк, так же как и двое других, говорящих в этом сборнике о влиянии урожаев на преступность, считаясь с указанным нами требованием методологии, поставил своею задачею проследить влияние урожаев не только на отдельные группы преступлений, но и на отдельные преступления (поскольку это позволяли наши материалы), и притом и на такие, которые до сих пор еще не были обследуемы. Богатые материалы «Сводов статист. сведений» позволили *В. И. Куфаеву* и *Д. П. Родину* пойти в этом отношении еще далее и привлечь к своему исследованию не только данные о преступлениях, но и о самих преступниках, в связи с их возрастом, полом, местом совершения преступления, профессией и проч.

Из других поправок и приобретений методологического характера отметим стремление сравнивать преступность данного года с урожаями не только этого же года, но также предшествующего и даже еще более раннего. Прежде было распространено сравнение преступности и урожаев одних и тех же лет. Это было не вполне правильно, так как между временем совершения преступления и его учетом уголовною статистикою проходит некоторый период. Этот период менее продолжителен, если преступление учитывается по моменту заявки о нем, подачи жалобы следственным или судебным властям. Он значительно продолжительнее, если преступление учитывается по моменту вынесения судебного приговора. Помимо необходимости обратить внимание на признаки хронологического порядка, правильно было указано, что влияние неурожая может сказаться, при наличии определенных условий, лишь спустя некоторый срок и продолжаться различное время и сказываться даже тогда, когда статистика урожаев или хлебных цен уже зарегистрировала их изменения в противоположном направлении. Сравнение урожаев и преступности

теперь потребовало не простого их сопоставления, а глубокого анализа и самого вдумчивого их изучения. Наряду с этим явилась возможность воспользоваться чисто математическим методом корреляций, получившим применение в различных статистических изысканиях, но лишь в самых редких случаях в уголовной социологической литературе за границей. В русской литературе по этиологии преступности этот метод впервые применяется авторами помещенных статей *В. И. Куфаевым* и *Д. П. Родиным*. Сторонники признания решающего значения за хлебными ценами для движения преступности с удовольствием увидят, что их выводы, к которым они пришли путем аналитического изучения кривых, нашли подтверждение и при использовании метода корреляций.

В криминологической литературе вообще и по изучению экономических факторов в частности был также поднят вопрос: выявляется ли преступность полнее из цифр возникших судебных дел или из цифр осужденных. Доводы были представлены в пользу того и другого решения и поэтому в новых исследованиях стали встречаться одновременно те и другие материалы. Так же поступили и авторы всех трех статей о преступности в настоящем сборнике.

Наконец, так как в общей экономической литературе был по отношению России поднят спор о сравнительном значении для жизни страны урожаев и хлебных цен, и были высказаны на эту тему различные мнения, то новая методология потребовала сравнивать движение преступности не только с движением хлебных цен, но и с движением урожаев. Так поступил *Е. Н. Тарновский* в работе, напечатанной уже в 1898 г. Очень тщательное исследование автора привело его к выводу о влиянии на преступность как урожаев, так и хлебных цен.

Таковы наши важнейшие вступительные замечания методологического характера. Они — не исчерпывающего содержания, и с некоторыми другими из них читатель встретится в отдельных статьях ниже.

Содержанием статьи автора этих строк является изучение влияния голода 1921—1922 г.г., а двух других статей — *В. И. Куфаева* и *Д. П. Родина* — исследование преступности в период с 1892 по 1913 г.г. в связи с хлебными ценами и урожаями. Оба последние автора пользовались более или менее одними и теми же богатыми материалами, опубликованными довоенной уголовною статистикою. В значительно более тяжелом положении оказался автор этой статьи. Всем инициаторам сборника по исследованию влияния урожаев представлялось недопустимым обойти молчанием влияние последнего голода на преступность. Такое умолчание было бы большим пробелом задуманного труда, в котором значительная часть тем и содержания продиктованы только что пережитым голодом. Между тем, статистика осужденных была введена лишь с февраля 1922 г., и притом собирание этих материалов началось во многих губерниях республики еще позднее, а опубликование их не последовало еще и до сих пор. Вообще печатных материалов почти совсем не оказалось. Но неопубликованные сырые материалы в виде различных таблиц ведомственной отчетности уже имелись в некоторых центральных органах. Они не всегда были исчерпывающей полноты и не всегда стояли на должной высоте со стороны регулярности их поступления, а иногда заставляли желать лучшего относительно их фактической правильности. Но они были, однако, при критическом отношении к ним, пригодным для выводов материалом. Такой харктер носили таблицы ежемесячной отчетности центральных управлений государственной милиции и уголовного розыска. На местных органах милиции и уголовного розыска лежала обязанность

кратких записей о заявляемых им частными гражданами, правительственными органами и проч. преступных деяниях. Сделанные заявления подлежали особой классификации по группам преступлений с выделением некоторых отдельных преступных деяний. Ведомости такой отчетности оказались достаточно полными лишь за период с января 1922 г., когда голод достиг высшей степени своего развития и с весны того же года начал уменьшаться. Наличие такого статистического ежемесячного материала навело на мысль об изучении влияния голода не в пределах более или менее длинного ряда лет, а в границах 12 месяцев одного и того же года. Так как уголовная этиология уже давно раскрыла законы помесячного распределения различных преступлений, то мы хотели выяснить, были ли эти законы нарушены голодом, и если были, то как и почему. В некоторых случаях представилось возможным привлечь к рассмотрению сведения о преступности за 1921 г. и за 1923 г. Первоначально не было разграничения функций по принятию заявлений о совершенных преступлениях между органами милиции и уголовного розыска. Такое разграничение последовало лишь после издания приказа начальника уголовного розыска Республики за № 22 от 24 мая 1922 г., когда на органы уголовного розыска было возложено производство дознания по обще-уголовным преступлениям, а на милицию — составление протоколов по делам частного обвинения. Но так как этот приказ получил силу только там, где имелись органы уголовного розыска, а они имелись далеко не везде, где были органы милиции, то приказ не везде получил одинаковое фактическое применение: органы милиции продолжали принимать заявления о совершенных преступлениях и отчитываться в этой своей деятельности. Сравнение очень большого количества ведомостей местных губернских и областных органов розыска и милиции показало нам, что отчеты последней всегда дают более аккуратные и полные сведения. Сравнение же их по месяцам в течение всего 1922 г. показало одну и ту же картину движения заявлений о совершенных преступлениях: были различны цифры отчетных ведомостей этих органов, но характер изменения этих цифр был в тех и других ведомостях один и тот же. Так как цифры заявленных преступлений оказывались более значительными в ведомостях милиции, то мы предпочитали пользоваться сведениями именно этих ведомостей. Но так как ведомости уголовных розысков давали в некоторых графах такие сведения, которых не было в ведомостях милиции, то в таких случаях нам оказывались полезными отчеты этой последней [1].

Кроме этих сырых материалов, мы воспользовались индивидуальными листками на осужденных в 1922 г. в голодавшей Уфимской губернии, совершивших кражи во вторую половину 1921 г. и в первую половину 1922 г., выяснив по ним некоторые характерные моменты (см. об этом ниже). Очень небогатая литература о преступности в связи с голодом использована нами полностью и указана в соответствующих местах нашей работы. В этом отношении мы более всего извлекли материалов из книги «О голоде» (Светлой памяти *В. Г. Короленко*) и из брошюры врача *Василевского* «Жуткая летопись». Взятые отсюда сведения о людоедстве и трупоедстве мы пополнили сведениями из других источников и имели возможность ознакомиться с некоторыми подлинными делами по таким

[1] Приносим благодарность Статистическому Отделу Народ. Комис. Вн. Дел за предоставление этих материалов.

преступлениям, откуда также взяли материалы [1]. В итоге наших поисков мы располагали цифровыми сведениями и бытовым материалом, которые и дали нам возможность построения наших выводов. Мы строили их большею частью из сравнительного изучения помесячного движения заявлений о преступлениях по голодавшим и неголодавшим губерниям, разбивая все пространство республики на два района — голодавший и неголодавший. В первый район вошли следующие республики, губернии и области: Самарская, Саратовская, Марксштадтская, Царицынская, Астраханская, Калмыцкая, Уфимская, Марийская, Чувашская, Татарская, Симбирская (Ульяновская), Башкирская, Вятская, Вотская, Екатеринбургская, Челябинская, Крымская, Ставропольская, Терская, Донская и Киргизия [2]. Во второй район вошли все остальные губернии и области Союза (кроме Украины). Губернии, не приславшие своих отчетов или приславшие их неполно, указаны нами в примечаниях. Относительно указанного разделения губерний на голодавшие и неголодавшие возможны некоторые возражения: отнесенные в группу неголодавших губерний административные единицы оказывались в действительности также пострадавшими от неурожая. Если эти возражения имеют известную силу, то, во всяком случае, нас нельзя упрекнуть в обратном, т.-е. отнесении неголодавших губерний к голодавшим. Таким образом, наши выводы о преступности в голодавшем районе остаются в силе, но преступность неголодавшего района могла находиться под влиянием того же голода. Наши исследования это и показали с несомненностью относительно такой большой группы преступлений, как кражи и грабежи, и относительно таких серьезных преступлений, как убийства. Размеры неурожая и прекращение внешней торговли делали всю страну, собственно говоря, голодавшею, и разница по отдельным губерниям сводилась часто лишь к степени недоедания.

Кражи

Мы подробно останавливаемся на рассмотрении движения краж в голодавших и неголодавших губерниях, так как уголовная этиология изучила зависимость этого преступления от социально-экономической среды с особою тщательностью как в русской, так и в иностранной литературе и раскрыла законы этой зависимости почти с бесспорною точностью.

Прежде чем перейти к рассмотрению движения краж по месяцам, напомним те выводы, к которым пришла в этом отношении уголовная этиология: «помесячная кривая числа краж приблизительно одинакова почти по всей Европе» (стр. 128, № 2, 1903 г. Ж. М. Ю. ст. *Тарновского*, Помесячное распр. преступности); выше среднего число краж с сентября по март, а весною и летом — ниже среднего. В России, как и во многих других местах, наибольшее число краж пришлось, по данным *Тарновского*, на декабрь (113) и октябрь (112), а минимум — на апрель и июль. Такое движение краж в России было выяснено указанным нами автором за период 1892—1898 г.г. Оно сохранилось и впоследствии. Из Сводов статист. сведений об осужденных мы взяли цифры за 1909, 1912 и 1913 г. г. Цифры эти представляют помесячные итоги осужденных

[1] Фотографии взяты нами из названной книги «О голоде», кроме одной (мужчина и женщина людоеды с головою съеденного трупа), полученной нами от мистера Кильби, члена квакерской миссии помощи голодавшим.

[2] Указаны в перечне неурожайных губ. в циркуляре Отдела потребления и распределения Центр. Стат. Упр. от 5 мая 1922 г., № 4512/688.

общими судами за кражи со взломом и прочие кражи и итоги осужденных судами за простые кражи.

Число осужденных за кражи в России в 1909, 1912 и 1913 г.г.

Январь	13.867	или в	%	100	Июль	12.702	или в	% 91,6
Февраль	13.274	»	»	95,72	Август	13.773	»	» 99,32
Март	14.041	»	»	101,25	Сентябрь	14.286	»	» 103,00
Апрель	11.095	»	»	80,00	Октябрь	14.410	»	» 103,91
Май	13.296	»	»	95,83	Ноябрь	15.502	»	» 111,79
Июнь	12.695	»	»	91,54	Декабрь	14.645	»	» 105,61

Таким образом, и за эти годы минимум также приходится на апрель, июнь, июль, а максимум — на октябрь, ноябрь, декабрь.

Уголовная этиология, открыв этот закон помесячного распределения краж, дала ему без труда свое объяснение: в холодные месяцы положение неимущих слоев населения становится еще более тяжелым, чем обыкновенно. К обычным заботам о куске хлеба присоединяются еще новые тягости в поисках за топливом и теплою одеждою. Наступление весны и лета не только снимает часть этих забот, но и несет с собою возможность заработка на полевых работах и в тех видах труда, которые имеют место только в эти времена года.

Совершенно иное распределение краж в голодавших и неголодавших губерниях в 1922 г.:

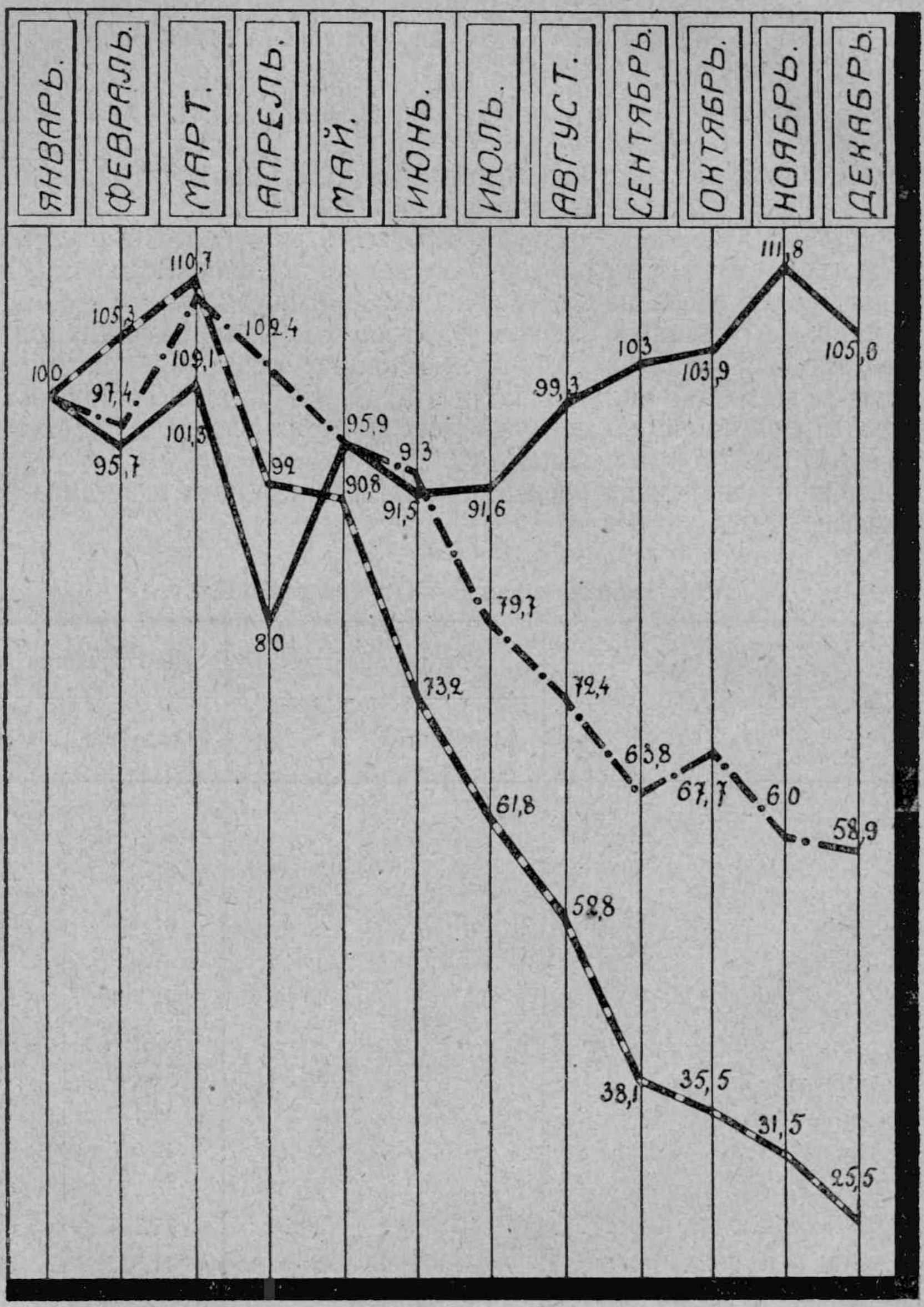
Число и процент заявлений о кражах 1922 г. [1]

Месяцы	Голодавшие губ.		Неголодавшие губ.	
	Заявлений	в %	Заявлений	в %
Январь	15.105	100	19.603	100
Февраль	15.905	105,3	19.096	97,4
Март	16.730	110,7	21.383	109,1
Апрель	13.899	92	20.081	102,4
Май	13.712	90,8	18.799	95,9
Июнь	11.053	73,2	18.235	93
Июль	9.343	61,8	15.632	79,7
Август	7.968	52,8	14.194	72,4
Сентябрь	5.752	38,1	12.516	63,8
Октябрь	5.358	35,5	13.274	67,7
Ноябрь	4.753	31,5	11.767	60
Декабрь	3.850	25,5	11.552	58,9

Для большего удобства сравнения движения краж по месяцам до войны и во время голода по голодавшим и неголодавшим губерниям, мы составили диаграмму с тремя кривыми.

[1] По Мурманской губ. сведения даны за второе полугодие, а по Кавказу — полностью по Горской республике.

Кражи по месяцам



——— в 1909, 1912 и 1913 г.г.
——— в 1922 г. в голодавших губ.
—·—·— в 1922 г. в неголодавших губ.

Рассматривая наши кривые помесячного распределения краж в голодавших и неголодавших губерниях и останавливаясь пока на кривой краж в голодавших губ., мы констатируем, что здесь все необычно. Вместо того, чтобы давать вогнутую дугу, наша кривая дает картину неуклонного понижения ее, начиная с апреля. Декабрь, всегда стоявший по высоте краж на первых местах, стоит теперь на последнем, и осенние месяцы потеряли все свое прежнее значение грозных месяцев по количеству совершавшихся в течение их тайных похищений.

Никогда и нигде разница между наибольшими и наименьшими числами краж по месяцам не достигала таких размеров, как в данном случае (наиболее резкая известная нам разница достигала всего 36 в России, по данным *Тарновского).*

В движении краж в голодавших губерниях бросаются в глаза два особенно резкие падения, приходящиеся на апрель и на сентябрь.

Наконец, отмечаем повышение краж с января по март.

При всей необычности движения нашей кривой, оно, по нашему мнению, поддается объяснению и находится в прямой связи с тем исключительным явлением, каким был голод 1921—1922 г. г. Обострение голода в феврале и марте достигло высшей степени. Подтверждение этому мы находим в результатах того обследования питания голодавшего и неголодавшего населения, которое было произведено Отделом статистики потребления и распределения в октябре 1921 г. и в феврале 1922 г. (Цен. Ст. Упр.) [1]. Напоминая, что для поддержания существования требуется минимум 2.500 калорий; при производстве легких работ—от 2.500 до 3.000 калорий; при средних работах—3.000—3.500 калорий и при тяжелых работах свыше 3.500 калорий, мы узнаем из итогов этого обследования, что на едока в голодавших губерниях приходилось в октябре 1921 г. только 2.367 калорий, а в феврале это количество упало до 2.048 калорий. По отдельным губерниям ухудшение питания принимало еще более страшные размеры как это можно видеть из таблицы на стр. 104.

В Оренбургской губернии число калорий опустилось с 1.912 калорий в октябре 1921 г. до 919 калорий в феврале 1922 г. и было всего 1.227, в Кустанайской губ. опустилось с 1.825 в октябре до 1.497 в феврале, в Екатеринославской губ. с 2.543 до 1.789 по всему Крыму; с 1.712 до 1.399 по пострадавшей Киргизии и т. п.

Лучи весеннего солнца в апреле принесли с собой некоторое облегчение и с этого месяца идет безостановочное уменьшение краж, продолжающееся и осенью, и зимою. Даже более того: в осенний месяц сентябрь происходит особенно резкое падение; мы объясняем его влиянием уже собранного урожая, когда в долго пустовавших амбарах оказались некоторые запасы.

Движение числа краж по месяцам в неголодавших губерниях дает, в общем, также необычную картину, служащую как бы отражением движения числа краж в голодавших губерниях. Отмеченные нами особенности наблюдаются и здесь, но они выражены не так ярко. Самое важное, что и тут наименьшее число краж приходится на декабрь. Отсюда мы делаем вывод, что голод оказал влияние на кражи не только в голодавших, но и в неголодавших губерниях. И не удивительно: положение первых в продовольственном отношении отражалось на положении вторых. Для наших целей важно отметить, что ухудшение питания в феврале 1922 г. сравнительно с октябрем 1921 г. последовало и в неголо-

[1] Приношу благодарность завед. отделом проф. А. Е. Лосицкому за предоставление этих сведений.

Губернии	Пострадавшие от неурожая	
	1921 г. (октябрь)	1922 г. (февраль)
Воронежская	2.061	1.834
Астраханская	2.823	2.225
Царицынская	2.095	1.863
Саратовская	2.615	1.762
Самарская	1.130	1.420
Симбирская (Ульяновская)	2.029	1.801
Татреспублика	2.081	1.722
Марийская	2.665	2.357
Чувашская	2.365	2.000
Уфимская	2.745	2.069
Башкирия	2.074	1.792
Вятская	2.519	2.523
Вотская	—	2.291
Пермская	2.920	2.312
Екатеринбургская	3.177	2.729
Челябинская	2.212	2.073
В среднем	2.367	2.048

давших губерниях. Так, в полосе так называемых потребляющих губерний [1], число калорий на взрослого едока в день, достигавшее 3.705 в октябре 1921 г., упало до 3.571 в феврале 1922 г.; в производственной полосе, не пострадавшей от неурожая, с 3.404 до 2.796 калорий.

В неголодавшие губернии ныли голодные, увеличивая кадры безработных, и не находя себе часто и здесь ощутительной помощи, они должны были увеличивать ряды преступников. С весны началась обратная тяга в деревню. Реализация урожая дала возможность улучшить питание населения и неголодавших губерний, и чрезмерный рост краж первые три месяца останавливается, и преступность, далеко вышедшая из своих обычных берегов, стремится спуститься до своей нормы, войти в свое прежнее русло. Ей удается достичь этого лишь в 1923 г., когда, по данным той же милиции, распределение краж по месяцам уже иное, более приближающееся к обычному типу. В 1923 году эти сведения охватывают очень большое пространство 75 районов РСФСР. К сожалению, они даны за первую половину года лишь по четвертям, а за вторую — и по месяцам.

Минимум приходится на апрель, май, июнь, а максимум — на последние три месяца года. Подчеркиваем, что за второе полугодие наиболее благоприятным месяцем был август. Другими словами, движение

[1] Из материалов ЦСУ по отделу стат. потребления и распределения.

Кражи в 1923 г. по 75 районам РСФСР

1-я четверть	42.491	Июль	16.776
2-я »	41.531	Август	15.857
3-я »	50.970	Сентябрь	18.337
4-я »	57.755	Октябрь	20.052
		Ноябрь	18.933
		Декабрь	18.770

числа краж в течение 1923 г. показывает, что нарушенный голодом закон помесячного распределения краж снова был восстановлен.

Новое подтверждение влияния голода на имущественные преступления, среди которых кража является самым частым. дает статистика населения мест лишения свободы. *В. Якубсон,* у которого мы заимствуем приводимые ниже сведения, берет данные о количестве заключенных в 36 различных местах лишения свободы нескольких голодавших губерний (Астраханской, Вятской, Самарской, Саратовской, Симбирской (Ульяновской), Уфимской и Царицынской) с крупною цифрою заключенных в 10.000 чел. Он сравнивает это число с числом заключенных в тюрьмах остальных губерний. Если принять число заключенных по всем преступлениями вообще в декабре 1921 г. за *сто,* то в голодавших губерниях наблюдается безостановочное возрастание в каждом из тех месяцев в 1922 г. (январь—март), за которые приводятся сведения. Не то в неголодавших губерниях: здесь, сравнительно с декабрем 1921 г., в январе произошло понижение, а повышение в феврале и марте (сравнительно с январем) не достигло декабрьского уровня:

Месяцы	Места лишения свободы семи голодав. губ.	Прочие места лишения свободы в Республике
Декабрь 1921 г.	100,0	100,0
Январь	101.0	92,8
Февраль	105,2	96,0
Март	110,2	99,8

Отмечая установленное уголовною социологиею возрастание имущественных преступлений зимою и указывая на выяснившиеся различия в этом отношении между голодавшими и неголодавшими губерниями, автор спрашивает, чем же объяснить это нарушение закона распределения преступлений по месяцам, и сам же отвечает: в голодных губерниях прогрессивный рост преступности неминуем. И никакие разгрузки, никакие послабления в смысле наказания лишением свободы не опорожнят тюрьму там, где на свободе люди умирают голодной смертью, где они часто с радостью меняют ее, свободу, на маленький кусок хлеба, хотя бы даже и черствого. Это видно и из того факта, что места, освободившиеся в тюрьмах после ноябрьской амнистии 1921 г., еще не успели остыть, как снова все были заняты [1].

[1] «Ежен. Сов. Юст.», 1922 г., № 14—15, 10 стр., ст. В. Якубсона.

Влияние голода на эти цифры заключенных подтверждается сравнительным рассмотрением состава осужденных, отбывавших наказания в местах лишения свободы голодавших и неголодавших губерний. Цитируемый нами автор приводит в подтверждение этого две таблицы. Первая из них показывает процент заключенных, осужденных за кражи и имущественные преступления вместе с должностными в декабре 1920 г. и январе—марте 1921 г., сравнительно с процентом заключенных, содержавшихся в качестве осужденных за эти же преступления в декабре 1921 г. и январе—марте 1922 г. в пределах голодавших губерний:

Процент заключенных, осужденных за кражи, прочие имущ. преступления, включая должностные [1]

Декабрь		Январь		Февраль		Март	
1920 г.	1921 г.	1921 г.	1922 г.	1921 г.	1922 г.	1921 г.	1922 г.
28,3	48,3	35,64	47,3	21,4	53,3	30,3	54,3

Голод 1921—1922 г.г., внес глубокие изменения в состав приговоренных к лишению свободы, увеличив процент содержавшихся по приговорам за имущественные преступления. Если только что приведенная таблица показывает изменения состава заключенных в пределах тех 7 губерний, которые были постигнуты голодом, то вторая таблица показывает сравнительное увеличение содержавшихся за те же преступления в голодавших и неголодавших губерниях. До наступления голода в феврале 1921 г. процент заключенных за указанные преступления составлял в семи названных выше нами губерниях 21,4%; он достигал 35,4% в прочих губерниях, которые в то время переживали нередко весьма тяжелое положение. Во время голода он поднимался в феврале 1922 г. в семи губерниях до 53,3%, т.-е. увеличился на 13,9%. Он достиг 48,5% в прочих губерниях, т.-е. поднялся всего на 13.1%.

Нарушение обычной картины распределения имущественных преступлений по временам года в пределах всей республики уже было отмечено в нашей статистической литературе *Л. Скляром* [2], который, пользуясь материалами Управления уголовного розыска Республики, дает следующую таблицу сравнительного движения всей преступности и имущественной (цифры первой четверти года приняты за сто).

Рост всей и имущественной преступности в 1921 и 1922 г.г.

	1921 год				1922 год	
	I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.	I четв.	II четв.
Вся преступность	100	100	116	117	119	119
Имуществен. преступность .	100	113	124	128	130	127

[1] Методологически было бы правильнее не включать сюда должностные преступления, хотя большая часть их состояла во взяточничестве, т.-е. преследовала корыстные цели.

[2] Л. Скляр, Имущественная преступность в РСФСР за 1920, 1921 и первую половину 1922 г.г., журнал, «Власть Советов», 1923 г., май.

Отсюда видно, что имущественные преступления возрастали все время, понизившись лишь во вторую четверть 1922 г. Автор приписывает такое неуклонное (кроме последней, второй четверти 1922 г.) повышение влиянию голода и новой экономической политики, затрудняясь решить, какому из этих двух названных факторов принадлежит наибольшая роль. Однако, в самой же статье имеются материалы для попытки решения поставленного автором вопроса, но решения лишь в сторону признания влияния голода. Кража и грабеж — преступления неимущего класса. Возрождение к жизни торгового оборота (новая экономическая политика) могло сказаться на увеличении торговых обманов, мошенничества, но в материалах уголовного розыска не имеется особой графы со сведениями об этих преступлениях. Помесячное же распределение краж и грабежей (в том числе и вооруженных) идет вверх так же, как растет и голодная нужда. В голодавших губерниях особенно заметно возрастание имущественной преступности в течение всего 1921 г. и уменьшение ее во вторую четверть 1922 г., т.-е. автор констатирует по материалам уголовного розыска тот же факт, который мы выявили из рассмотрения сведений милиции. Так, например, в Царицынской губ. имущественная преступность возрастает следующим образом: 1921 г. I четв. — 100, II четв. — 158, III четв. — 355, IV четв. — 366 и в 1922 г. I четв. — 604, II четв. — 320. То же самое наблюдалось в Саратовской губ. и др. Цитируемый нами автор не подчеркивает того вывода, который нам хотелось бы подчеркнуть в результате рассмотрения его таблиц: процентное отношение имущественных преступлений ко всей преступности растет вместе с голодом и уменьшается с его ослаблением. Другими словами: типическим преступлением голодающего является не контр-революция, не преступления против личности, а нарушение права собственности.

При таком возрастании осужденных за имущественные преступления (вернее за кражи), нас заинтересовал вопрос об объектах тайного похищения. В этих целях мы подвергли специальной обработке листки на осужденных в 1922 г. за кражу в голодавшей губернии (Уфимской), но совершивших ее во второй половине 1921 и в первой половине 1922 г. Таких карточек оказалось 869. Из этого числа в 176 карточках предмет кражи не был указан. В остальных же листках чаще всего встречались указания на кражу хлеба, зерна и других предметов продовольствия:

Уфимская губ. Статистика осужденных в 1922 г. за кражу различных предметов.

Кража	хлеба, зерна, муки и проч. съестных припасов . .	220
»	крупного скота	180
»	мелкого скота и птицы	110
»	сена и соломы	44
»	денег	2
»	других предметов	137

Нам кажется, что самый объект похищения при данных обстоятельствах может служить показателем той голодной нужды, которая и гнала на кражи. Среди случаев кражи съестных продуктов попадаются указания на кражи даже лебеды, ставшей съестным продуктом только в голодных губерниях, на кражи четырех или даже двух фунтов муки, и большой процент осужден (26 человек из 220) за похищение того самого картофеля, который в Уфимской губ. при урожае имеет ничтожную ценность. Таким же показателем должна служить и статистика осужденных

за кражу мелкого скота, с частою припискою в наших карточках к словам «за кражу» также и слов «за резку», указывающих на немедленное потребление украденного. Так как резка украденного мелкого скота нисколько не меняла состава преступления, то надо думать, что она отмечалась на карточках лишь в редких случаях. Но указания па кражи с немедленным прирезыванием встречаются даже при краже лошадей и коров (такие указания мы нашли на 31 карточке из 180). В группе осужденных за конокрадство и кражи крупного скота тип обычного профессионала-конокрада растворяется в том большом числе осужденных, который дали рядовые крестьяне, думавшие только об утолении голода и готовые употреблять в пищу то, от чего до голода их стошнило бы. Из общего числа 180 осужденных за это преступление было 124 хлебопашца (из них всего 4 с прежнею судимостью).

Чтобы несколько полнее вскрыть социальный облик вора голодавшего района, мы подвергли листки об осужденных за кражи предметов продовольствия специальной обработке и выяснили социальное положение воров, их семейные условия, место совершения преступления и прежнюю судимость.

Среди осужденных наметились три группы различных профессий, в сущности одного и того же социального положения: 129 хлебопашцев, 29 чернорабочих и 62 прочих занятий (фабричные, заводские рабочие, ремесленники, безработные и т. п.). Вместо обычного типа профессионального вора, не имеющего ни твердой оседлости, ни семьи вообще, ни тем более детей, — перед нами оказались люди без преступного прошлого (из 220 чел. всего 9 с прежнею судимостью), с определенными трудовыми навыками, не только «семйные», но даже обремененные значительным количеством детей. Так, например, женатых оказалось 70%. Более 81% оказались с детьми. Из числа имевших детей 33% имели в момент совершения преступления по одному ребенку, 36% — по 2—3,22% — по 4—5 детей, и более 8% даже по 6 и более детей.

Чтобы яснее представить эти социологические особенности вора голодавшей губернии, приведены некоторые данные, характеризующие столичного вора. При обследовании населения арестных домов г. Москвы, в апреле и мае 1923 г., было собрано 909 анкет о задержанных по обвинению в тайных похищениях. В противоположность вору голодавшей губернии московский вор оказался в 77,5% моложе 30 лет и только в 22,5% — старше этого возраста. Среди воров в Москве 77,8% были бездетными. В общей массе задержанных за воровство значительная часть оказалась не коренными москвичами, а пришлым элементом и притом проживавшими в столице лишь с не столь давнего времени. Стоит ли добавлять, что процент рецидивистов среди них оказался во много раз выше, чем среди осужденных за кражи в Уфимской губернии, а именно 45% (вместо 4,1%).

Таким стоит перед нами вор голодной губернии.

Вооруженные ограбления

Распределение вооруженных ограблений по месяцам 1922 г. в голодавших и неголодавших губерниях настолько очевидно связывается с голодом, что едва ли может возбудить большие сомнения.

Ведомости отчетности государственной милиции содержат в себе сведения о помесячном распределении по пространству всей республики 12.744 вооруженных ограблений, из которых 7.462 приходится на неголо-

давшие губернии, а 5.268 — на голодавший район (двадцать губерний и областей прислали свои ежемесячные отчеты без всяких пропусков).

Вооруженные ограбления в 1922 г. [1]

Месяцы	Неголодав. район	Голодав. район	Принимая январь за 100	
			Неголодав.	Голодав.
Январь	886	1.085	100	100
Февраль	649	1.115	73,3	102,8
Март	765	1.097	86,3	101,1
Апрель	662	436	74,7	40,2
Май	581	483	65,6	45,5
Июнь	622	229	70,2	21,1
Июль	523	170	59,3	15,7
Август	621	120	70,1	11,1
Сентябрь	408	176	46,0	16,2
Октябрь	591	121	66,7	11,2
Ноябрь	584	142	65,9	13,1
Декабрь	566	112	63,9	10,3

Движение этих преступлений по месяцам в обоих сравниваемых нами районах резко различно. Уже при сравнении абсолютных чисел по месяцам мы видим, что эти цифры, превышающие за первые три месяца в голодавшем районе соответствующие числа в неголодавших губерниях и областях, с апреля уступают первенство цифрам в неголодавшем районе и отстают от них с каждым месяцем все более и более. Отмечаемое нами явление особенно ярко заметно при рассмотрении процентных величин. Как раз в 1922 г. было обращено особое внимание на борьбу с бандитизмом. Были усилены репрессии. Был выдвинут лозунг уничтожения этого преступления, выливавшегося сплошь и рядом в самые дерзкие налеты и жестокие расправы с сопротивляющимися ограблению. Для скорейшего расследования этих преступлений были созданы даже ночные дежурства следственных органов и особые трибуналы или особые сессии трибуналов. Между тем, перед нами две совершенно непохожие одна на другую картины помесячного распределения вооруженных ограблений в голодавшем и неголодавшем районе. Обострение голода в первые три месяца 1922 г. держит грабежи в районе голода на высоком уровне. Наступление облегчения в апреле сразу приносит уменьшение на 60% преступлений в этом и следующем месяце, и грабежи быстро исчезают; в декабре сравнительно с январем остается всего одна десятая часть.

Мы можем сказать: страшных бандитов здесь больше нет. Голод их создал. Урожай их «уничтожил», «истребил».

[1] По Туркестану сведения даны за 4 месяца второго полугодия. По Кавказу полностью по Горской респ. и Кабардинской области, а по Адыгейской области за два месяца второго полугодия, по Дагестанской респ. за один месяц первого полугодия и за пять месяцев второго полугодия.

Чтобы сильнее подчеркнуть это знаменательное явление, отметим громадную разницу между месяцами с наивысшими и наименьшими числами вооруженных ограблений в отдельных губерниях. Так, например, в Самарской губ. максимум вооруженных ограблений, в январе 56, падает до 1 (одного) в октябре, в Саратовской губ. с 77 в феврале до 8 в декабре, в Царицынской губ. с 56 в феврале до 2 в августе, в Татарской республике с 33 в январе до 1 в августе, в Ульяновской с 22 в феврале до 3 в сентябре, в Крымской с 121 в марте до 10 в августе, в Донской области с 135 в марте до 19 в июле и т. д.

Совсем не то в неголодавшем районе с его столичными округами. Здесь, где в столицах открывается широкий простор для «работы» профессиональных преступников, где соблазны шумной бульварной жизни с разными притонами для азартных игр, для разврата, кокаинизма постоянно создают все новые или более сильные потребности, где один удачный «налет» может дать возможность месячного разгула, здесь бандитизм оказался забронированным и неуязвимым: в первые 4 месяца (январь—апрель) вооруженные ограбления совершаются чаще, чем в остальные месяцы (вероятно влияние голода), а в остальные месяцы, кроме июля (59,3) и сентября (46,0), остаются почти на одном уровне (63,9, 65,6, 65,9, 66,7, 70,1, 70,2). Эта разность помесячного распределения вооруженных ограблений получает характер еще большей рельефности, если припомнить, что наиболее интенсивная борьба с бандитизмом должна была вестись в столицах и что именно здесь она не привела к тем результатам, к которым привел урожай. Это можно видеть из следующей таблицы:

Помесячное распределение вооруженных ограблений в Ленинграде и Московской губернии в 1922 г.

Месяцы	Ленинград	Московская губерния
Январь	27	38
Февраль	28	176
Март	40	116
Апрель	24	51
Май	9	46
Июнь	21	27
Июль	23	42
Август	22	30
Сентябрь	10	61
Октябрь	22	35
Ноябрь	15	56
Декабрь	39	53

Заканчивая рассмотрение влияния голода на вооруженные ограбления, мы хотели бы подчеркнуть, что молодая уголовная статистика РСФСР, введенная всего в 1922 г., уже успела также подметить влияние голода на бандитизм. *П. Яцков* в своей статистической статье об уголов-

ном бандитизме в Ростове-на-Дону и Нахичевани, на вопрос, что толкнуло осужденных на этот скользкий путь, ищет ответа в статистике занятий преступников. Мы читаем у него: «Цифры говорят, что на путь бандитизма в первую очередь шел элемент, наиболее пострадавший от голода в 1921 г.: это лица, занимавшиеся сельским хозяйством или работавшие по найму в сельском хозяйстве. Большая часть из них — разорившиеся хлеборобы, пришедшие из деревни в город на заработки, другая часть— жители городских окраин, занимавшиеся сельским хозяйством. Дальше идут чернорабочие, демобилизованные красноармейцы, сокращенные по штату советские служащие и безработные. Все эти материально необеспеченные люди, не находя применения своему труду, организовывали шайки, держа в постоянном страхе население городов». Цитируемый автор подтверждает правильность своего вывода сопоставлением сведений о профессии осужденных в 1922 г. с таковыми за 1923 г. Из этого сравнения видно уменьшение процента хлеборобов, демобилизованных краноармейцев и, наоборот, увеличение осужденных из числа безработных [1].

Надо, однако, отметить, что материал автора для такого сравнения данных за два указанные года был неравноценен, так как, с одной стороны, он охватывал весь 1922 г., а с другой — всего три первые месяца 1923 г. Но во всяком случае вывод *Яцкова* о влиянии в данном случае голода находится в полном соответствии с нашими итогами.

Убийства

Относительно преступлений против личности в нашем распоряжении имеются не одинаковой полноты сведения уголовного розыска и милиции. Отчеты милиции сообщают из числа этих преступлений сведения о заявленных убийствах, а отчеты уголовного розыска кроме убийств (разделяя совершенные убийства и покушения) дают цифры также прочих преступлений против личности, но цифры последних так незначительны, что не представляют возможности оперировать с ними. Число убийств по всей РСФСР, по данным милиции, исчислялось в 1922 г. цифрою 16.652, а по данным уголовного розыска — 12.146 (убийства вместе с покушениями на них). Это обязывает нас взять в основание нашего рассмотрения и в данном случае сведения государственной милиции.

Е. Н. Тарновский, разрабатывая материал русской уголовной статистики и выясняя распределение по месяцам преступлений против личности, рассмотрел отдельно: 1) предумышленные и умышленные убийства, 2) убийства в драке и смертельные повреждения и др. и 3) детоубийства. В ведомостях милиции все виды убийства объединены вместе. Для получения возможности сравнения материалов милиции с цифрами *Е .Н. Тарновского* нам пришлось объединять приводимые *Тарновским* сведения в один итог; но для того, чтобы читатель видел, насколько различно распределение по месяцам различных групп преступлений против жизни, мы приводим сведения о каждой из них отдельно. Автор принимает за сто среднее ежедневное число убийств в течение всего года и определяет, сколько приходится в таком случае убийств на каждый день в среднем на тот или другой месяц (этот же метод применен и в наших исчислениях помесячного распределения убийств).

[1] П. Яцков, Уголовный бандитизм, «Донской Статистическй Вестник», книга II, № 4—6, стр. 134—135.

Месяцы	Предумышленные убийства	Детоуб. и оставление ребенка	Убийство в драке, смертельн. повр. идр.	Все эти преступления
Январь	112	95	82	96
Февраль	89	94	87	90
Март	105	98	63	89
Апрель	106	94	98	99
Май	105	115	111	110
Июнь	97	117	122	112
Июль	77	118	107	101
Август	96	111	107	105
Сентябрь	89	98	120	102
Октябрь	118	85	127	110
Ноябрь	109	78	96	94
Декабрь	96	95	82	91
Средняя ежедневно	100	100	100	100

Таким образом, движение различных видов лишения жизни по месяцам весьма отличается одно от другого. Так, например, предумышленные убийства чаще всего совершаются в октябре, ноябре и январе, детоубийства — в июле, июне, мае, а убийства в драке (вместе с телесными повреждениями) — в октябре, июне и сентябре.

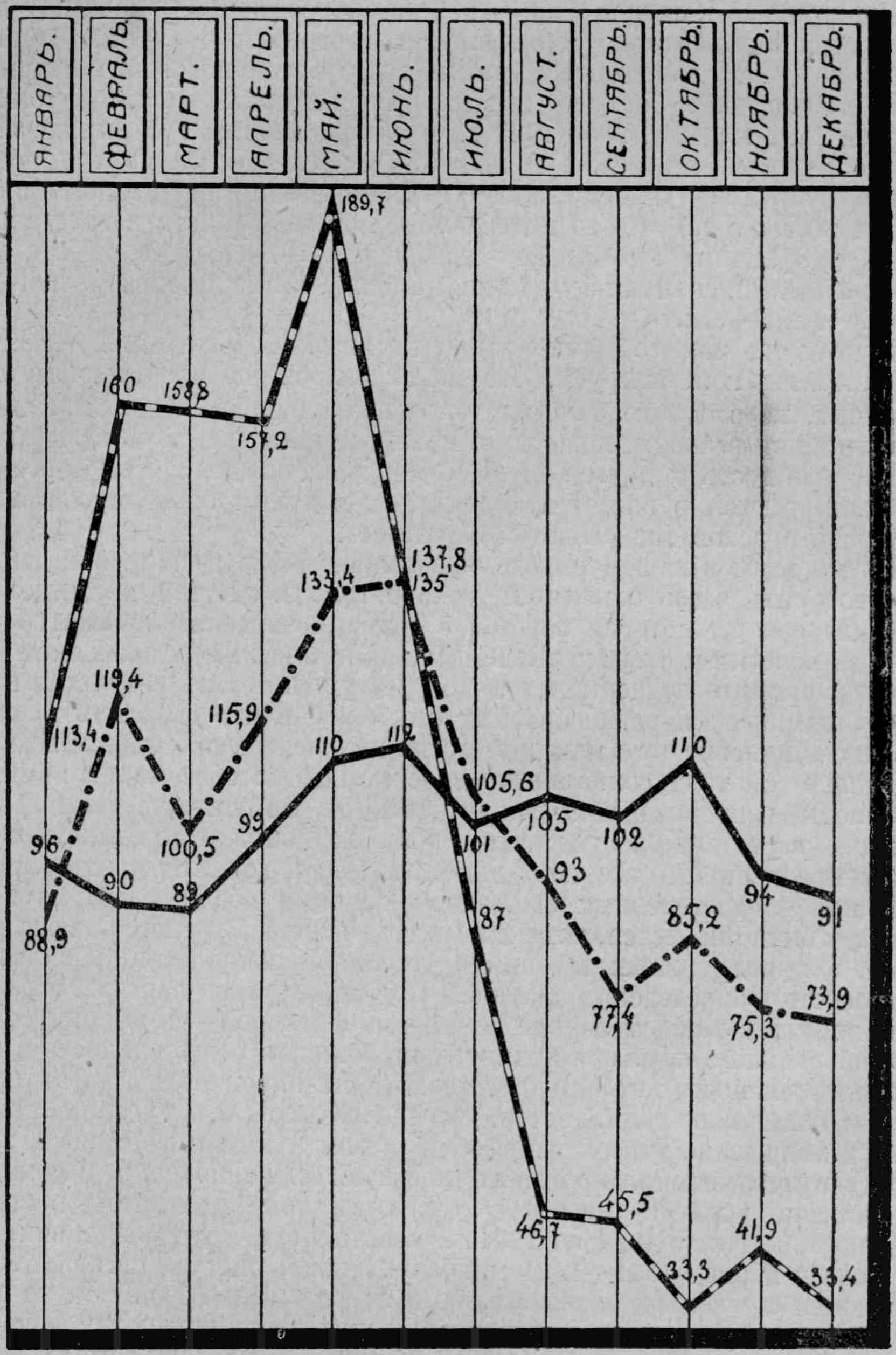
Посмотрим, каково же помесячное распределение убийств в голодавших и неголодавших губерниях. С первого же взгляда оно поражает нас тою же необычайною картиною, какую мы уже видели в распределении краж: громадная разница между минимумом и максимумом убийств по месяцам, особенно большая в голодавших губерниях, сильно повышенная кровавая преступность в голодавших губерниях, продолжающаяся почти вдвое дольше, чем повышение краж в этих губерниях (убийства выше среднего в течение всех первых шести месяцев), сравнительный параллелизм движения обеих кривых в голодавших и неголодавших губерниях (см. диаграмму).

Помесячное распределение убийств в 1922 г. [1]

Месяцы	Голодавшие губ.		Неголодавшие губ.	
	Абсол. ч.	%	Абсол. ч.	%
Январь	682	113,4	722	88,9
Февраль	869	160,0	876	119,4
Март	955	158,8	816	100,5
Апрель	915	157,2	911	115,9
Май	1.141	189,7	1.083	133,4
Июнь	802	137,8	1.061	135,0
Июль	523	87,0	858	105,6
Август	281	46,7	755	93,0
Сентябрь	265	45,5	608	77,4
Октябрь	200	33,3	692	85,2
Ноябрь	244	41,9	592	75,3
Декабрь	201	33,4	600	73,9
Средняя ежедневно	—	100	—	100

[1] По Кавказу сведения даны полностью по Горской респ. и Кабардинской области, по Дагестанской республике — за первые 11 месяцев.

Убийства по месяцам



Но кроме всех этих особенностей движения кривых об убийствах в голодавших и неголодавших губерниях должны быть отмечены еще некоторые выводы, вытекающие из рассмотрения движения каждой из этих двух кривых сравнительно с третьей ломаной линией, изображающей движение убийств в период 1892—1898 г.г. Несомненно, что между движением линий убийств в неголодавших губерниях и линий убийств в 1892-1898 г.г. более сходства, нежели между этой последней и кривой убийств в голодавшем районе. Так, например, в движении числа убийств за период 1892-1898 г.г. и за 1922 г. в неголодавших губерниях замечается следующее сходство: уменьшение с февраля по март с последующим повышением до июня включительно и полный параллелизм с сентября до конца года. Не то в движении кривой убийств в голодавших губерниях. Здесь вместо мартовского провала—апрельский, вместо майского—июньский, скачок вверх лишь майский, и вместо октябрьского повышения—ноябрьское.

В качестве нашего общего вывода о влиянии голода 1921-1922 г.г. на убийства мы констатируем, что оно сказалось на пространстве *всей* республики, но с особою силою в голодавшем районе. Оно выразилось в чрезвычайной резкости колебаний наших кривых, когда они бросаются от одной крайности к другой и, поднимаясь на недосягаемые ранее высоты, низвергаются в настоящую пропасть и таким образом совсем не хотят знать пресловутой «золотой середины».

Но мы идем в нашем выводе еще дальше. Мы решаемся в данном случае говорить здесь о влиянии *только* голода. В той криминологической литературе, которая борется с социалистическим крылом в уголовной социологии и с так называемым монистическим объяснением преступности, принято подчеркивать, что преступность есть результат взаимодействия многих и разнообразных факторов, и что выделить преимущественное значение того или другого из них не представляется возможным. Иначе смотрит социалистическое крыло, которое видит причину преступности в производственных отношениях, в институте частной собственности, в системе распределения, когда на почве этого единственного фактора преступности все остальные получают характер лишь производных или второстепенных факторов, удельный вес каждого из которых может быть определен, хотя и не всегда и не без труда. Отсюда различие и в выводах обоих течений в уголовной социологии, расплывчатость, робость в определении значения того или другого фактора, стремление выдвинуть в каждом случае целый ряд факторов — в учении социологов либерального крыла, и значительно бо́льшая решительность в подчеркивании значения того или другого, хотя бы и производного, фактора—в учении социологов-социалистов. В иностранной и в русской литературе было высказано утверждение об обратном влиянии урожаев и хлебных цен на преступления против личности. *Е. Н. Тарновский*, рассматривая движение убийств (вместе с телесными повреждениями) в период с 1874 по 1881 г. и с 1884 по 1894 г., констатирует, что «изменения дел этого рода в период 1874—1881 малохарактерно: оно увеличивается все время почти без всякой связи с ценами и урожаями хлеба. За то в период 1884—1894 г.г. контраст в движении преступлений против собственности и против личности полнейший, как тому и надлежало бы быть по теории *Эттингена* и *Ферри*. Отношение убийств и телесных повреждений достигает максимума в наиболее урожайные и выдающиеся хлебными ценами годы — 1888 и 1889 г.г.; в неурожайный 1891 г. отношение это сокращается, доходит до минимума в 1892 и 1893 г.г., в урожайный 1894 г.

возвращается к прежнему уровню [1]. Объяснение этим фактам автор видит в изменяющихся размерах потребления алкоголя: его потребление растет в урожайные годы и падает в голодные и неурожайные [2].

С таким объяснением можно согласиться лишь в отношении телесных повреждений и убийств непредумышленных — в запальчивости, раздражении, драке и т. п., но не в отношении убийств предумышленных—из корысти, детоубийств и некоторых других. Методологически неправильно было бы распространять без всяких оговорок этот закон обратного влияния урожаев на все виды преступлений против жизни, слишком различающиеся между собою по своим мотивам. При невыделении из общей массы этих преступлений различных типичных групп численное преобладание той или другой группы над остальными может самым существенным образом влиять на погодные движения той ломаной линии, которая изображает сумму этих разнообразных слагаемых в виде различных преступлений против жизни. Состояние нашего статистического материала не позволило нам выделить отдельные группы преступлений против жизни. Но их числа в голодавших губерниях, значительно превышающие среднюю величину (100) за те самые первые четыре месяца, когда уголовная стаистика отмечает, наоборот, понижение этих преступлений, заставляют нас думать, что среди убийств преобладали такие, которые были вызваны именно голодом, и прежде всего убийства с корыстной целью и вообще с целью сохранения своей жизни за счет чужой жизни, и те дикие случаи убийств из самосуда, о развитии которых во время голода говорит нам один из внимательных наблюдателей за психологией голодавшего населения [3].

Знакомые с характером заполнения милицией ведомостей ежемесячной отчетности, мы не сомневаемся, что часть убитых при разбойных нападениях заносилась в графу заявлений не о разбоях и грабежах, а именно об убийствах. Таким образом подъем убийств в начале года ставится нами в прямую связь с обострением голода. Майское же повышение совпадает с повышением убийств в период 1892—1898 г.г. и отличается лишь своим размахом со стремительным падением во все прочие месяцы. Сходство этого последнего явления с уже отмеченным нами резким понижением краж за этот же период заставляет нас и здесь выдвинуть наше прежнее объяснение: повысившаяся за месяцы голода преступность стремится снизиться до своего прежнего уровня. Кровавая река преступности, далеко вышедшая из своих берегов, стремится войти в прежнее русло.

При исследовании причин убийств криминалисты-социологи указывали и на общий уровень культуры в стране вообще, и на развитие грамотности в частности, и на влияние войн. Особенности нашего помесячного распределения вскрывают в первую голову влияние именно голода. На самом деле, разлагающее влияние войны и тем более низкого культурного уровня не могло оборваться на мае или июне месяце 1922 г. Такое влияние может быть только более или менее длительным, а вместе с тем и ослабевать лишь очень медленно и постепенно. Чрезвычайная продолжительность военный действий в пределах России, вовлечение в боевую линию и в сферу огня громадного процента населения и вековая политика, державшая народ в беспросветной тьме самого отчаянного невежества и

[1] Журнал Мин. Юст., 1898 г., № 3, стр. 83.

[2] См. С. А. Первушин, Влияние урожаев в связи с другими экономич. факторами на потребление напитков в России, М. 1909 г., стр. 137 и след.

[3] «О голоде», сбор. статей, статья д-ра Франка.

политического гнета, должны наложить свою печать на преступность не на короткие месяцы, а на долгие годы. В пределах же изучения помесячного распределения убийств говорить о влиянии на них войны и общего культурного уровня не приходится. Здесь мы констатируем влияние только голода.

Знакомясь с отдельными случаями убийства, совершенного под несомненным влиянием голода, мы различаем среди них две несходные между собою группы. В одних случаях убийство вызывается резко выраженными альтруистическими побуждениями, в других — крайними проявлениями эгоизма.. Одна группа вполне обнимается именем убийства из чувства сострадания, жалости к убитым, а другая носит страшное имя «людоедства». Судебная практика знает чрезвычайно редкие при обычных условиях случаи умерщвления других из сострадания к ним. Она за сотни лет, можно сказать, совсем не знала случаев «людоедства». Эта исключительность убийств обоих названных нами видов требовала бы всестороннего и подробного их изучения с психологической, психиатрической и социологической точки зрения. Но, к сожалению, возможность такого изучения частью совсем упущена (например, с психиатрической и психологической стороны), частью еще не осуществлена (например, с социологической стороны). Опубликованные материалы составляют лишь небольшую часть имеющихся на местах и в центре (например, в музеях голода, в архивах народных судов, отделах здравоохранения и пр.). Тем бо́льшую цену получают материалы, сделавшиеся общедоступными. Поэтому мы считали бы пробелом в нашей работе, если бы прошли полным молчанием сообщения в печати о тех случаях убийства, которые были вызваны несомненным влиянием голода. Вот почему мы считаем необходимым воспроизвести здесь хотя бы в сокращенном виде известный нам мартиролог, синодик убитых в той или другой форме голодом. При этом мы исключаем из нашего перечня известные нам в очень небольшом количестве случаи самоубийства из-за голода. Мы думаем, что они совершались в действительности совсем не редко.

Но как они ни были страшны сами по себе, они были слишком тусклы, чтобы привлечь к себе внимание там, где оно все было отвлечено более необычными или прямо исключительными фактами голодного убийства. Впрочем, в печати встречались указания на распространение самоубийств в связи с голодом. Так, например, Саратовская медицинская статистика отмечала безудержный рост таких самоубийств не только среди взрослых, но и среди детей. Отмечались случаи самоубийств целыми семьями, когда вся семья замазывала в избе все щели и, закупорившись таким образом, наполняла избу угаром для коллективного самоубийства.

Отмеченные нами материалы всего полнее собраны врачем *Л. М. Васи́левским* в его брошюре: «Жуткая летопись голода (самоубийства и антропофагия)», изданной Уфимским губернским политпросветом в 1922 г. Из этой работы мы берем сообщения о следующих случаях убийств, отнесенных нами в первую группу.

В Самарском музее голода имеются фотографии детей, удушенных матерями для спасения их от голодной смерти.

В Крыму, в г. Карасубазаре, голодавший татарин перебил на почве голода свою семью, разбив топором череп своей жене 55 лет, сыновьям 22 и 16 лет и двум дочерям. Убийство объяснил тем, что не мог видеть мук голода своей семьи. Задержанный проявлял признаки ненормальности.

В с. Ивановке голодная женщина зарезала своего ребенка и сама бросилась в колодезь.

В Бирском уезде Уфимской губернии родители, не имея возможности кормить своих детей, бросили их в яму, где они и замерзли.

В Уфе татарка, мать голодавших детей, привезла их на мост и, взяв за ноги, с размаху побросала в воду.

В Хвалынском уезде татарин понес ребенка в городской детский дом, но вследствие истощения дойти не мог и, сотворив молитву, убил ребенка палкою.

В с. Переновке и Молчановке, Николаевского уезда, Екатеринославской губ., голодные матери купали своих голодных детей в отваре из

Объект антропофагства (гор. Херсон)

овечьей шерсти с куриным пометом, думая вызвать таким путем болезнь и смерть детей.

В только что приведенном примере рука матери не поднималась на убийство в настоящем виде, но с психологической стороны перед нами здесь те же убийцы. Испытываемые при этом убийцами из жалости страдания остались не вскрытыми и неизвестными для нас. Но некоторые указания на них дает одно из сообщений автора, когда в избе голодавшей женщины были найдены привязанные в разных углах дети. Обессилевшая и лежавшая на печи мать объяснила, что она привязала их по углам потому, что они пытались кусать друг другу руки. При попытке дать детям хлеба она сползла с печи и на коленях просила не кормить их, чтобы они скорее умерли и не мучились снова от голода.

В с. Липовке Царицынского уезда крестьянин, после смерти жены, не будучи в силах выносить голод, решил убить сына, чтобы питаться его мясом. Заведя его в сарай, он убил его топором, но не прикоснулся к нему и тут же сам повесился.

Этот последний случай стоит уже на грани обеих намеченных нами групп — убийств из жалости и людоедства. Относительно последних *Василевский* собрал не мало сведений.

В с. Ефимовке мать зарезала дочь 8 лет, внутренности выбросила на двор, ноги и руки отрубила, а прочее спрятала в сундук в холодной каморке.

В дер. Шарлыкуловой, Емельяновской волости, Бугурусланского уезда, женщина после двухнедельной голодовки зарезала и съела внучку

Крестьянка дер. Ефимовки, Бузулукского уезда, зарезавшая дочь для употребления ее в пищу.
Крестьянин села Андреевки того же уезда — людоед.

семи лет; найдя мясо очень вкусным, заманила к себе девочку из детского приюта, также зарезала ее и съела. Зарезала еще одну женщину, но съесть ее не успела.

В Чистопольском узеде крестьянка зарезала свою сестру и ребенка и съела их обоих.

В с. Т., Спасского кантона, подросток 16 лет зарезал своего брата одного года, ноги зажарил, а голову сварил.

В с. Кардон, Хворостянской вол., Пугачовского уезда, мать зарезала свою дочь и съела ее, разделив мясо с остальными детьми.

В Башкирии, в Кипчак-Датировском, Бурзан-Тангуз-Репском и Юматовском кантонах, зарегистрированы случаи зарезания и поедания по 2—3 члена семьи — как детей, так и взрослых.

В с. Отящево, Дедовской вол., Кипчак-Джетировского кантона, сын зарезал своего отца, сварил и съел его. То же самое он проделал с племянником.

В д. Тяково, Арасланов ской вол., Юрматынского кантона, был зарезан брат хозяйки избы. Часть его тела найдена в котле. На вопрос, где

Людоедка, не обнаруживавшая до голода признаков психопатии, и убитая ею дочь.

же остальные члены семьи, последовало признание, что мальчик 10 лет и девочка 15 лет зарезаны и съедены. Варившееся в котле мясо не хотели отдавать властям.

В г. Уральске гр. С. Б. 25 лет в феврале и марте 1922 г. совершил на квартире у себя четыре убийства (трех женщин и одного мужчины); трупы убитых были им и его домашними съедены.

В Белебеевском у. татарин дер. Анясевой, Киргизняковской вол., 42 лет, совершил убийство с целью людоедства.

В Белебеевском у. две татарки 42 и 57 лет совершили убийство в Илькульвининской вол. с целью людоедства [1].

Газета «Правда» от 24 января 1922 г. сообщала о случае убийства в дер. Каминка, Пугачовского у., двумя женщинами двух других зашедших к ним переночевать женщин.

В дер. Старой Суллеи, Старо-Туравеской вол., Белебеевского у., мать с сыном зарезали второго, младшего сына и съели.

[1] В журн. «Право и жизнь», № 1, 1922 г. напечатаны два постановления народного следователя по этим двум делам Белебеевского уезда.

В дер. Шалтын-Баш, Кичкинявской вол., мать зарезала дочь и съела.

В с. Товларово, Тюрюшской вол., крестьянин ударом по голове поленом убил свою родственницу, девочку 13 лет, и съел. Снятые с трупа 3 фунта жира он продал на базаре. Ранее он съел два трупа умерших девочек.

В дер. Биккуловой, Илькуминской вол., крестьянин вместе с семьей зарезал женщину 20 лет и съел.

В дер. Яфар-Яныбековской, Имай-Кармалинской вол., муж с женой убили сына 17 лет, разрубили и сварили.

Случай людоедства в г. Херсоне.

В с. Елантубе, Златоустовск. у., крестьянин зарезал свою сестру и вместе с матерью и соседом съел ее.

В Улькундинской вол. крестьянин зарезал 8-летнюю сестру и съел.

В Алпаутовской вол. удавлен и съеден взрослый человек.

В дер. Старый Карагуш, Кизанбашск. вол., двое сирот (брат 14 и сестра 18 лет) вместе с 14-летн. мальчиком задушили веревкой двух детей 6 и 8 лет и девушку 17 лет и съели.

В дер. Тастынгулово, Гудзяковской вол., мальчик 16 лет убил своего 5-летнего брата и съел.

Несколько крестьян Идриссовской вол. и Мясогутовской вол. подали местным властям заявление о разрешении заколоть детей в пищу.

Д-р *Е. Н. Краснушкин* подробно описал случай людоедства в Витебской губ., Режицк. у., Ленинской вол., дер. Ковали, когда двое малолетних ели труп мальчика той же деревни [1].

Некоторым косвенным указанием на преступления против жизни является статистика обнаруженных трупов. Ведомости милиции не сообщают никаких указаний, давал ли найденный труп основания предполагать об имевшем место убийстве, самоубийстве или несчастном случае.

[1] О голоде. Светлой памяти В. Г. Короленко.

Сравнительно с числом заявлений об убийстве цифры обнаруженных трупов в пределах всей республики оказываются в два раза более крупными (16.652 убийства и 33.762 трупа), а в голодавших губерниях число обнаруженных трупов превосходит число заявленных убийств в 2,5 раза (9.524 уб. и 24.221 обнаруж. труп.). Сведения о найденных трупах давались и дореволюционною статистикою (в отчетах губернаторов), с выделением в особых графах чисел трупов новорожденных детей, и эти числа всегда были значительны. Несомненно, что наибольшая часть трупов младенцев принадлежала к той категории, которая давала все основания подозревать здесь убийство.

Помня высокие числа убийств в голодавших губерниях за первое полугодие 1922 г., мы склонны думать, что, вероятно, не малый процент обнаруженных трупов обязан своим происхождением преступлениям против жизни, оставшимся нераскрытыми. Условия жизни голодавшей деревни чрезвычайно благоприятствовали сокрытию совершенных убийств: общение между отдельными семьями и избами почти прекращалось, и исчезновение того или другого обитателя селения или проходило совсем незамеченным или, во всяком случае, не останавливало на себе внимания, так как случаи ухода из деревни и естественной смерти без последующего обряда погребения были слишком обычным явлением. Но если среди обнаруженных трупов какая-то часть (вероятно, совсем не маленькая) приходилась на трупы самоубийц и людей, умерших голодною смертью, то наше ознакомление с этой статистикою не будет лишним: оно дает материал судить о положении голодавших и неголодавших губерний.

Число найденных трупов

Месяцы	Абсолютные цифры		Процентные отношения	
	Голодавшие губернии	Неголодавшие губернии	Голодавшие губернии	Неголодавшие губернии
Январь	2.210	585	100	100
Февраль	3.117	591	141	101,0
Март	3.651	634	165,2	108,4
Апрель	4.409	1.122	199,5	188,6
Май	5.111	1.605	231,3	274,4
Июнь	1.901	1.224	86,0	209,6
Июль	1.675	1.147	75,8	196,1
Август	921	815	41,7	139,3
Сентябрь	440	538	19,9	92,0
Октябрь	317	474	14,3	81,0
Ноябрь	302	386	13,7	66,0
Декабрь	167	420	7,6	71,8

При сравнении абсолютных величин должно быть отмечено значительное превышение обнаруженных трупов за первые пять месяцев 1922 г. в голодавшем районе. Это превышение, не менее значительное, продол-

жается еще три месяца (июнь—август) и после этого наблюдается уже обратное явление: число обнаруженных трупов в неголодавшем районе становится более значительным, чем в голодавших губерниях.

Если принять число обнаруженных трупов в январе за сто, то помесячное распределение обнаруженных трупов принимает в обоих сравниваемых районах одно и то же движение: числа увеличиваются до мая включительно и затем падают до декабря включительно, но в неголодавших губерниях только последние четыре месяца года дают цифры ниже средних, а в голодавших — семь последних месяцев. В этом последнем районе максимум обнаруженных трупов, приходящийся на апрель и май, после таяния снега, оправдывает распространенное название находимых в это время трупов «подснежниками». Этого не приходится говорить о неголодавших губерниях, где наибольшие числа обнаруженных трупов пришлись не только на май, но и на июнь—июль.

Особенно должно быть отмечено низкое падение числа обнаруженных трупов в голодавшем районе, приходящееся на декабрь — всего 7,6. В неголодавших же губерниях минимум, приходящийся на ноябрь, опускается лишь до 66,0.

Кто сколько-нибудь знаком с размерами последнего голода, тот знает о тех исключительных обстоятельствах, неизвестных неголодавшему району, при которых были обнаруживаемы иногда трупы в селениях, пораженных голодом. Мы говорим о тех трупах, которые были находимы в бочках, в чугунах, горшках, частью съеденными, частью приготовленными для еды.

И как мы сделали несколько раньше, приводя отмеченные в печати случаи убийств из-за голода, так поступаем по тем же основаниям и теперь, приводя известные нам случаи трупоедства. Мы заимствуем их из цитированной нами брошюры врача *Василевского.*

В дер. Глушице, Пугачовского у., десять семей питались мясом трупов с кладбища; отобран запас сырого мяса, вареная голова и бедра.

В с. Любимовке, Бузулукского у., у крестьян Б. С. найден зарытый в землю труп человека, которым питалась вся семья.

Там же крестьянин вырыл труп 14-летней девочки; разрубив на части, сложил их в чугун. Сварить помешали власти.

В с. Славенки, Пугачовского у., мать разделила между тремя детьми тело умершей дочери 13 лет, но только часть они успели съесть сами, так как другая часть была похищена сиротами-соседями.

В с. Андреевке милиция нашла голову и часть ребер 60-летней старухи; туловище было съедено крестьянином П.

В с. Каменки, Пугачовского у., крестьянка Ж., 50 лет, и ее дочь, 18 лет, съели трупы умерших членов семьи.

В с. Годаровке, Усманск. вол., три семьи, жившие в одной избе, вскрыли живот умершего мальчика, вытащили кишки, промыли внутренности и съели весь труп. Потом съели умершую там же женщину.

В Пугачовском уезде, в Тавелинской ячейке, один из ее членов был застигнут во время поедания человеческого мяса.

В Старо-Алметовской вол., Чистопольского кантона, Татарской республики, женщина съела труп умершей односельчанки и часть трупа другой.

В Спасском кантоне муж с женой съели труп умершего сына.

В Пугачовск. у., в с. Мокше, где трупы умерших складывались в сарай, крестьянин отрубил руки и ноги трупа девочки, но не успел унести, так как был задержан.

В с. Андреевке, Бузулукского у., очень часты случаи хищения трупов.

В с. Благодаровке крестьянка собиралась варить умершего мальчика. который был уже изрублен на куски.

В с. Таракановке, Герасимовской вол., Бузулук. у., у крестьянки нашли в бане куски человеческого мяса, а под ларем человеческую голову для приготовления из нее, по словам крестьянина, студня. Он сознался, что съел уже несколько трупов.

В с. Палимовской, Бузулук. у., отец объел бок до ребер и левую руку до локтя у своего умершего сына. Ел сырым. На следующий день после обнаружения трупа старик умер.

В районе Ел—ской, Самарского у., мать съела своего умершего 4-месячного ребенка. Здесь ели сырыми кошек, собак и варили рога.

В Клинцовской вол., Пугачовского у., из амбара, где лежали трупы умерших, очень часто совершались похищения этих трупов для употребления в пищу.

В с. Поружежк, Пугачов. у., был задержан крестьянин с трупом ребенка, который он нес с кладбища для еды. Он сознался народному судье, что съел три трупа.

В с. Таловке пойман мальчик 14 лет в амбаре, где лежали трупы; он отрубил у одного из трупов две руки и ногу. В доме, где он жил, найдены два чугуна с человеческим мясом.

В с. Б. Глушице, Пугачов. у., двое крестьян разрубили для еды труп умершей жены одного из них.

В с. Московском отец вместе с детьми съел труп одного из умерших детей.

В дер. Сидирюк, Новоюзовской вол., Белебеевск. у., найден был остаток человеческого трупа.

В дер. Ново-Сююндюрике, Новоозеровск. вол., татарка сварила и съела почти половину трупа своей сестры-самоубийцы, зарезавшейся на почве голода.

В дер. Старой Васильевке, Гайнымаковск. вол., крестьянин вырыл из могилы труп взрослого умершего, сварил и съел.

В дер. Низелипе, Бирск. у., семья из 4 человек съела 12-летнюю девочку.

В дер. Миряевой, Каралкуповск. вол., Уфимск. у., вдова с пятью детьми съела умершую однолетнюю дочь.

В. М. Коган и *Б. В. Фавр* в книге «О голоде» сообщают о зафиксировании ими случаев поедания трупов в с. Бельманке, Гуляйпольского у. Запорожской губ., в с. Каменка, Новомоск. у., Екатеринославской губ., в с. Дальнике, Одесского уезда. Авторы несогласны с мнением некоторых врачей, что исключительно психоз является причиной людоедства [1].

Изучая влияние голода на людоедство и трупоедство, мы не можем пройти мимо очень важного для нас вопроса о психологии голодающего. К сожалению, он не разработан ни в русской, ни в иностранной литературе. Тем больший интерес для нас представляет статья на эту тему д-ра *Франка* [2]. Ему пришлось наблюдать во время последнего голода многие сотни голодавших людей обоего пола, всех возрастов и всех степеней голода, начиная от самого легкого истощения и кончая смертель-

[1] О голоде. Светлой памяти В. Г. Короленко. Сборник статей под редакцией К. Н. Георгиевского, д-ра В. М. Когана и проф. А. В. Палладина, Харьков, Научная мысль, 1922 г., 62 стр.

[2] См. указ. сборник «О голоде».

ными. Среди общей массы крестьян было некоторое количество и интеллигентных и образованных. Установление психопатологии голода встречало в работе автора большие затруднения. так как война, свирепствовавшие за последние годы эпидемии и разные глубокие потрясения развивали особую предрасположенность к душевным и нервным заболеваниям. Но автор старался основать выводы на изучении тех, у кого он не констатировал предрасположения к указанным заболеваниям.

Психология голодавших получает для нас особое значение, так как автор остановил свое внимание специально и на преступности, определяя ее размеры в месте его наблюдения в 400—800% обычной прежней; он изучает отчасти самих преступников, отчасти письменные материалы и показания очевидцев относительно 44 случаев убийств и тяжких увечий, в том числе 17 совершенных малолетними, 26 случаев людоедства и 7 случаев торговли человеческим мясом.

Он различает три степени состояния психики голодающего: 1) возбуждение, 2) угнетение и 3) терминальную стадию. Эти три стадии наблюдаются, однако, не у каждого и не всегда в указанной последовательности, и при этом полный распад личности наблюдался им лишь у меньшинства обследованных.

Эти же стадии в развитии психики голодающего отмечает и другой наблюдатель, д-р *Л. М. Василевский*, наблюдавший сначала развитие особой деятельности в поисках работы и пищи («стимулирующее влияние голода»), а затем, наоборот, ослабление этой суетливой деятельности и наступление полной апатии и безразличия. Впрочем, некоторые черты возбуждения замечаются даже при третьей стадии. Знакомя нас с психологией голдающего, д-р *Франк* отмечает уже в ранних ступенях голодания потерю устойчивости внимания и нарушение последовательности мышления, когда для голодающего становится трудным сохранить нить разговора. В более поздних стадиях обнаруживается расстройство ассоциаций. Восприятия слуховые, зрительные и другие бывают нередко понижены. Боли в области желудка распространяются на живот, грудь и спину и достигают громадной силы. В первую стадию, при трудности концентрирования внимания на одном предмете, стимулирующее влияние голода приводит к стремлению менять место, к странствованию. Сон в этом состоянии нарушен, часты сновидения фантастического характера.

При развитии состояния угнетения, направление внимания на внутренние переживания в связи с голодом делают мышление однообразным, но с неожиданными перескакиваниями с одной темы на другую. Восприятие впечатлений все более замедляется, способность понимания все более затрудняется. Память, сохраняющаяся у одних до последних дней жизни, у других резко падает. Процесс мышления совершается все с большим и большим напряжением. При ощущении пустоты в голове голодающий говорит, что он ни о чем не думает. Ассоциации уже крайне ограниченны. Настроения, если они не связаны с болезненными процессами внутри, принимают характер полного безразличия. Выразительные движения почти прекращаются, мимика отсутствует, лицо принимает окаменелое выражение и не оживляется даже при предложении пиши, и сильнейшие боли переносятся молча или с легким стоном и плачем. «Анэстезия чувств гораздо раньше и в большей мере касается высших чувств. Исчезает брезгливость, в пищу употребляются тошнотворные вещи, не вызывая отвращения. Индифферентное отношение к собственному положению уничтожает сочувствие к страданиям других, исчезает связь между близкими и родными, родители и дети отдельно друг от друга выходят на

поиски пищи, не обнаруживая интереса, добыли ли другие себе какое-нибудь питание; и не выражая огорчения, когда те или другие пропадают (231 стр.). Развивающаяся физическая слабость приводит к постоянному лежанию; бывает даже, что, упав, остаются лежать, так как не могут напрячь волю, чтобы подняться. Много спят. Сновидения большею частью на тему о пище.

В последней стадии, «терминальной», длящейся от нескольких часов до нескольких дней (и всегда кончающейся смертью), сознание глубоко затемнено. Голодный находится в состоянии спячки, лежа без движения или производя слабые движения руками, ногами и туловищем, иногда мечутся по постели, кричат, просят хлеба, но не берут его, когда его дают или даже вкладывают в руки, а если и берут, то, поднося ко рту, не делают жевательных и глотательных движений и часто умирают с кусочком хлеба во рту (233 стр.).

Обращаясь специально к характеристике случаев преступности, д-р *Франк* отмечает особую жестокость, недостаточную мотивированность и часто бесцельность преступных деяний. К сожалению, автор не приводит случаев бесцельных или мало мотивированных преступлений, сосредоточивая все свое внимание на случаях чрезмерной жестокости. Относя сюда поражающие по своей беспримерной чудовищности случаи самосудов за мелкие кражи, автор подробно знакомит читателя с людоедством и трупоедством. Видя причины распространения этих явлений не только в самом голоде, но и во всей предшествующей русской истории, автор, однако, особенно подчеркивает, как голод сдавил душевные движения в рамки узкой эгоцентрической плоскости и не оставил в душе места для ощущения страдания другого. «Смерть, потерявшая свой ужас, потеряла и свою святость. Я видел людей, у которых смерть похищала товарища, когда они ели; они спокойно продолжали еду, да еще отталкивали труп ногою. Мне известны факты, когда люди из более культурных слоев общества бросали своих умирающих детей на произвол судьбы и сами уходили по своим делам, когда люди из тех же слоев общества выкидывали трупы умерших близких и родных на улицу и не заботились больше о судьбе их» (стр. 240). Отсюда уже недалеко до мысли использовать этот труп в целях собственного существования. Психологичеєки еще легче использовать для этих же целей труп постороннего человека». Что касается психологии убийств с целью людоедства, то д-р *Франк* различает здесь две группы случаев. В первую группу входят лишь немногие случаи, когда убийцы-людоеды с их пораженною голодом психикою пришли к своему преступлению путем рассуждения: так как смерть того или другого члена семьи от голода неизбежна, то, по мнению этих голодных, убийство его не вносит изменений в их судьбу. Во вторую группу входит большинство случаев, где на-лицо не логика, не основанная мысль, а импульсивный акт.

Мы ограничиваемся передачею этих выводов цитированного нами автора. Так как через наши руки совсем не проходило живого материала, и прошло слишком мало следственных или уголовно-розыскных дел по обвинению в людоедстве и трупоедстве, то, к сожалению, мы лишены возможности сделать собственные выводы о психологии убийц и трупоедов вследствие голода. Но нам кажется, что появившиеся в печати сообщения о трупоедстве и людоедстве, с одной стороны, и некоторые известные нам дела, с другой стороны, позволяют думать, что часть людоедов, прежде чем сделаться таковыми, становилась трупоедами: иногда (мы не знаем, насколько часто) человек, прежде чем решиться на убийство для

людоедства, решался на трупоедство. Для характеристики этих случаев мы считаем полезным привести в виде иллюстрации сведения из одного дела уголовного розыска г. Уральска, воспроизводя здесь дословное показание одного из обвиняемых.

Сущность дела сводится к следующему. В феврале 1922 г. распоряжением народного следователя были выпущены на свободу находившиеся под стражею по обвинению в краже: крестьянин 25 лет, крестьянки 19 лет и 13 лет. Они пришли домой голодные, а дома ничего съестного не оказалось. По дороге к дому на улице валялся труп умершего человека. Тогда обвиняемый Б. сделал предложение остальным членам семьи употребить труп в пищу. Это предложение было принято. Обвиняемый показал: «Я поутру пошел, отрубил две ноги от мужчины, принес домой: валенки сняли, а мясо начали варить да есть. Когда мы съели эти ноги, я начал говорить У—ой: пойдем на кладбище за покойниками. Принесли оттуда четыре ноги и одну руку, которые мы и съели. Я, моя сестренка и мать Н—ой пошли вторично на кладбище и на углу Самаркандского проспекта увидели лежащую живую женщину. Мы ее взяли и повели к себе (по показанию 13-летней девочки, привезли на санках), положили на пол. Я ее ударил сердечником по голове и с одного удара убил. Я ее разрубил на куски, которые вынес в сени. Когда мясо съели, моя сестренка пошла в столовую и увидала покойницу на улице. Мы взяли салазки и привезли мертвую женщину. Когда мы ее съели, мы стали говорить с моей матерью и У—ой: давай убьем Акулину Н., которая жила вместе с нами. Мы трое согласились убить ее. Когда пришла Акулина, моя мать лежала на печке, а У—а вышла в сени. В это время я ударил ее по голове сердечником. Она упала. Пришла У—а; стали раздевать. Тогда я разрезал живот и разрубил на мелкие куски и вынес в сени. Ели ее три дня». В дальнейшем обвиняемый приблизительно в таких же выражениях описывал убийство еще одной женщины, но отрицал убийство мужчины и двух мальчиков, о чем дала показание его сестра 13 лет.

Таким образом, в данном случае первая мысль об употреблении в пищу человеческого мяса приходит при случайном виде трупа на улице. После употребления в пищу этого трупа является мысль о похищении трупов с кладбища. План приводится в исполнение. После этого является мысль об употреблении в пищу лежащей на улице умирающей женщины. Совершается первое убийство с целью людоедства. После этого совершается убийство женщины, жившей в том же доме. Наконец, после этого переходят к заманиванию намеченных жертв к себе на квартиру. Здесь каждый новый акт свидетельствует о возрастающей «преступной решимости». Интересно, что д-р *Франк* констатирует факт прохождения некоторыми торговцами человеческим мясом через стадию людоедства. (Большинство из этих торговцев оказались дегенеративными типами, а некоторые профессиональными преступниками).

В заключение этой части нашей работы отметим, что в то время, когда д-р *Франк* на основании обследованных им случаев людоедства констатировал наибольшее участие женщин, мы, подсчитав отдельные случаи, сообщенные д-ром *Василевским*, нашли среди трупоедов — 15 муж. и 14 жен., а среди людоедов 10 муж. и 9 жен. По словам д-ра *Франка*, во всех обследованным им случаях убийством и поеданием собственных детей занимались только женщины, мужчины-людоеды питались мясом исключительно посторонних лиц (стр. 242). Но из фактов, сообщаемых д-ром *Василевским*, видно, что ели своих детей не только матери, но и отцы, братья ели сестер, сестры — сестер, сын — отца и проч. и проч. Но, во вся-

ком случае, процент женщин-людоедок и трупоедок оказался очень высоким — 48%. Чтобы уяснить всю высоту этого числа, напомним итоги

Группа торговцев человеческим мясом.

разработки уголовной статистики РСФСР за 1922 г. по 49 губерниям: среди всех осужденных женщины составили 12,7%, а среди убийц — 16,5%.

Тайное винокурение

В ежемесячных ведомостях местных уголовных розысков имеется особая графа о случаях тайного винокурения. Нам казалось, что рассмотрение этих цифровых данных в пределах голодавшего и неголодавшего района может представить некоторый интерес. Уже заранее мы думали, что должны встретиться здесь с явлением, совершенно обратным тому, с которым встречались при рассмотрении других преступлений, когда видели их максимум в голодавших губерниях за первые месяцы 1922 г. и минимум за последние. В самом деле, пока безраздельно царил голод, все мысли страдавшего от него населения должны были направляться на поиски пищи, а не «пития», несмотря на тысячелетнюю истину: «веселие Руси есть пити». Там, где свирепствовал голодный тиф, было не до веселья. При этом для тайного винокурения совсем не было соответствующих продуктов. Они появились лишь после сбора урожая картофеля и зерна. Только в последние месяцы 1922 г., можно было ожидать роста тайного винокурения. Так и случилось в действительности. Ввиду этого помесячное распределение тайного винокурения не имеет для нас особого значения и мы ограничиваемся использованием четвертных итогов ведомостей местных уголовных розысков и сводною таблицею Центрального Уголовного розыска. Из числа голодавших губерний четвертные сведения были представлены в отчетах 12 губерний и областей: Екатеринбургская, Уфимская, Саратовская, Вятская, Ставропольская, Ульяновская, Астраханская, Самарская, Царицынская, Донская, Терская, Челябинская.

Тайное винокурение по четвертям 1922 г.

	I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.
Неголодавшие губ. . .	6.522	5.810	3.492	7.794
Голодавшие » . .	867	720	795	2.578
Неголодавшие » . .	100,0	89,1	60,2	119,5
Голодавшие » . .	100,0	83,0	81,3	297,3

Из этой таблицы видно, что в районе неголодавших губерний тайное винокурение возросло в последнюю четверть сравнительно с первою всего на 19%, а в голодавших губерниях оно возросло почти на 200%.

Очевидно, изголодавшееся население вознаграждало себя тем усиленнее за воздержание от потребления алкогольных напитков, чем это воздержание было продолжительнее и полнее. Спаиваемое в продолжение нескольких столетий население, экономичски необеспеченное, перебрасываемое из рук винных откупщиков в объятия так называемой свободной конкуренции и из этих объятий в лапы правительственной довоенной монополии, было не только воспитано на алкоголе, но и пропитано им. Нам не приходится в этой работе повторять азбучные истины о тех экономических факторах алкоголизма, которые сводятся к экономической необеспеченности населения, тяжелым и негигиеничным условиям труда, отсутствию здоровых развлечений и т. п. Поэтому тайное винокурение, быстро развившееся в России вслед за прекращением продажи спиртных напитков, приостановленное в тяжелую годину голода, непременно должно было же при первой возможности воскреснуть к новой жизни. Такою первою возможностью явился первый же урожай, и самогон воскрес. Обнищавшее население, ощущавшее нужду в самом необходимом, физически ослабленное, именно поэтому и обратилось к усиленному тайному винокурению: алкоголь обманчиво усиливал энергию, нес веселье одним, заработок другим. Автор статьи о тайном винокурении в РСФСР, имевший в своем распоряжении сведения более чем о 130.000 делах относительно тайного винокурения, отмечает, что в сельских местностях этим ремеслом занимаются преимущественно малоимущие крестьяне, особенно женщины [1]. Но этот же факт ярко выявился при тщательном и подробном изучении материалов статистического обследования в г. Москве в апреле и в мае 1923 г. населения арестных домов и в частности содержащихся там за самогонку.

В заключение этого рассмотрения сведений о тайном винокурении мы отмечаем, что усилившееся за последнюю четверть года почти в три раза винокурение не вызвало того увеличения числа убийств, которое нередко связывается с потреблением алкоголя. Это дает основания предполагать, ято усилившийся самогон не приводил, однако, к пьянству или к тому состоянию, когда «пьяному — море по колено». Возможно, что водку гнали не для повседневного и чрезмерного употребления, а для семейных торжеств, для участившихся свадеб и для «надлежащей» встречи рождественских праздников. Может быть, наши предположения и ошибочны, но во всяком случае повторяем: увеличение винокурения не вызвало увеличения убийств.

[1] В. Халфин, Тайное винокурение и борьба с ним, статья в журн. «Рабоче-Крестьянская Милиция», 1923 г., № 11, стр. 36.

Взяточничество

Преступление «взяточничество», наиболее распространенное из должностных преступлений, было рассмотрено нами в тех же самых географических пределах, как и тайное винокурение. Распределение этого преступления по четвертям года оказалось похожим на распределение винокурения.

Взяточничество по четвертям 1922 года.

	I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.
Голодавшие губ. .	278 или 100%	250 или 89,9%	253 или 91,08%	348 или 125,2%
Неголодавш. » .	588 » 100%	728 » 123,8%	726 » 123, 5%	806 » 137,1%

Из этой таблицы мы видим, что в неголодавших губерниях взяточничество за вторую и третью четверти сравнительно с первою уменьшилось, а в неголодавших возросло. Указываемое нами уменьшение произошло всего на 10% и при незначительных абсолютных величинах может быть оставлено без объяснения. Увеличение же взяточничества в неголодавших губерниях было более значительно — на 23%. Это дает основания предполагать, что голод как будто задержал распространение взяточничества, и только сбор урожая 1922 г. открыл снова возможность «брать» и давать взятки. Наши итоги в данном случае не совпадают с выводом автора нижепомещенной статьи (*Д. П. Родина*), который констатирует обратное соотношение должностных преступлений с урожайностью.

Такое несовпадение может быть объясняемо двояко. Во-первых, в 1921-1924 г.г. неурожайность достигла степени такого голода, при котором, как мы указывали, нечего было брать и нечего было давать. Во-вторых, *Д. П. Родин* оперирует со всеми должностными преступлениями, а мы лишь со взяточничеством. Возможно, что другие служебные преступления (присвоение казенного имущества, растрата его, подлоги, превышение власти, бездействие власти и пр.) определили движение должностных преступлений, затемнив иное движение взяточничества. Мы считаем более правильным наше первое предположение, тем более, что, по данным уголовного розыска, «все остальные, кроме взяточничества, должностные преступления распределялись в голодавших губерниях несколько иначе, нежели это последнее» (а именно: в первую четверть 1.004, во вторую — 1.130, в третью — 793 и в четвертую — 940).

Пол и возраст обвиняемых

Сведения о поле и возрасте обвиняемых даются лишь в ведомостях уголовного розыска и притом лишь относительно задержанных преступников без разделения их по преступлениям. Абсолютные числа задержанных по всей республике весьма велики и превышают 240.000 человек. Сравнительная точность этих сведений о поле задержанных подтверждается большою близостью процента задержанных женщин к проценту осужденных женщин, выясненному таблицами Центрального Стат. Упра-

вления (мы уже указывали выше, что женщины составили среди осужденных 12,7%).

Нас интересуют два вопроса: 1) каков был процент задержанных женщин в общей массе задержанных по четвертям 1922 г. в голодавших и неголодавших губерниях, и 2) как менялось общее количество задержанных мужчин и женщин в голодавшем и неголодавшем районах.

Процент и количество задержанных в 1922 г.

	Проценты				Количество			
	I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.	I ч.	II ч.	III ч.	IV ч.
В голодав. губ.								
Мужчин	84,7	84,2	83,2	82,3	100	87	59	54
Женщин	15,3	15,8	16,8	17,7	100	90	66	64
В неголодав. губ.								
Мужчин	85,7	85,0	82,1	82,3	100	109	88	92
Женщин	14,3	15,0	17,9	17,7	100	115	114	118

Обращаясь к рассмотрению процентов мужской и женской преступности в голодавшем и неголодавшем районах, мы видим, что они не испытывали резких изменений ни в том, ни в другом районе. Но в голодавших губерниях процент задержанных женщин был за первые две четверти несколько выше, чем в неголодавших, несколько ниже в третью и совершенно один и тот же в четвертую четверть в обоих районах. Можно признать, что половой состав задержанных, изменившись во время голода очень незначительно в сторону увеличения процента женской преступности, был довольно постоянным и одинаковым повсюду. Но мы еще не располагаем материалами, которые показали бы нам, каково было участие женщин в совершении различных преступлений в голодавших и неголодавших губерниях (мы уже видели, что имеются указания на повышенное участие женщин в убийстве с целью людоедства).

Иная картина получается при рассмотрении количества задержанных мужчин и женщин (для удобства мы приняли абсолютные числа в первую четверть за *сто*. Здесь можно сделать несколько выводов: 1) число задержанных мужчин и женщин в голодавших губерниях падает, 2) число задержанных женщин в неголодавших губерниях возрастает, а число задержанных мужчин испытывает различные колебания, 3) в голодавших губерниях число задержанных мужчин уменьшалось с каждою четвертью сильнее, чем число арестованных женщин или, другими словами, — женщина освобождалась из-под влияния голода медленнее, с большим трудом, чем мужчина. Интересно, что к такому же выводу привело *Д. П. Родина* его рассмотрение женской преступности в связи

с урожайностью за длинный ряд лет. Что же касается возрастания числа задержанных женщин в неголодавших губерниях, то мы могли бы указать причины этого лишь при ознакомлении с числами задержанных обоего пола по различным преступлениям, но мы этих цифр не знаем. Однако, мы предполагаем, что здесь не без влияния осталась усиленная борьба с самогонкою, процент участия в которой женщин весьма велик (он достиг 65,8% всего числа осужденных за это преступление в 1922 г.).

Никаких точных указаний о возрасте задержанных по обвинению в преступлениях в ведомостях уголовных розысков не имеется. Мы находим в них лишь одну графу «о числе задержанных подростков». По указанным выше десяти голодавшим губерниям эти цифры не велики и не достигают за весь 1922 г. 4.000 человек. Но число их по всей РСФСР превышает 25.000 чел. Введение Уголовного Кодекса в июне 1922 г. с установлением более низких возрастных границ уголовной ответственности малолетних, конечно, должно было оказать влияние на уменьшение числа задержанных органами уголовного розыска подростков, но оно должно было оказать его повсеместно. Между тем уменьшение абсолютных чисел задержанных подростков и падение их процента по отношению к общему числу задержанных совершалось по четвертям 1922 г. неравномерно, в обоих сравниваемых нами районах.

Число и процент задержанных подростков в 1922 г.

(цифры первой четверти приняты за сто)

	I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.
Голодавший район . .	100 — 10,6%	85,2 — 10,4%	46,1 — 8,2%	37,9 — 7,3%
Неголодавший » . .	100 — 11,5%	89,9 — 9,5%	76,3 — 9,6%	82,1 — 7,9%

Из этой таблицы мы видим, что в десяти голодавших губерниях число и процент задержанных подростков уменьшались с каждою четвертью, и при этом абсолютные числа понизились весьма значительно. В неголодавшем же районе это уменьшение было менее значительно и происходило с колебаниями. Другими словами, абсолютные цифры задержанных в голодавших губерниях подростков за три самых голодных месяца 1922 г. особенно велики. Но процент их в этих губерниях даже в январе—марте менее высок, чем в неголодавших губерниях. Мы ищем объяснения этому, с одной стороны, в концентрировании малолетних правонарушителей в столицах, а с другой, может быть, в более снисходительном отношении к голодавшим подросткам именно потому, что они голодали. Во всяком случае, в литературе было отмечено, что в голодавших губерниях преступность подростков достигала максимума в голодный 1921 г., а в прочих губерниях она большею частью постоянно повышалась. Мы воспроизводим здесь таблицу о возрастании числа задержанных в голодавших губерниях (абсолютные числа за 1920 год приняты за сто.

Преступность подростков в голодавших губерниях в 1920—1922 г.г. [1]

	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Уфимская	100	118	95
Ульяновская	100	106	65
Саратовская	100	173	139
Самарская	100	177	166
Екатеринбургская . . .	100	178	174
Царицынская.	100	220	554
Омская.	100	264	235
Астраханская.	100	407	347
По всем этим губ. . . .	100	181	126

Но материалы уголовного розыска не могут быть признаны удовлетворительными для изучения преступности несовершеннолетних. Они не дают сведений об отдельных преступлениях и относятся лишь к небольшой части юных правонарушителей, подвергнутых задержанию. Между тем, очень большая часть детей-правонарушителей проходит через комиссии о несовершеннолетних, а другая часть хотя и привлекается к судебной ответственности, но не подвергается предварительному задержанию. К сожалению, в печати еще не появились результаты общей обработки материалов статистики осужденных. Были опубликованы лишь отрывочные сведения, но в них указывалось на громадное влияние голода на преступность несовершеннолетних. Так, в отчете Уфимского Губерн. Соцвоса мы читаем: «Страшная волна детских правонарушений и беспризорности захлеснула аппарат правовой защиты несовершеннолетних. С июня по декабрь 1921 г. через Уфимскую комиссию по делам о несовершеннолетних прошло 1.374 несовершеннолетних правонарушителя. Усилившийся рост правонарушений, главным образом краж, находится в тесной связи с ростом цен на хлеб. Констатируя повышение цены черного хлеба с февраля по июнь 1921 г. на 1.204%, отчет связывает преступность несовершеннолетних с этим ростом, говоря, что коэффициент детских правонарушений очень высок в этой губернии и рос непрерывно с июня весь год [2]. *В. И. Куфаев*, работавший в стат. секции отдела социально-правовой охраны детства, приводит и другие сведения о прямой зависимости детских правонарушений от хлебных цен 1921—1922 г.г. Опубликование материалов уголовной статистики и комиссий несовершеннолетних даст возможность углубиться в изучение влияния голода на правонарушения несовершеннолетних, а пока приходится самым настоятельным образом ощущать нужду в этих материалах. Но нужда ощущалась при настоящей работе и во многом другом: вместо того, чтобы брать, как это делается обыкновенно, готовые к обработке материалы, нам приходилось затрачивать очень большие усилия на отыскание этих материалов, на оценку их качества и на возможность их использования. Но нам кажется, что если наше исследование вместо прямой и гладкой дороги шло извилистыми и окольными путями, оно все же привело нас к верным и твердым выводам, которые мы сделали в нашем предшествующем изложении.

[1] Преступность несовершеннолетних, «Власть советов», май 1923 г., стр. 164

[2] В. И. Куфаев, Правонарушения и беспризорность несовершеннолетних в России, «Право и Жизнь», 1922 г., июль, № 1.

В. Н. Куфаев

Преступность и урожай в Ульяновской губернии с 1892 по 1913 год

Ульяновская губерния по уровню развития преступности не может быть поставлена наряду с такими губерниями, как, напр., Московская. Средне-ежегодное количество осужденных в Ульяновской губернии было сравнительно невелико и выражется числом 518 по окружному суду и 788 по мировым судам, при чем на протяжении 23-летнего периода (с 1892 по 1913 г.) в движение преступности в Ульяновской губ. обнаруживается тенденция к ее понижению. Такого понижения мы не наблюдаем, напр., в Московской губ., где преступность в 1913 г. против 1890 г. повысилась более чем на 60,0%. Было бы неправильно объяснять такие колебания в динамике преступности влиянием изменений в движении населения. Надо полагать, что эти колебания происходили под влиянием целого ряда социально-экономических условий и, в частности, под влиянием урожаев. В России, стране по преимуществу земледельческой, урожаи представляются одним из наиболее могучих факторов общественной жизни. Преступность, как явление социальное, также при наличии определенных условий зависит в своем развитии от урожаев, но для того, чтобы неурожай, как явление-раздражитель, вызвал со стороны отдельных членов общества реакцию в форме конфликтов с законами (чаще всего в форме краж), для этого необходимо, чтобы неурожай затронул и видоизменил их социально-экономическое положение в обществе. Так, напр., бывает при неурожае, когда сокращается промышленное производство, наступает безработица, и лица, вытолкнутые из процесса производства, очень часто для поддержания своего существования, при обремененности семьей, при отсутствии квалификации в труде и вследствие ряда других неблагоприятных условий, вынуждены нарушить право частной или государственной собственности.

Ввиду того, что преступление является следствием сложной структуры экономики, и так как влияние урожаев на преступность значительно легче подметить в ее массовом масштабе, мы будем оперировать с большими числами, не индивидуализируя каждое преступление.

Для суждения о развитии преступности в Ульяновской губ. воспользуемся статистическими данными о лицах, впервые и повторно осужденных окружным и мировыми судами за период с 1892 по 1913 год. В нашем исследовании в некоторых случаях мы рассматриваем преступления, подсудные окружным судам, отдельно от преступлений, подсудных мировым судам. Разница в подсудности сводится к характеру преступ-

лений: окружным судам были подсудны более тяжкие преступления, мировым судам — наоборот.

Представление о погодном движении общего числа осужденных мужчин и женщин в окружных судах дает следующая табличка:

Годы	Общее число осужденных в судах мужчин			Урожай	Общее число осужденных в судах, женщин		
	Окружн.	Миров.	Всего		Окружн.	Миров.	Всего
1891	706	1.166	1.872	— 58,1	82	164	246
1892	697	1.307	2.004	— 24,6	70	225	295
1893	692	1.069	1.761	+ 27,2	70	195	265
1894	560	730	1.290	+ 9,6	51	118	169
1895	347	670	1.017	— 2,2	64	115	179
1896	362	637	999	+ 30,4	39	121	160
1897	350	618	968	— 13,2	54	97	151
1898	370	642	1.012	— 55,4	49	109	158
1899	403	746	1.149	+ 64,7	47	99	146
1900	350	571	921	+ 19,8	52	74	126
1901	338	536	874	— 37,1	41	104	145
1902	347	552	899	+ 15,8	54	144	198
1903	371	618	989	+ 6,0	36	206	242
1904	348	575	823	+ 62,9	32	121	153
1905	319	490	809	— 33,0	45	95	140
1906	557	452	1.000	— 74,3	27	76	103
1907	910	523	1.433	+ 2,7	36	72	108
1908	828	836	1.664	— 9,8	32	119	151
1909	523	807	1.330	+ 49,4	35	122	157
1910	446	690	1.136	+ 3,7...	32	122	154
1911	512	621	1.133	— 57,7	32	126	158
1912	420	546	966	+ 14,5	25	82	107
1913	380	728	1.108	+ 28,4	31	126	157
Итого . . .	11.136	16.130	27.266	—	1.036	2.832	3.868

В приведенных данных обращает внимание то, что среди населения Ульяновской губернии преобладала преступность более легкая. Преобладание легкой преступности над тяжелой наблюдается как среди женщин, так и среди мужчин. В движении преступности Ульяновской губернии мы наблюдаем, что в течение исследуемого периода наивысшего предела преступность достигает в 1892 г. Так, всего впервые осужденных мужчин в окружных и мировых судах было в 1891 г. — 1.872, в 1892 г. — 2.004; женщин: в 1891 г. — 246, в 1892 г. — 295, что составляет повышение в 1892 году для мужчин на 6,5%, а для женщин на 19,9%. Сравнительно повышаются в 1892 г. против 1891 г. и повторные преступления среди лиц обоего пола. При рассмотрении же колебаний в движении числа осужденных по отдельным годам в окружных и мировых судах наблюдается, что эти колебания в назв. судах неодинаковы. В то время как

число мужских преступлений, подсудных окружным судам, в 1911 году увеличилось против 1910 г., в мировых судах, наоборот, уменьшилось. Такая разница в колебаниях отмечается и в развитии женской преступности. Но совпадение колебаний в движении чисел осужденных окружными и мировыми судами едва ли может быть объяснено изменением сфер подсудности. Издание законодательных актов, как то манифестов о помиловании и т. д., повлиявших на число осужденных, было в двух или трех годах. В основе всех наблюдаемых изменений в развитии преступности бесспорно кроется влияние явлений социального порядка, в частности урожаев. Отмеченные выше резкие повышения уровня преступности в начале 90-х годов совпадают с неурожаем в те же годы.

Но детальное освещение вопроса о причинах указанных изменений мы оставляем под конец, так как общие числа осужденных, позволяющие нам установить, с одной стороны, уровень и направление преступности, и, с другой — темп ее движения, однако не дадут возможности в тех случаях, когда общая сумма преступлений слагается из разнородных преступлений, познать сущность этих слагаемых затем, чтобы найти зависимость этих преступлений от общественных явлений. Поэтому в ближайшем изложении мы коснемся лишь относительного развития среди населения Ульяновской губернии отдельных видов преступлений.

В отношении развития отдельных родов преступления Ульяновская губ., по сравнению с другими губерниями России, не представляет исключения. Среди населения данной губернии осужденные за имущественные преступления составляют большинство. Что же касается интенсивности развития отдельных видов преступлений, то кражи были господствующими. Напр., в 1892 г. в мировых судах осужденные за кражи составляли 83%, а в окружных — 46,9%. Преобладание краж наблюдается и по сравнению с другими видами преступлений в отношении общего числа осужденных в другие годы. Показателем большей или меньшей степени относительного развития отдельных видов преступлений в Ульяновской губ. могут служить сведения о распределении осужденных по различным видам преступлений в окружных и мировых судах. Каждые сто мужчин, осужденные окружным судом, по видам преступлений распределялись таким образом (см. табл. на стр. 136).

Наиболее высокий уровень краж был в 1892 году, в остальные годы относительные их величины изменяются. В приведенной таблице характерно и то, что в развитии преступлений имущественных и преступлений против личности наблюдается понижение их уровня в соответствии с таким же движением уровня краж. Исключения составляют разбои и грабежи, государственные преступления и телесные повреждения. Такие изменения, как это мы увидим ниже, находятся в зависимости от объективных условий.

Чтобы полнее представить преступность Ульяновской губернии в ее различных формах, познакомимся и с данными о числе осужденных за различные виды преступлений в мировых судах (см. табл. на стр. 137).

Влияние общественных явлений на жизнь населения не может рассматриваться изолированно от целого ряда других условий. Одним из таких условий является возраст. Возрастной период, являющийся критерием или уровнем определенного психо-физического развития человека, как известно, не может быть фактором таких действий, как преступление. Можно говорить лишь о том, что возраст при известной социальной конъюнктуре представляет собою подходящую почву для проявления таких реакций, как преступные деяния. Поэтому интересно проследить, какие

Распределение мужчин, осужденных окружным судом по видам преступлений.

Название преступлений	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Кражи	46,9	39,3	35,5	41,5	46,1	33,4	24,1	32,0	28,0	30,5	35,4	30,2	33,9	34,8	17,6	16,2	23,9	37,1	28,0	27,0	36,0	30,3
Разбои и грабежи . .	4,9	4,0	3,4	3,5	3,9	2,3	1,6	2,2	4,6	1,8	4,6	2,2	4,3	4,1	1,8	2,5	4,6	4,0	4,0	4,3	1,9	5,0
Мошенничества . . .	3,7	0,3	1,2	0,6	1,1	0,6	0,8	0	0,9	1,2	0,6	0,8	0,3	1,3	0	0	0,1	0	0,4	0,2	0	1,1
Конокрадство	3,7	4,9	3,0	0,6	0,8	1,1	0,8	0,7	2,0	2,1	2,9	3,0	2,6	3,1	1,4	1,4	2,2	3,8	12,6	16,8	13,1	10,0
Поджоги	3,0	0,3	0,5	1,2	0,6	0	1,9	0,2	0,3	0,3	1,4	0	0,6	0,6	1,3	0,8	1,5	3,4	3,4	2,0	1,7	3,4
Предумышл. убийства.	3,7	2,2	2,6	1,2	1,7	0,9	0	1,2	1,4	1,2	2,3	1,9	2,0	0,6	0,9	1,9	1,3	2,5	2,0	0,8	3,3	1,8
Убийства в драке . .	3,4	2,5	3,2	2,6	3,0	1,7	4,9	2,7	3,7	2,3	4,0	3,5	1,7	3,4	0,9	1,1	2,9	2,5	8,5	4,9	2,1	4,7
Смерт. повреждения .	3,4	1,7	2,5	4,0	6,1	5,7	4,1	5,0	4,0	3,8	2,6	3,5	5,5	5,6	5,4	2,6	2,2	7,3	5,2	5,3	2,9	5,5
Растление и изнасилование	3,0	0,7	0,4	0,6	0,8	1,1	2,4	2,5	1,1	1,8	0,9	1,1	2,3	0,3	0,4	0,5	0,6	1,3	2,2	1,0	1,7	0,5
Государственные преступления	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,7	4,2	2,2	2,3	4,5	0,3
Восстания и сопротивления властям . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	51,5	55,1	39,9	—	—	—	—	—

Мировыми судами из мужчин были осуждены за

Виды преступлений	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902
Кражи	1.095	775	503	499	425	459	448	559	433	370	356
Конокрадство	57	57	32	44	29	19	14	37	14	19	12
Порубка леса	36	48	60	49	51	45	60	59	38	57	68
Общее число осужденных	1.307	1.069	730	670	637	618	642	746	571	536	552

Мировыми судами из мужчин были осуждены за

Виды преступлений	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Кражи	385	334	353	279	354	680	612	506	490	439	584
Конокрадство	19	11	18	7	5	25	22	—	—	—	—
Порубка леса	55	47	41	59	68	45	51	48	—	28	22
Общее число осужденных.	618	515	490	452	523	836	807	690	621	546	728

ГОДЫ	Название судов	Осужденные мужчины						Осужденные женщины					
		Абсолютные числа			Проценты			Абсолютные числа			Проценты		
		Впервые	Рецид.	Всего	Впервые	Рецид.	Всего	Впервые	Рецид.	Всего	Впервые	Рецид.	Всего
1890 — 1895	окружные . .	3.536	1.024	4.560	77,5	22,5	100	400	43	443	90,3	9,7	100
	мировые . . .	6.161	1.200	7.361	83,7	16,3	100	1.008	120	1.128	89,4	10,6	100
1896 — 1901	окружные . .	2.173	588	2.761	78,7	21,3	100	282	34	316	89,2	10,8	100
	мировые . . .	3.750	628	4.378	85,7	14,3	100	604	84	688	87,8	12,2	100
1902 — 1907	окружные . .	2.852	545	3.397	84,0	16,0	100	229	37	266	86,1	13,9	100
	мировые . . .	3.150	485	3.635	86,7	13,3	100	714	47	761	93,8	6,2	100
1908 — 1913	окружные . .	3.109	726	3.835	81,1	18,9	100	187	27	214	87,4	12,6	100
	мировые . . .	4.228	634	4.862	87,0	13,0	100	697	82	779	89,5	10,5	100
Итого	окружные . .	11.670	2.883	14.553	80,2	19,8	100	1.098	141	1.239	88,6	11,4	100
	мировые . . .	17.289	2.947	20.236	85,4	14,6	100	3.023	333	3.356	90,1	9,9	100
Итого по всем судам . .		28.959	5.830	34.789	83,2	16,8	100	4.121	474	4.595	89,7	10,3	100

возрастные категории населения оказались наиболее подверженными отрицательному влиянию неурожаев. При знакомстве с возрастным составом лиц, осужденных за преступления на протяжении всего исследуемого периода, можно констатировать, что в массе преступников в Ульяновской губ. преобладают мужчины в возрасте от 21 до 30 лет и только в некоторые годы в возрасте 30—40 лет. При этом среди женщин господствует возраст 21—30 лет. Большой процент указанных возрастных групп в преступности объясняется повышенным участием их в социальной жизни. Но степень интенсивности развития преступлений среди той или другой возрастной группы колеблется по годам. В большинстве годов исследуемого периода среди мужчин первое место по числу преступлений занимали лица в возрасте от 21 до 30 лет. Второе место занимали осужденные от 30 до 40 лет. Нужно заметить, что такая последовательность нарушается в годы неурожаев. В неурожайные годы лица в возрасте от 30 до 40 лет дают повышенное число преступлений по сравнению с лицами в возрасте от 21 до 30 лет. Это можно наблюдать, напр., в годы 1892, 1898, которые для Ульяновской губернии считаются неурожайными. Что касается лиц женского пола, то первенство по числу преступлений на протяжении всего периода остается за женщинами возрастной группы от 21 до 30 лет. Показателем влияния неурожаев на возрастное распределение преступников может служить также и то, что в неурожайные годы увеличивается преступность среди несовершеннолетних, как наименее социально приспособленных и наиболее слабых экономически. Относительные величины осужденных в возрасте до 21 года наиболее высоки были в годы 1892, 1897 и 1898, т.-е. годы низкого (отклонявшегося от нормы) урожая.

Все высказанное позволяет утверждать, что степень преступности того или иного возраста находится в зависимости от состояния урожая. Нельзя отрицать и того, что влияние урожаев на возрастной состав преступников может быть в известной степени парализовано влиянием таких событий, как война или революция.

Так, напр., с 1903 г. по 1905 г., когда население в возрасте от 21 года было призвано для русско-японской войны, относительное участие их в преступности понижается, но зато повышается участие несовершеннолетних в возрасте до 21 года и лиц в возрасте от 30 до 40 лет. Такие колебания произошли, несмотря на то, что урожай в 1903 и 1904 г. был выше нормы. Для подтверждения приводим статистические данные мировых судов:

Изменения возрастных групп преступников в связи с урожаями

Годы	Возраст в ‰				Урожай
	11 — 21	21 — 30	30 — 40	40 — 50	‰ уклонения урожая зерновых хлебов от нормы
1903	13,5	25,0	23,7	23,5	+ 6,0
1904	19,8	23,9	24,5	19,4	+ 62,9
1905	22,7	24,5	19,6	21,8	— 33,0

Знак плюс + означает повышение против нормы.
Знак минус — понижение против нормы.

Интенсивное повышение преступлений среди несовершеннолетних до 21 г. в 1905 г. обусловливалось не только тем, что несовершеннолетним пришлось по уходе отцов на войну втянуться в борьбу за существование, но и тем, что эта борьба за существование должна была ими вестись при сильно пониженном урожае зерновых хлебов. Эти соображения могут относиться к повышенной преступности и среди мужчин в возрасте от 40 до 50 лет, но с одной лишь оговоркой, что в 1905 году начались волнения, т.-е. развились политические «преступления», в которых чаще всего участвовали лица старших возрастов. Итак, уровень урожая может оказывать влияние на развитие преступлений среди населения старших возрастных групп. Влияние урожаев на развитие преступности обнаруживается и при знакомстве с социальным составом или экономическим поло-

Занятия, профессии осужденных и их положение

Годы	Сел.-хоз.		Рем. фабр. промышл.		Строит. производ.		Торговля из лавок и в разнос.		Торговля трактир.		Перевоз. трансп.	
	Хозяева-хлебопашцы	С.-хоз. наемн. рабочие	Хозяева	Рабочие	Хозяева	Рабочие	Хозяева	Рабочие	Хозяеел	Рабочие	Хозяева	Рабочие
1892 . .	61,2	2,1	1,5	7,0	1,0	2,3	0,9	2,2	0,1	0,0	0,3	0,6
1893 . .	62,7	1,6	1,4	6,0	0,6	2,7	1,1	4,2	0,2	0,3	0,2	0,7
1894 . .	59,0	2,1	1,9	7,5	1,0	2,2	1,6	3,2	0,3	0,8	0,2	0,5
1895 . .	56,4	1,7	2,0	7,5	1,0	2,8	1,6	3,5	0,0	0,3	0,2	0,7
1896 . .	56,0	1,5	2,3	8,0	0,8	2,3	1,0	2,9	0,2	0,5	0,1	0,6
1897 . .	58,7	3,2	2,0	7,9	0,8	2,6	0,9	3,6	0,2	0,6	0,5	0,6
1898 . .	55,6	3,5	1,8	8,2	0,7	3,3	0,8	3,7	0,2	0,3	0,3	0,8
1899 . .	55,3	3,3	1,7	7,4	0,9	3,3	0,7	3,8	0,1	0,2	0,3	0,8
1900 . .	57,2	1,9	1,8	8,3	0,5	3,3	0,4	2,3	0,0	0,7	0,3	1.4
1901 . .	51,6	2,2	1,5	8,7	0,7	3,2	0,9	4,3	0,0	1,2	0,6	1,4
1902 . .	54,6	13,4	0,3	8,4	0,0	3,5	1,1	3,3	0,0	0,5	0,0	1,8
1903 . .	53,5	11,7	0,3	8,8	0,2	5,0	0,7	3,2	0,0	0,3	0,2	1,5
1904 . .	55,1	9,7	0,3	9,8	0,2	4,1	2,4	1,5	0,1	0,0	0,3	1,5
1905 . .	52,6	7,9	1,7	8,1	1,1	4,2	1,9	2,2	0,0	0,5	0,1	1,1
1906 . .	61,9	11,5	1,6	5,5	0,6	3,8	0,6	1,7	0,0	0,1	0,0	0,8
1907 . .	55,7	14,0	1,2	5,8	0,1	4,4	1,2	1 9	0,0	0,3	0,1	1,8
1908 . .	49,2	20,7	1,7	5,7	0,9	3,1	1,3	1,8	0,0	0,2	0,1	0,9
1909 . .	41,5	16,8	2,3	6,9	0,9	3,4	2,0	1,7	0,1	0,8	0,9	0,9
1910 . .	43,1	18,7	2,4	9,1	1,2	3,1	2,7	3,5	0,5	0,5	0,2	1,9
1911 . .	43,2	19,0	2,6	8,5	1,4	4,3	2,5	2,3	0,2	0,4	0,3	1,5
1912 . .	43,3	18,7	3,0	8,3	0,9	2,3	3,7	2,4	0,0	0,3	1,3	0,8
1913 . .	33,3	26,8	1,8	9,4	0,8	3,9	3,8	3,3	0,0	0,1	0,1	1,1

Годы	Чернораб. поденщики	Либеральн. профессии	Личная прислуга	Неопредел. занятия	Без занят.	Неизвестно	Всего
1892	13,8	2,7	0,6	1,7	1,1	0,9	100,0
1893	11,4	2,9	0,7	0,9	0,6	1,8	100,0
1894	11,6	3,4	0,8	1,6	1,2	1,1	100,0
1895	14,3	3,5	0,9	1,1	2,1	0,4	100,0
1896	16,6	2,0	0,8	1,5	6,4	0,6	100,0
1897	13,3	1,0	1,9	1,3	0,9	0,0	100,0
1898	13,9	2,2	2,3	0,4	1,2	0,8	100,0
1899	17,1	1,6	1,7	0,9	0,9	0,0	100,0
1900	15,4	2,4	1,8	1,2	1,1	0,0	100,0
1901	19.2	2,0	1,0	0,8	0,7	0,0	100,0
1902	6,9	1,7	1,8	1,9	0,8	0,0	100,0
1903	8.2	2,6	1,2	1,9	0,7	0,0	100,0
1904	9,2	2,1	1,1	1,1	1,5	0,0	100,0
1905	12,9	2.0	1,5	0,7	1,5	0,0	100,0
1906	9,7	1,0	1,1	0,1	0,0	0,0	100,0
1907	6,2	3,2	1,5	0,6	1,9	0,1	100,0
1908	8,4	2,6	1,4	1,2	0,8	0,0	100,0
1909	12,8	3,7	2,0	2,7	0,4	0,2	100,0
1910	5,9	2,7	1,7	1,6	0,9	0,3	100,0
1911	7,2	3,1	1,6	1,7	0,2	0,0	100,0
1912	6,5	3,8	1,5	2,1	0,1	0,0	100,0
1913	8,9	2,7	0,6	3,2	0,1	0,0	100,0

жением осужденных. Занятия или профессия осужденных, а также положение их в данной профессии в значительной степени служат верным показателем их экономического положения. В самом деле, наблюдая среди осужденных, с одной стороны, поденщиков, чернорабочих, прислуг, рабочих сельского хозяйства и промышленных предприятий, а с другой стороны — разного рода хозяев, мы не допустим противоречия, если скажем, что их экономическое положение различно. При чем экономическое положение лиц первой категории сравнительно тяжелее, труднее и неблагоприятнее, чем таковое у лиц второй категории. Мы в начале работы отметили сельско-хозяйственный характер Ульяновской губернии, в связи с чем и главный контингент населения по социальному составу представляют крестьяне. Преобладание крестьян в общем населении имело, да и теперь имеет своим последствием то, что среди осужденных в Ульяновской губернии лица, занимающиеся сельским хозяйством, или просто крестьяне составляют громадное большинство. Естественно, что такие явления в экономической жизни страны, как недород или неурожай хлебов, не проходят безболезненно для лиц, занимающихся сельским хозяйством. Связанные с неурожаями ухудшения экономического положения кре-

стьян находили отражение в росте преступности, которая в годы неурожаев особенно интенсивно развивалась среди них. Подтверждением высказанного служат вышеприводимые статистические данные.

На основании статистических данных приведенной таблицы, кроме подтверждения указанных соображений, мы подчеркиваем интенсивный рост преступлений среди сельско-хозяйственных рабочих начиная с первых годов XX столетия. Повышение преступности среди сельско-хозяйственных рабочих находится в полном соответствии с начинавшимся в то время процессом образования в сельском хозяйстве двух противоположных экономических типов — пролетариата и сельской буржуазии. Чтобы не быть голословным в вопросе образования этих двух типов, как характерных признаков капитализма в сельском хозяйстве, приведем несколько замечаний из книги *В. И. Ленина* (том IX, Госиздат, 1923 г.): «Рост числа земледельческих наемных рабочих стоит в прямой связи с развитием капиталистического предпринимательства в земледелии» (стр. 663). В другом месте мы читаем: «На 20% зажиточных дворов приходится от 48 до 78% общего количества дворов с батраками» (стр. 660, там же). Немного ниже, на стр. 661 того же труда, мы находим указания на то, из кого вербуются сельские рабочие:

	Процент работников мужского пола, занятых земледельческими промысл.	
из лиц без рабочего скота	71,4	по Самарской губернии, Новоузенскому уезду
» » с 1 гол. рабоч. скота	48,7	
» » 2—3 » » »	20,4	
» » 4 » » »	8,5	
» » 5—10 » » »	5,0	
» » 10—20 » » »	3,9	
» » 20 и более »	2,0	

Таким образом, из каждых десяти безлошадных крестьян — 7 человек наемные рабочие, а из однолошадных — половина. Эти данные позволили *В. И. Ленину* притти к выводу, «что низшие группы крестьянства, в частности — однолошадные и безлошадные дворы, представляют по своему положению в общем строе народного хозяйства батраков и поденщиков (точнее: наемных рабочих) с наделом»[1]. Относительно количества наемных рабочих в Ульяновской губернии в нашем распоряжении сведений не имелось, но данные по смежным губерниям в значительной степени могут относиться и к Ульяновской губернии. Указания на рост количества отхожих сельско-хозяйственных рабочих мы находим у *Руднева*, по данным которого «по 148 уездам в 19 губ. приблизительное число сельско-хозяйственных рабочих определяется в $3^1/_2$ миллиона человек»[2]. В то время как в 80-х годах в это число $3^1/_2$ миллиона человек наемных рабочих входили помимо отхожих сельско-хозяйственных рабочих еще и местные сельско-хоз. рабочие. Можно было бы привести и еще целый ряд подобного рода данных, но и этих достаточно, чтобы притти к выводу об образовании в сельском хозяйстве значительного количества сельско-хозяйственных наемных рабочих, позволяющих рассматривать их как известную часть пролетариата.

Для увеличивающегося в крестьянской среде класса наемных рабочих с процессом капитализации сельского хозяйства, естественно, возник

[1] Том IX соч. В. И. Ленина, стр. 662.
[2] Там же, стр. 663.

и рынок труда с его неизбежными спутниками: конкуренцией спроса и предложения. Таким образом для сельско-хозяйственных рабочих, как части пролетариата, стали свойственны и все те социально-экономические условия, в которых проходит жизнь пролетариата. Но неизбежная для пролетариата конкуренция труда приобретала особенно обостренный характер для сельско-хозяйственных рабочих в годы неурожая. Связанная с неурожаем широкая волна безработицы (при неурожае сельско-хозяйственные работы сокращаются) имела пагубное влияние уже по одному тому, что сельско-хозяйственные рабочие не были соорганизованы в профсоюзы, которые обыкновенно приходят на помощь своим членам. Отсутствие рабочих организаций создавало невозможность переброски безработных голодных губерний в урожайные губ. и т. д. При таком тяжелом экономическом положении выход был один — вступить на путь нарушения действующих уголовных законов. В связи с этим мы наблюдаем более интенсивное развитие преступности среди сельско-хозяйственных рабочих.

Интенсивностью процесса пролетаризации крестьянского населения, достигшего, надо думать, к революции 1905—1906 г.г. громадных размеров и связанного с его тяжелым экономическим положением, объясняется и значительное повышение числа осужденных в 1908 г. В 1908 г., как мы указывали выше, среди осужденных окружным судом было 40% осужденных за крестьянские восстания. Но наряду с общими условиями революционного движения не менее громадную роль в этом сыграл и весьма низкий урожай 1906 г. (нужно заметить, что упомянутые политические «преступления», разбиравшиеся в 1908 году, были совершены в 1906 — 1907 г.г.). Низкий урожай 1906 года наряду с другими условиями послужил лишней искрой для воспламенения нараставшего противоречия между классом нанимателей и классом наемных рабочих. Падение урожая в 1906 году на 74,3% ниже нормы лишь углубило, обострило ту нищету и тот голодный бюджет безземельного крестьянина — наемного рабочего, на который он был обречен системой капиталистического хозяйства.

Если мы к этому основному экономическому фактору присоединим еще обремененность семьей и детьми, тогда наблюдаемый в неурожайные годы пышный рост преступности среди крестьянства и в особенности среди сельско-хозяйственных наемных рабочих, представляет собой лишь неизбежное следствие.

И это с особенной яркостью проявляется в голодные годы. При погодном рассмотрении семейного положения (т.-е. холостых и состоящих в браке и вдовых с одним, двумя и более детьми) осужденных наблюдается, что в годы неурожаев лица, состоящие в браке и имеющие детей (бездетных не берем), совершают преступления чаще, чем холостые. И наоборот, в годы урожаев, когда вопросы применения труда и поиски заработка не стоят уже так остро, отцы семейств меньше совершают преступлений, так как бывают средства к жизни способами, допускаемыми уголовными законами. Наряду с меньшим развитием преступности в урожайные годы среди лиц, имеющих детей, наблюдается повышение преступности среди холостых. Таким образом, повышение преступности среди лиц, имеющих детей, в годы неурожаев, и наоборот — понижение в годы урожаев — также позволяют судить о пагубном влиянии неурожая на развитие преступности. Объяснять, почему в неурожайные годы интенсивнее развивается преступность среди лиц, обремененных детьми, мы считаем излишним, так как это понятно само по себе. Для подтвержде-

Семейное состояние осужденных и движение урожаев

Годы	Общее число осужденных	Холостые	Состоящие в браке или разведенные имеющие 1, 2 и более детей	Бездетные	Урожайный уклон от нормы в ‰‰	В ‰‰ относительно всех холостых	Имеющие детей	Бездетные	Всего
1892	697	132	459	106	— 24,6	18,9	65,9	15,2	100,0
1893	692	178	411	103	+ 27,2	25,7	59,4	14,9	100,0
1894	560	136	331	93	+ 9,6	24,3	59,1	16,6	100,0
1898	370	82	240	48	— 55,4	22,2	64,9	12,9	100,0
1899	403	96	244	63	+ 64,7	23,8	55,6	15,6	100,0
1900	350	87	224	39	+ 19,8	25,0	64,0	11,0	100,0
1908	828	162	562	104	— 9,8	19,5	67,9	12,6	100,0
1909	523	156	285	82	+ 49,4	29,8	54,5	15,7	100,0
1910	446	122	257	67	+ 3,7	27,4	57,6	15,0	100,0
1916	362	112	190	60	+ 36,4	30,7	52,8	16,5	100,0

ния известной зависимости преступности среди холостых и лиц, имеющих детей, от уровня урожая, приведем статистические данные об осужденных окружным судом.

Итак, мы приходим к выводу, что, во-первых, пониженный уровень урожая, повышая преступность, усиливает ее, главным образом, среди лиц, обремененных детьми: иначе, неурожаи могут влиять на развитие преступности при наличии известных объективных условий.

Наблюдаемые колебания в движении преступности, происходящие под влиянием неурожаев и урожаев среди определенных социальных групп населения, приводят нас к тому выводу, что *уровень урожая может только ослабить или усилить преступность, между тем как корни преступности глубоко заложены в условиях социального порядка.*

Мы не будем детально анализировать интенсивность развития преступности под влиянием урожаев или неурожаев среди грамотных или неграмотных. Широкое распространение преступности среди лиц, главным образом, неграмотных служит лишь показателем той трудной борьбы за существование, какую приходилось вести населению России, отсталому в культурном отношении, при развивавшемся капиталистическом хозяйстве. Последнее, как известно, требует квалифицированности труда, чем безусловно не отличаются исследуемые осужденные, по преимуществу неграмотные. Для суждения о грамотности среди осужденных окружными и мировыми судами приводим статистические данные по пятилетиям:

Грамотность (образование) осужденных окружными и мировыми судами.

Годы	Пол осужденных	Высшее	Среднее	Низшее	Грамотные	Неграмотн.	Всего [1]
1892 — 1896	Мужчин	2	6	16	1.922	5.120	7.166
	Женщин	—	—	—	44	1,022	1.066
1897 — 1901	Мужчин	3	6	20	1.676	3.217	4.922
	Женщин	—	—	—	31	695	726
1902 — 1908	Мужчин	4	13	57	2.252	3.667	5.993
	Женщин	—	—	—	60	819	879
1909 — 1913	Мужчин	1	29	19	2.803	2.834	5.686
	Женщин	—	—	3	111	614	728

Таким образом, указанные неблагоприятные социальные условия (компоненты), как то: отсутствие грамотности, образования, обремененность семьей, недостаточность трудовой квалификации и экономическая необеспеченность, при капиталистическом способе производства, создавая громадные трудности для рабочего в приспособлении к борьбе за существование, толкают его на преступление.

[1] Неизвестные в подсчет не вошли.

Мы отметили редкие случаи преступных деяниiї и в особенности преступлений имущественного характера среди лиц с образованием, лиц квалифицированного труда, и это объясняется, главным образом, более широкими возможностями данных лиц найти применение своих сил, а следовательно, заработка. Значительный процент среди осужденных (на протяжении 22-летнего периода) лиц неграмотных и с пониженным образованием, низших, полунищенских профессий служит верным ключом к раскрытию зависимости колебаний уровня преступности от колебаний уровня урожаев зерновых хлебов. Выше мы установили связь между плохим урожаем и ростом преступности среди сельско-хозяйственных рабочих, поденщиков, а также среди рабочих других категорий. В дальнейшем мы видели, как отражаются высокий или низкий уровень урожая на развитии отдельных преступлений, и при этом констатировали, что преобладающими видами преступлений как среди детского, так и взрослого населения являются кражи.

Движение числа осужденных и урожай в Ульяновской губернии

Годы	Первый период. Ежегодные числа мужчин, осужденных окружными и мировыми судами	Урожай зерновых хлебов с 1 дес.	Отклонения урожая от нормы в %%	Годы	Второй период. Ежегодные числа мужчин, осужденных окружными и мировыми судами	Урожай зерновых хлебов с 1 дес.	Отклонения урожая от нормы в %%
	За кражи				За кражи		
1890	—	28,7	— 27,5	1901 . . .	—	26,9	— 37,1
1891	—	16,7	— 58,1	1902 . . .	—	49,9	+ 15,8
1892	1.405	30,3	— 24,4	1903 . . .	497	46,0	+ 6,0
1893	1.027	51,5	+ 27,2	1904 . . .	452	71,2	+ 62,9
1894	702	44,7	+ 9,6	1905 . . .	464	29,5	— 33,0
1895	643	40,2	— 2,2	1906 . . .	377	11,4	— 74,3
1896	582	54,0	+ 30,4	1907 . . .	501	45,8	+ 2,7
1897	576	36,1	— 13,2	1908 . . .	876	40,5	— 9,8
1898	537	18,7	— 55,4	1909 . . .	806	67,6	+ 49,4
1899	688	62,5	+ 64,7	1910 . . .	631	47,2	+ 3,7
1900	531	50,9	+ 19,8	1911 . . .	628	19,4	— 57,7
1901	473	26,9	— 37,1	1912 . . .	590	52,8	+ 14,5
1902	479	49,9	+ 15,8	1913 . . .	699	59,6	+ 28,4

Характер и мотив краж сами говорят за то, что они — прямое следствие того незавидного положения, в каком виновные в них тянут свою жизненную лямку. Для таких лиц кражи являются лишь одним из способов добывания средств к существованию. Этому не противоречит и то, что число краж повышается по сравнению с другими видами правонарушений в годы тяжелого экономического положения населения. Эту зависимость подтверждают статистические данные о росте краж в отношении общего числа правонарушений среди населения в годы неурожаев, когда жизненные рессурсы населения уменьшались, и жизнь становилась труднее.

Наше основное положение может быть иллюстрировано движением двух статистических рядов: ежегодных чисел осужденных за кражи и уровнем колебаний урожаев (см. табл. на стр. 146).

При сравнении чисел осужденных за кражи с уровнем урожаев необходимо принимать во внимание, что год осуждения отражает фактический уровень преступности за предшествующие год или два года. Точно так же и последствия урожая или неурожая обыкновенно начинают ощущаться населением или в конце последней трети данного года или в начале следующего календарного года. В связи с этим мы наблюдаем, что рост краж в 1892 г. соответствует падению урожая ниже нормы на 27.5%. Нельзя безусловно отрицать и того, что усиленный рост краж в 1892 г. в известной степени обусловливается неурожайными годами 1890 и 1891. В последующем 1893 году повышенный уровень (в отношении средней за 11 л. первого периода) краж соответствует пониженным урожаям 1891 и 1892 годов. В 1894 году также наблюдается повышенное число осужденных за кражи, несмотря на превышающие норму урожаи 1893 и 1894 г.г. Если считать, что наш метод неверен, то урожаи двух лет, казалось, должны были бы понизить уровень краж. Но этого не произошло, так как уровень преступности 1892 года, который отражают данные об осужденных за 1894 г., должен был безусловно повыситься под влиянием низкого (на 24,4% ниже нормы) урожая в 1892 году. В следующем 1895 году происходит понижение числа краж в связи с повышением уровня урожая в 1893 году. В годы 1896, 1897 и 1898 понижение числа краж соответствует повышенным урожаям за предшествующие годы. Но отмеченное понижение краж за указанные годы заменяется сравнительно высоким числом краж в 1899 г., что соответствует пониженному урожаю 1897 года. С 1900 по 1902 г. происходит понижение краж вслед за повышением уровня урожая. Такая обратная функциональная связь колебаний в динамике уровней урожаев и преступности находит подтверждение в том, что коэффициент корреляции краж и урожая в первом периоде (при условии предшествования урожая на 2 года числу осужденных, т.-е. урожай соответствует числу осужденных 1892 г. и т. д.) равен — 0,61 ($r = - - 0{,}61$) [1].

Что касается второго периода, мы здесь наблюдаем аналогичную картину: с 1903 г. по 1907 г. включительно в связи с повышенными уровнями урожаев за предшествующие годы наблюдается понижение осужденных за кражи. Однако, в 1908, 1909 и 1910 годах происходит усиленный рост краж, так как в соответствующие 1906, 1907 и 1908 годы был

[1] Коэффициент корреляции вычислен по методу рангов. Подробно о методе рангов см.: В. Бетц, «Проблема корреляции в психологии, перевод П. А. Шеварева, с предисловием проф. В. М. Экземплярского, издательство «Русский Книжник», Москва, 1923 г.; и Б. С. Ястремский, Связь между элементами крестьянского хозяйства в 1917 и 1919 годах, — «Вестник Статистики», изд. Ц. С. У. Б. С. Ястремскому приношу благодарность за сделанные указания по вопросам корреляции.

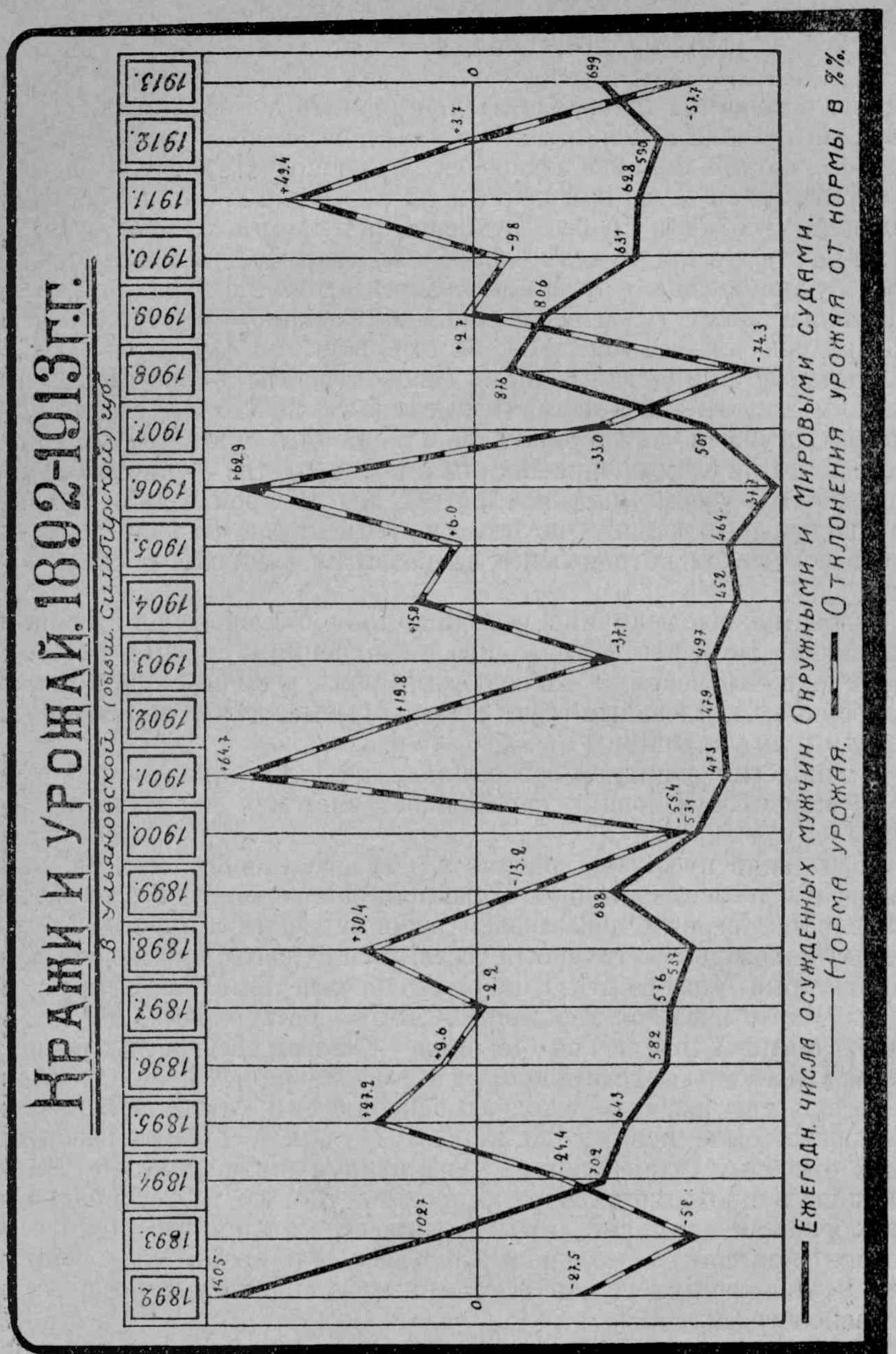
низкий урожай. Последствия этих трех лет с низким урожаем не могли парализоваться и сравнительно хорошим урожаем 1909 г,. в связи с чем в 1911 году число краж превышает среднюю второго периода. Ход рассуждений относительно последующих периодов таков же. Отмеченная обратная функциональная связь между кражами и урожаями во втором периоде подтверждается коэффициентом корреляции, равным — 0,56. При попытках коррелирования краж и урожаев в годы, совпадающие и с годом предшествующим, коэффициент незначителен, и для второго периода почти равен нулю.

Чтобы с большей наглядностью показать зависимость развития краж от низкого или высокого уровня урожаев, приводим диаграмму (см. стр. 149).

Данные произведенного анализа позволяют притти к неопровержимому выводу о том, что развитие краж является верным барометром экономического благополучия населения. Мы видели, насколько рост или падение краж находится в теснейшей обратной зависимости от соответствующего уровня урожаев. Кроме того, очень низкий урожай, естественно приводящий в расстройство народное хозяйство, сохраняет свое длительное пагубное действие, вызывая повышение краж в течение даже двух ближайших лет. В особенности, если неурожаи были в течение 2—3 лет подряд. В последнем случае их влияние не парализуется даже лучшим урожаями последующих лет. Так, в 1894 году уровень краж представляется повышенным, хотя урожай 1893 года поднялся выше нормы на 27,2%. Аналогичную картину зависимости уровня краж от неурожаев мы наблюдаем и в 1909 г., после сильных неурожаев 1906 и 1907 г.г.

Однако, при двухлетних подряд неурожаях и урожае в третьем году, уровень краж в этом последнем году хотя и превышает среднюю, все же ниже уровня краж года, совпавшего с неурожайными годами. Так, в 1909 г. кражи обнаруживают некоторую тенденцию к понижению, что безусловно вызывается сравнительно урожайным 1908 годом. Такая же тесная связь между кражами и урожаями наблюдается и в годы повышенных урожаев. Таков период с 1895 по 1898 г. включительно. В тех случаях, когда урожаи бывают в течение нескольких лет подряд, и уровень краж понижается, он не обнаруживает значительных скачков вверх, даже если бы и случился неурожайный год. Таково положение в 1899 году, когда кражи не возросли значительно, хотя 1898 г. был неурожайным, только вследствие того, что предшествующие 3—4 года были высокоурожайные, и для населения, естественно сохранившего остатки от урожайных лет, не так чувствителен был неурожай 1898 года.

Высказанное нами положение находится также в строгом соответствии и с тем, что урожай является показателем известного повышения развития хозяйственной жизни, благодаря чему повышается спрос на рабочие руки. Понижение хлебных цен, общее удешевление жизни и вследствие этого уменьшение числа безработных, нуждающихся материально, ведут к понижению и преступлений, главным образом среди лиц, занятых в сельском хозяйстве, и именно сельско-хозяйственных рабочих. Таким образом, с одной стороны — тесная обратная зависимость в движении уровней урожаев и уровней краж, а с другой стороны — повышение преступности среди сельско-хозяйственных и других категорий рабочих в годы неурожая и, наоборот, понижение преступности в урожайные годы позволяют притти к выводу, что колебания в движении числа краж происходят под влиянием урожая, как экономического фактора.



При исследовании *других видов преступлений* наблюдается, что в годы неурожайные они также значительно повышаются: так, напр., конокрадство наиболее интенсивно развилось как в годы неурожаев, так в особенности в годы, следующие за ними. Числа осужденных за конокрадство достигают наивысшего предела в 1893 году, которому, как известно, предшествовал неурожайный 1892 г. и также неурожайные 1890 и 1891 г.г. Трехлетний подряд неурожай, само собой разумеется, привел

в сильное расстройство сельское хозяйство, вследствие чего крестьянская беднота искала выхода в преступности, в частности — в кражах и конокрадствах. Связь между уровнем урожаев и конокрадством проявляется не только в том, что конокрадства повышались в годы низких урожаев (неурожаев), но они и понижались в годы повышенных урожаев. Характерно и то, что при анализе связи между конокрадствами и уровнем урожаев наблюдаются те же изменения в их колебаниях, какие наблюдались в движении урожаев и краж. Это позволяет притти к выводу, что конокрадства, как и кражи, будучи однородными имущественными преступлениями, обусловливаются явлениями одного и того же порядка, т.-е. явлениями социальными. Подтверждением высказанного служат следующие статистические данные (см. табл. на стр. 151).

Что касается участия женщин в конокрадстве — оно весьма незначительно и выражается в единичных случаях. За все 23 года по окружным судам осуждено за конокрадство 2 женщины, а по мировым судам — 3 женщины. При этом роль женщины в конокрадстве — чисто пассивная и выражается в форме укрывательства. Мы не производили сравнения других видов преступлений по независящим от нас обстоятельствам, но остановимся несколько подробнее на развитии рецидива в связи с урожаями.

Относительные величины рецидивистов в Ульяновской губернии незначительны. По развитию рецидива в сравнении с другими губерниями она занимает 4-ое место [1]. Абсолютные числа рецидивистов в Ульяновской губернии по отдельным годам колеблются между 131 и 444 у мужчин и между 9 и 40 у женщин.

В этиологии рецидива с особенной яркостью проявляется отрицательное значение уголовных карательных систем с их местами заключения.

Но рецидив преступников имеет и ту особенность, что, развиваясь преимущественно под влиянием тюремного заключения, он в то же время представляется верным показателем экономических потрясений страны. Последнее положение нетрудно проследить на ежегодном уровне рецидивистов, который, может быть, и не отражает действительного числа рецидивистов [2]. Что касается характера и видов преступлений, совершаемых рецидивистами в Ульяновской губернии — такими сведениями мы не располагаем. Однако, по действующему в дореволюционное время уголовному законодательству известно, что, согласно ст. 181 Устава о наказаниях, третья кража была неподсудна мировым судам, а должна разбираться в общих судебных установлениях. Анализируя статистические данные о рецидивистах, проходящих через мировые суды, во всероссийском масштабе, обращаем внимание, что подавляющее большинство (около 90%-среди них составляют осужденные за кражу, в то время как в общих судебных установлениях состав осужденных рецидивистов по преступлениям разнообразен.

При исследовании связи между уровнями рецидива и урожаев, мы соединим данные окружных и мировых судов вместе, разделяя их по полу. В динамике рецидива по Ульяновской губ. подмечаются те же ха-

[1] См. Е. Н. Тарновский. Осужденные за повторные преступления. — «Журнал Министерства Юстиции», февраль 1909 г., стр. 77.

[2] Е. Тарновский в указанной статье отмечает, что в статистических сводах по делам уголовным отмечались, главным образом, сведения о предшествовавших присуждениях к наказаниям не ниже тюремного заключения. Таким образом, продолжает Тарновский, сведения о рецидиве являются неполными.

Годы	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898
Осужденные за конокрадство окружн. и миров. судами .	—	66	91	49	46	32	23	17
Урожай зерновых хлебов . . .	— 58,1	— 24,6	+ 27,2	+ 9,6	— 2,2	+ 30,4	— 13,2	— 55,4

Годы	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906
Осужденные за конокрадство окружн. и миров. судами .	40	21	26	22	30	20	28	33
Урожай зерновых хлебов . . .	+ 64,7	+ 19,8	— 37,1	+ 15,8	+ 6,8	— 62,9	— 33,0	— 74,3

Годы	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Осужденные за конокрадство окружн. и миров. судами .	45	43	42	56	86	55	38
Урожай зерновых хлебов . . .	+ 2,7	— 9,8	+ 49,4	+ 3,7	— 57,7	+ 14,5	+ 28,4

Знаки:

\+ означает повышение урожая против нормы в %%;
— понижение.

рактерные черты, что и в динамике первичных преступлений. Мы наблюдаем большой рост повторных преступлений именно в годы неурожаев.

При этом степень роста падения рецидива находится в соответствии с уровнем урожая. Для подтверждения высказанных соображений приводим статистические данные.

Движение чисел рецидивистов, осужденных окружным и мировым судами, и движение урожая зерновых хлебов в пудах с 1 десятины в Ульяновской губ.

Годы	Числа мужчин-рецидивистов, осужденных окружным и мировыми судами	Урожай с 1 десят. в пудах	Отклонения урожая от нормы в %%[1]	Годы	Числа мужчин-рецидивистов, осужденных окружным и мировыми судами	Урожай с 1 десят. в пудах	Отклонения урожая от нормы в %%[1]
1890	—	28,7	—	1901 . . .	—	26,9	—
1891	—	16,7	—	1902 . . .	—	49,9	—
1892	444	30,3	— 27,5	1903 . . .	194	46,0	— 37,1
1893	391	51,5	— 58,1	1904 . . .	178	71,2	+ 15,8
1894	314	44,7	— 24,6	1905 . . .	166	29,5	+ 6,0
1895	251	40,2	+ 27,2	1906 . . .	131	11,4	+ 62,9
1896	217	54,0	+ 9,6	1907 . . .	174	45,8	— 33,0
1897	224	36,1	— 2,2	1908 . . .	221	40,5	— 74,3
1898	203	18,7	+ 30,4	1909 . . .	206	67,6	+ 2,7
1899	224	69,5	— 13,2	1910 . . .	190	47,2	— 9,8
1900	192	50,9	— 55,4	1911 . . .	264	19,4	+ 49,4
1901	156	26,9	+ 64,7	1912 . . .	266	52,8	+ 3,7
1902	187	49,9	+ 19,8	1913 . . .	213	59,6	— 57,7

В соответствии с приведенными статистическими данными, мы констатируем, что рецидив, возросший в Ульяновской губ. в начале 90-х годов прошлого столетия, в девятисотых годах понижается значительно. Но с 10-х годов XX столетия опять наблюдается его повышение. Отмеченные колебания повышения и понижения не могут быть объяснены, как это делает *Тарновский*, изменениями процессуальных норм уголовного законодательства того времени, так как эти изменения были до 1893 г.[2]. Если же подобные изменения были и после 1893 года, то их влияние было весьма незначительно. Так, напр., до выносимых изменений было осуждено рецидивистов: в 1890 г. — 400 мужчин, в 1891 г. — 427 мужчин, в 1892 году — 444 мужчины, а в 1893 г. — 391 мужчина.

[1] Урожай передвинут на два года вперед, т.-е. данные об урожае 1890 г. сравниваются с числом осужденных в 1892 г. и т. д.

[2] См. Е. Н. Тарновский, Осужденные за повторные преступления, — «Журнал Министерства Юстиции», февраль 1909 г., стр. 62.

Итак, при сравнении уровней урожая и рецидива преступности оказывается, что *самому высокому урожаю соответствует наименьшее число рецидивистов, и наоборот — наивысшее число рецидивистов выпадает на годы низких урожаев или просто неурожаев.* Такая зависимость может быть констатирована в годы 1901 и 1893 первого периода, и в годы 1906 и 1908 второго периода. Указанная тесная обратная функциональная связь между урожаями и рецидивом преступности проявляется при условии, чтобы урожай на два года предшествовал году осуждения, допуская при этом, что число осужденных данного года в значительной степени отражает преступность 2 года назад (об этом см. выше).

Функциональная связь между рецидивом преступности и урожаями может быть выражена следующими коэффициентами корреляции:

Коэффициент корреляции рецидива преступности и урожая

	Для первого периода с 1892 г. по 1902 г.	Для второго периода с 1903 г. по 1913 г.
Годы урожая и год осуждения совпадают	$r = -0{,}11$	$r = +0{,}22$
Урожай предшествует осуждению на один год	$r = -0{,}35$	$r = -0{,}8$
Урожай предшествует осуждению на два года	$r = -0{,}70$	$r = -0{,}20$

Наивысший коэффициент корреляции в первом периоде — 0,70 и во втором периоде — 0,20 приводит нас к выводу, что рецидив преступности в своем развитии находится в обратной зависимости от состояния уровня урожаев.

В ряде исследований экономистов с достаточной яркостью подчеркиваются обыкновенно те трансформации в экономической жизни населения, которые являются неизбежными следствиями неурожаев. В заключение нашего исследования нам хотелось бы указать, что конфликты с нормами действующего уголовного законодательства в значительной степени являются отражением подобных трансформаций. При этом такие конфликты выливаются в самые разнообразные формы преступности. вплоть до восстаний и сопротивлений властям. То обстоятельство, что конфликты или «преступные деяния» усиливались, как мы видели, в годы неурожаев, а следовательно, в годы депрессий в промышленности, служит вернейшим доказательством зависимости преступности от экономических явлений. А наиболее интенсивный рост в годы неурожаев краж и других видов похищений не дает никакого основания допускать зависимость развития преступности от психо-физических особенностей (или индивидуальных или физических факторов).

Подтверждением высказанных соображений служат и погодные данные о социальном составе осужденных. Сведения о социальном составе осужденных, среди которых преобладают рабочие различных профессий, позволяют притти к выводу, что преступность среди рабочего населения представляется верным отзвуком, с одной стороны, противоречий между классом капиталистов (сельской буржуазии) и безземельных крестьян.

крестьян — наемных рабочих, а также рабочих других профессий, а с другой стороны—противоречий, коренящихся в господствовавшей социально-экономической структуре общества.

Правда, наряду с лицами рабочих профессий мы наблюдаем среди осужденных и значительный процент хозяев-хлебопашцев[1], экономическое положение которых, надо думать, мало чем отличается от положения крестьян — наемных рабочих. Экономическая неустойчивость у лиц упомянутых категорий, естественно, приводила к тому, что в годы неурожаев среди них и были более часты конфликты в виде похищений чужой собственности и т. д. Другими словами, понижающаяся кривая урожаев сопровождалась интенсивным ростом преступности.

Но рост осужденных в голодные годы свидетельствует не только о том, что именно в эти годы эксплоатируемое население более чем когда-либо предъявляет счета своего голодного бюджета и покрывает его дефициты различными преступлениями. Рост числа осужденных в годы неурожаев рисует нам и картину широкой расправы господствующего класса с пролетарским населением мерами уголовной репрессии, правда, прикрывая ее лицемерной «необходимостью» общей и частной превенции. Нежелание господствующего класса снизойти с пьедестала своего «величия» к угнетенному голодающему населению находит отражение не только в уголовной репрессии, но и в той податной и налоговой политике, которая для голодающего населения оставалась почти без изменений.

Доказательством того, что влияние неурожаев лишь углубляло остроту противоречий между двумя хозяйственными типами (см. выше), служит интенсивное повышение в эти годы относительного числа осужденных, преимущественно лиц, имеющих детей.

Неблагоприятные последствия неруожаев повышали также преступность среди несовершеннолетних и лиц старших возрастных групп. Трудность борьбы за существование для лиц упомянутых категорий сама собой разумеется, а потому не требует пояснений.

Семейная обремененность, пониженная возрастная трудоспособность и т. п. представляются наиболее сильными компонентами, в соединении с общей экономической необеспеченностью способствующими развитию преступности. Одновременно с этим мы признаем, что влияние урожая или неурожая в сторону понижения или повышения, однако, еще не разрешает проблемы в целом о причинах преступности. Мы лишь утверждаем, что хороший урожай понижает уровень преступности, а неурожай повышает ее. Иначе: урожай или неурожай, видоизменяя формы преступности и соответственно изменяя ее направление, являются могучими регуляторами динамики преступности. В связи с этим мы ни в коем случае не можем согласиться с мнением антропологов и психиатров, утверждающих, что как в неурожайные, так и в урожайные годы преступления в своей массе совершаются лицами, по своей психо-физической конституции уклоняющимися от нормы.

Обусловленность динамики роста и понижения преступности влиянием урожаев и другими экономическими явлениями, вскрытыми нами в процессе данного исследования, с большей силой укрепляет наше основное положение об экономических факторах преступности, берущих свое начало в условиях капиталистического способа производства.

[1] Мы не приводим в своем исследовании сведений, характеризующих экономическое положение хозяев — крестьян-хлебопашцев. Об этом подробнее см. в исследовании экономистов, участников данного сборника.

Приложение

Статистические данные об урожае в Ульяновской (быв. Симбирской) губ.

Годы	Посевная площадь зерновых хлебов в тысячах десят.	Сбор зерновых хлебов в тысяч. пудов	Урожай с десятины	Норма урожая	Отклонение урожая от нормы в пудах	То же в %
1890	1.435,9	41.168,3	28,7	39,6	— 10,9	— 27,5
1891	1.428,0	23.815,5	16,7	39,9	— 23,2	— 58,1
1892	1.273,8	38.597,6	30,3	40,2	— 9,9	— 24,6
1893	1.263,9	65.063,8	51,5	40,5	+ 11,0	+ 27,2
1894	1.236,4	55.364,3	44,7	40,8	+ 3,9	+ 9,6
1895	1.205,0	48.451,5	40,2	41,1	— 0,9	— 2,2
1896	1.242,5	67.142,6	54,0	41,4	+ 12,6	+ 30,4
1897	1.201,8	43.338,4	36,1	41,6	— 5,5	— 13,2
1898	1.217,9	22.735,4	18,7	41,9	— 23,2	— 55,4
1899	1.275,5	88.695,6	69,5	42,2	+ 27,3	+ 64,7
1900	1.290,3	65.651,5	50,9	42,5	+ 8,4	+ 19,8
1901	1.293,0	34.804,4	26,9	42,8	— 15,9	— 37,1
1902	1.293,8	64.540,4	49,9	43,1	+ 6,8	+ 15,8
1903	1.322,6	60.922,2	46,0	43,4	+ 2,6	+ 6,0
1904	1.390,2	98.914,3	71,2	43,7	+ 27,5	+ 62,9
1905	1.435,1	42.337,6	29,5	44,0	+ 14,5	— 33,0
1906	1.419,9	16.170,1	11,4	44,3	— 32,9	— 74,3
1907	1.450,4	66.379,7	45,3	44,6	+ 1,2	+ 2,7
1908	1.386,7	56.153,2	40,5	44,9	— 4,4	— 9,8
1909	1.360,9	92.021,7	67,6	45,2	+ 22,4	+ 49,4
1910	1.344,4	63.439,1	47,2	45,5	+ 1,7	+ 3,7
1911	1.318,6	25.636,3	19,4	45,8	— 26,4	— 57,7
1912	1.356,3	71.566,9	52,8	46,1	+ 6,7	+ 14,5
1913	1.355,9	80.812,4	59,6	46,4	+ 13,2	+ 28,4

Знаки: + (плюс) означает повышение.
— (минус) » понижение.

Д. П. Родин

Влияние урожайности на преступность по данным Самарской губернии

Рассматривая уголовную статистику по Самарской губернии в сопоставлении с цифрами урожайности, данная работа не претендует на распространение выводов из нее на другие районы, а может быть и на другое время, чем годы, взятые для настоящей работы, так как экономические условия данной местности довольно характерны.

В наши задачи не входит подробная характеристика Самарской губернии, и поэтому ограничимся самыми суммарными сведениями, почерпнутыми преимущественно из работ местных исследователей-статистиков.

Губерния эта, как известно, преимущественно земледельческая. В урожайные годы избыток ее производства лишь по главнейшим хлебам — ржи, яровой пшенице, овсу и ячменю — превышал 100 миллионов пудов, которые обычно вывозились за пределы губернии. Такая высокая цифра вывоза в годы хороших урожаев наблюдалась часто, несмотря на низкую сельско-хозяйственную технику, — экстенсивную систему обработки земли. Промышленность губернии слаба и связана с сельским хозяйством, именно около 90% крупных предприятий заняты обработкой питательных веществ местного производства. Однако, даже эта промышленность была так слаба, что вывозимые из губернии хлебные продукты на 80% состояли из зерна, т.-е. вывозились в необработанном виде[1]. Надо отметить, что в текущем столетии промышленность Самарской губернии все же росла, главным образом, в области обработки пищевых продуктов[2]. Конечно, не только производство хлебов характеризует Самарскую губернию; предметом ее вывоза были также мясные продукты и разное животное сырье. Точно так же в промышленности ее имеются металлообрабатывающие, химические и т. д. предприятия, но они играют весьма слабую роль.

Таким образом, Самарская губерния есть преимущественно земледельческая губерния, и исследователи не без основания употребляют для нее эпитет «житница». A priori это заставляет думать, что урожай для Самарской губернии имеет большое значение.

Как говорилось, губерния характеризуется низкой сельско-хозяйственной техникой. Требуется как материальная помощь, так и агитационное воздействие для изменения традиционных способов обработки

[1] Г. И. Баскин, состояние производительных сил и тенденции их развития в разных отраслях народного хозяйства Самарской губернии, С. 1918 г.

[2] А. Полляк, Рост промышленности в Самарской губ. за 100 лет, «Вестник Самарского Губернского Статистического Бюро», № 1.

земли — вывод к которому приходят местные исследователи [1]. Экстенсивная обработка, хищническая эксплоатация почвы [2], приводит к большой зависимости урожая от атмосферных влияний, и Самарская губерния, поэтому, характеризуется сменой урожайных лет голодными. В работах *Г. И. Баскина* можно видеть эту поразительную разницу, эту громадную амплитуду колебаний урожайности.

Но если благосостояние населения зависит от урожая, то не должно ли оно переживать кризисы, одновременные с резкими изменениями урожайности? Это важно для исследования, так как уголовно-статистическая литература издавна отмечала повышение преступности в годы экономических кризисов.

Громадную роль в Самарской губернии играло отсутствие отхожих промыслов, при которых население могло бы получать заработки на стороне. Более того, те рабочие, которые были заняты в сельском хозяйстве как наемная рабочая сила, с неурожаем оказывались в тяжелом положении, потому что цены на рабочие руки в неурожайные годы в Самарской губернии весьма падали. Весь количественно слабый запас рабочих Самарской губернии был слаб и в качественном отношении, так как количество квалифицированных рабочих было незначительно. Это было неблагоприятно для промышленного пролетариата и в голодные годы делало невозможной переброску его на другие работы.

Еси принять во внимание, что сельско-хозяйственная техника и в частновладельческих хозяйствах, а не только у крестьян была не высока, то становится ясным, что и эта группа лиц зависела от погоды.

Неурожайность Самарской губернии уже издавна обратила на себя внимание широких общественных слоев голодовками населения, как следствием этих неурожаев.

Не заходя в дебри истории самарских голодовок, можно отметить голод 1873 г., известный выступлением *Л. Н. Толстого* с призывом о помощи сельскому населению этого края. В своем письме в редакцию «Московских Ведомостей» он свидетельствует, как Самарская губерния дошла до голода 1873 г.: «1871 г. был в Самарской губернии неурожайный. Богатые крестьяне, делавшие большие посевы, стали только достаточными людьми. Достаточные крестьяне, тоже уменьшившие свои посевы, стали теперь нуждающимися. Прежде не нуждавшиеся крестьяне стали нуждаться, продали часть скотины. Нуждавшиеся прежде крестьяне вошли в долги, и явились нищие, которых прежде не было.

«Второй неурожайный год (1872) заставил достаточных крестьян еще уменьшить посев и продать излишнюю скотину, так что цена на лошадей и рогатый скот упала вдвое. Не нуждавшиеся крестьяне стали продавать уже необходимую скотину и вошли в долги. Прежде нуждавшиеся крестьяне стали бобылями и кормиться только заработками и пособием, которое им выдавали, количество нищих увеличилось.

«Нынешний 1873 уже не просто неурожайный, но голодный год должен довести до нужды прежде бывших богатыми крестьян и до нищеты и голода почти 9/10 всего населения.

«Едва ли есть в России местность, — говорит Толстой, — где бы благосостояние или бедствие народа непосредственнее зависело от урожая или неурожая, как в Самарской губернии».

[1] Г. И. Баскин, Влияние технических приемов посева на урожайность хлебов,— «Вестник Самарск. Губернского Статистич. Бюро», № 2.

[2] И. Красноперов, Самарский голод и его причины,—«Юридический Вестник» за 1892 г.

Это сопротивление населения первому неурожаю далее будет заметно и на цифрах преступности, точно так же как и отмечаемая писателем *серия* неурожаев имеет своим следствием *серию* годов повышенной преступности.

Так же было и при значительном голоде 1891 г.: ему предшествовали 2 неурожайных года, и это-то следование неурожайных лет одного за другим и имело своим последствием голодовки населения после 2—3 неурожаев.

Не касаясь здесь достаточно известных экономических условий, в которых протекал голодный 1891—1892 год для населения Самарской губернии, нам хочется лишь некоторыми бытовыми штрихами, заимствованными из старой прессы, осветить это время со стороны преступности.

На почве голода не могли не расцвесть явления совсем неизвестные эпохе благосостояния.

В мае 1891 г. в селе Губовке полицейский сотник и сельский староста с семью односельчанами вырыли труп умершего в 1890 г. от излишнего употребления вина и свезли за несколько верст в овраг с целью вызвать дождь. Такое выкапывание трупов с той же целью производили и в других местностях. В Баланове на базаре мать, горько плача, предлагала взять у нее двух детей, 4-х и 6-ти лет, говоря, что уже 2 дня они не сыты. В июле месяце в деревне Константиновке крестьяне тихо, без шума и насилий разграбили хлебный магазин, пишут в местной прессе. 31 июля трое киргизов напали на двух крестьян, отняли у них два воза пшеницы и увезли к себе в аул. На другой день крестьяне эти с односельчанами отправились в аул и, найдя свою пшеницу, взяли ее, при чем не только не привлекли киргизов к ответственности, но даже не поколотили их. Поджоги с целью получения страховых премий вспыхнули в громадном количестве. Крестьяне на подводах являлись в имения и взламывали амбары, при чем происходили схватки с рабочими и стражей. Толпы нищих, смерти и самоубийства от голода, бегство населения, кражи и разбои озверевших от голода людей, — вот о чем повествует тогдашняя неофициальная пресса. А власти предержащие старались скрывать истинное положение вещей. «Губернские Ведомости» 1891—1892 г.г. совершенно не содержат указаний на голод. В сентябре 1891 г. один гласный городской думы в унисон с администрацией заявляет, что нужды среди рабочих в городе нет, что ее раздула пресса, которая натравливает своими сообщениями рабочих на известный слой общества, и что поэтому надо просить губернатора о закрытии местной «Самарской Газеты». Уста замкнула о голоде и духовная газета «Епархиальные Ведомости». Только в сентябре предательски из одного номера ее проскальзывает следующее необычайное распоряжение духовной консистории по епархии: «Ввиду нескольких случаев кражи денег из церквей и покушений на кражу в течение одного месяца, предписать причтам и церковным старостам епархии принять все зависящие меры к усилению церковного караула».

Если дополнить эти штрихи из жизни голодного года указанием на суррогаты хлеба, которыми питалось население, — лебеду, мякину и т. п., то из прессы получаем картину, которая вполне гармонирует с данными уголовной статистики, отмечающей тогда повышение преступности.

Переходим к статистическим данным.

Вопрос о влиянии на преступность хлебных цен, в свою очередь зависящих от урожая, много раз разбирался в литературе [1], дав, однако,

[1] Наиболее важные из этих работ разбираются в книге проф. М. Н. Гернет, «Моральная статистика», М. 1922 г., стр. 209—220.

немного бесспорных выводов. Несомненный факт, что количество похищений увеличивается в годы высоких цен и уменьшается при низких ценах, чего нельзя сказать про другие виды преступлений против собственности. Господствующее мнение (напр., *Тарновский* считает, что, напротив, убийства находятся в прямом соотношении с урожайностью и в обратном с ценами.

. Обычно применяемый в криминологии метод исследования влияния хлебных цен и урожайности заключается в рассуждениях о двух ломаных линях, из которых одна характеризует погодное движение преступности, другая — хлебных цен или урожая, при чем заметные повышения или понижения одной из них сравниваются с соответствующими изменениями высоты другой линии. Этот метод «глазомера» страдает, однако, столь существенными недостатками, что нуждается в подкреплении получаемых с его помощью выводов другими доказательствами. Если годы очень больших урожаев или очень низких цен отличаются также низкой преступностью и, обратно, «голодные» годы с высокими хлебными ценами или низкой заработной платой характеризуются также колоссальным ростом преступности, это обыкновенно и считается за доказательство зависимости между двумя явлениями. Между тем, это доказывает только, что в годы очень благополучные преступность падает и в «голодные» возрастает. Для доказательства же зависимости между урожайностью (или хлебными ценами, или заработной платой) и преступностью необходимо доказать, что не только в годы, сильно отличающиеся от обычного уровня, происходят также значительные изменения интенсивности преступности, а и то, что каждое изменение в урожае или хлебных ценах влечет за собой соответствующее изменение интенсивности преступности, или, строго рассуждая, между интенсивностью экономического явления и интенсивностью преступности должна быть математически выраженная зависимость. Далее, из исследования необходимо, по мере сил, исключить возможность субъективизма, между тем как обычный способ рассуждений, исходящий из «глазомера» исследователя, основан именно на верности его глаза и способности верно увидеть зависимость. Поэтому является весьма желательным привлечь объективные способы исследования. Метод корреляционного исчисления и дает возможность именно такого объективного подхода к цифрам. Следует заранее, однако, оговориться, что преступность есть явление сложное, зависящее от многих причин, так что математически точно исчислить его зависимость от урожаев не всегда возможно. Поэтому в дальнейшем исследовании метод корреляционного исчисления будет служить не исключительным, а лишь одним из методов исследования.

Представляется весьма важным определить соотношение с урожайностью не только краж, но и других преступлений. Данные по Самарской губернии показывают, что действительно есть еще некоторые преступления, находящиеся с урожайностью в тесном соотношении. В качестве таковых ниже и приводятся: убийства, детоубийства, служебные и государственные преступления, подсудные окружному суду. Что касается величины исследуемого нами района, то, конечно, одна губерния не дает больших чисел, и это является минусом получаемых выводов. Однако, такое ограничение имеет большое преимущество, устраняя возможность затемнения влияния урожайности при соединении нескольких губерний, где хозяйственно-экономические условия и урожайность могут отличаться. Как бы то ни было, но полученные нами выводы указывают.

что возможность случайных отклонений была невелика и не отразилась в конечном итоге.

Несколько замечаний специального характера! При вычислениях коэффициентов корреляции весь период, рассматриваемый нами, был разделен на две части: 1890 — 1901 и 1902 — 1913 г.г., с целью определить соотношение между преступностью и урожаями в начале и конце периода. Самые численные значения преступности и урожайности при вычислении коэффициентов были заменены их «рангами», т.-е. номерами по порядку [1], при чем иногда было необходимо преобразовать сравниваемые ряды. Это необходимо в случае, когда происходит некоторая эволюция, так, напри-мер, происходит рост преступности вне зависимости от урожая, а под влиянием каких-либо неучитываемых явлений: роста промышленности, пролетаризации масс и т. п.

В этом случае ряд чисел преступлений, помещенный по порядку рангов, расположился бы в зависимости от интенсивности этого неучитываемого явления, и сопоставление этого ряда с рядом урожайности непосредственно затруднительно. Когда имелась такая эволюция преступности, необходимо быо ее элиминировать и получить плавную кривую, от которой и шли бы отклонения действительных чисел преступлений, т.-е. произвести выравнивание ряда.

Не касаясь здесь формул этого выравнивания, обратим лишь внимание на то обстоятельство, что к такому выравниванию пришлось прибегнуть при рассмотрении чисел возникших дел по всем исследуемым группам (кроме государственных преступлений) и чисел осужденных: 1) по всем преступлениям (общие числа) в местных судах, 2) за похищения как в окружном, так и в местных судах и 3) за служебные преступления. Коэффициенты корреляции наблюденного и отклонений от выравненного ряда чисел осужденных с урожаем приводятся параллельно.

На диаграммах движения преступности в тех случаях, когда было произведено выравнивание ряда и коэффициенты корреляции исчислены для отклонений от выравненного ряда, последний вычерчен в виде горизонтальной линии, и отклонения от него наблюденного ряда отложены, в обе стороны, как вычерчиваются отклонения от средней арифметической для тех случаев, где выравнивания произведено не было.

При исчислении коэффициентов корреляции нам пришлось иметь ввиду, что изменение урожая могло указать свое влияние не в этом, а в следующих годах, почему и коэффициенты исчислены для сопоставления преступности с урожаями этого же года, с урожаями предыдущего года, третьего года и т. д.

Таковы замечания в части математической [2]. Что касается самого материала, то его пришлось ограничить 24-летним периодом для осужденных и 23-летним для возникших дел. Введение в 1889 году института земских начальников настолько изменило подсудность, что сравнение данных предшествующих лет с последующими целесообразно не производить. Поэтому числа осужденных взяты нами начиная с 1890 года до 1913 г. (последний год, данные которого опубликованы). Опубликование

[1] См. об этом методе в ст. Б. С. Ястремского, Связь между элементами крестьянского хозяйства в 1917—1919 г.г., «Вестн. стат.», № 9 — 12, 1920 г.

[2] Считаю необходимым выразить мою признательность Б. С. Ястремскому за его авторитетные советы в этой части работы.

по преступлениям числа возникших у следователей дел начинается с 1892 г. и кончается 1914 г., за каковой период и взяты данные [1].

Следует также указать, какие именно преступления входят во взятые нами группы. «Общие» числа осужденных соответствуют итоговым данным «Сводов статистических сведений» (число осужденных за все преступления. Следует иметь ввиду, что в «своды» по местным судам включались лишь те осужденные, которым при обвинении грозило наказание не ниже тюремного заключения, что составляет лишь часть всех осужденных местными судами. По окружному суду статистикой регистрировались все осужденные. В группу «похищения» включены по окружному суду разбои, грабежи, насильственное вымогательство и захват, все виды краж (исключая кражу крупного дом. скота). По местным судебным учреждениям сюда включены все виды краж, порубка леса, покушение и соучастие в краже. К «убийствам» отнесены предумышленные, умышленные и убийства с непрямым умыслом (без убийств родственников). В «детоубийства» включены детоубийства, оставление без помощи новорожденных и оставление в опасности, и сокрытие трупа.

Наконец, в «служебные преступления» отнесены исключительно имущественные служебные преступления: растрата, преступное пользование казенным имуществом, служебные подлоги, мздоимство и лихоимство.

Чтобы покончить с пояснительными замечаниями, укажем, что урожай «сам» взят по данным ЦСК, как взвешенная средняя пшеницы и ржи—решающих хлебов Самарской губернии[2]. Вследствие отсутствия какой-либо эволюции урожайности, ее выравнивание не производилось. Напротив, цены на рожь имеют эволюционный характер и для вычесления коэффициента корреляции взяты отклонения от выравненной кривой.

I. Общая характеристика преступности населения Самарской губ.

(Диаграммы №№ 1 и 3)

Для характеристики преступности необходимо привлечь числа как осужденных, так и возникших дел. Как это замечено *Е. Н. Тарновским* [3], линии движения этих чисел не аналогичны для Нижне-Волжского района, равно как и для многих других местностей. Самарская губерния в этом отношении в общем подобна всему району: в то время, как во вторую половину рассматриваемого периода (с начала XX столетия) наблюдается неуклонный подъем числа возникших дел, общее число осужденных в окружном суде колеблется около уровня, который без большой погрешности может быть принят за постоянный. Общие числа осужденных в местных судах не только не обнаруживают повышательной тенденции в годы текущего столетия, но в начале (1891—1893 г.г.) рассматриваемого периода имеют высоту, далеко не достигнутую во все последующие годы.

[1] Влияние манифестов в общем не отразилось сколько-нибудь значительно на движении чисел осужденных.

[2] Характеристика урожая «сам» в настоящей работе отличается от употребляемой у других соавторов так как большинство исчислений настоящей работы было уже произведено ко времени окончания счетных работ по установлению урожая «сам», принятого у соавторов.

[3] Движение преступности по окружным судам Европейской России, — «Журн. Мин. Юст.», октябрь 1905 г.

И наоборот, во вторую половину периода имеется глубокий провал: 1904—1907г.г. «Подъем 1891 г. был совершенно исключительным в Нижнем Поволжьи: ни в одном районе Европейской России не было такого относительно высокого подъема преступности за 1891 г.», писал в 1902 г. *Е. Н. Тарновский* [1]. Таково движение абсолютных чисел возникших дел у судебных следователей и осужденных в окружном и местных судах.

Еще яснее получается различие в движении этих чисел при сравнении их с населением:

Годы	Средние годовые числа			На 100.000 населения приходилось		
	Возникших дел	Осужденных окр. судом	Осужденных местн. суд.	Возникших дел	Осужденных окр. судом	Осужденных местн. суд.
1895-1899	2.361	558	1.236	101	24	53
1905-1909	4.794	794	995	169	28	35

т.-е. при сравнении с населением число возникших дел возросло свыше чем в 1½ раза, число осужденных в окружном суде почти осталось без изменения, а число осужденных в местных судебных учреждениях упало свыше чем в 1½ раза.

Е. Н. Тарновский объяснение этому несоответствию в эволюции интенсивности возникновения дел и чисел осужденных находил в том, что «с течением времени все больший процент возникших дел прекращается судами за недостаточностью улик, по необнаружению виновных и по другим основаниям, а отчасти в том, что увеличиваются, главным образом, числа таких дел, которые могут быть прекращены примирением сторон». Кроме того, по мнению *Тарновского*, возрастали преступления, виновники которых успели скрыться, а также дела с неосновательными обвинениями [2].

Указанное несоответствие приводит к необходимости в целях взаимного контроля исследовать данные как о возникших делах, так и об осужденных [3].

Рассматривая влияние урожайности на преступность, выраженную возникшими делами и числами осужденных, мы, конечно, можем ожидать, что влияние высоты урожая будет быстрее отражаться на числе возникших дел, нежели на числе осужденных, если только вообще урожай влияет на преступность.

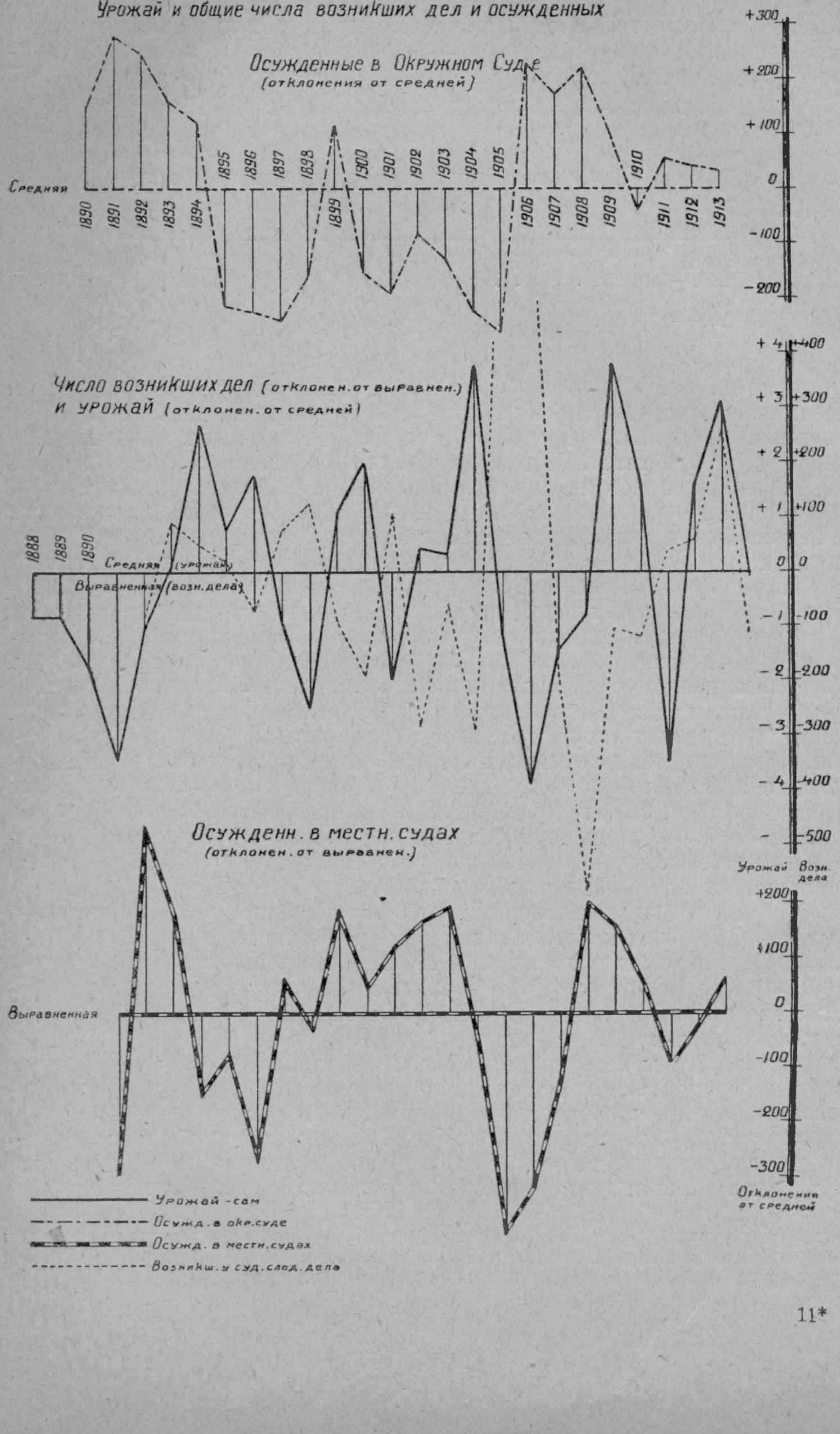
Обращая внимание (диаграмма № 1) на годы неурожаев 1898, 1901, 1906 и 1911, мы видим, что этим годам соответствует повышение общего числа возникших у судебных следователей дел по сравнению с предыдущими 1897, 1900, 1905, 1910 и последующими 1899, 1902 и 1907 (1912

[1] Движение главнейших видов преступности в двенадцати естественных районах Европейской России,—«Журн. Мин. Юст.», апрель, 1902 г.

[2] «Движение преступности по окружным судам».

[3] Что касается интенсивности преступности Поволжья, то, по исчислениям Тарновского («Движение главнейших видов преступности»), в сравнении с другими районами Европейской России здесь наблюдалась низкая преступность, соответствующая земледельческому характеру этого района.

Диаграмма №1


Урожай и общие числа возникших дел и осужденных
Осужденные в Окружном Суде
(отклонения от средней)
Средняя
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900
1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
+300
+200
+100
0
-100
-200
Число возникших дел (отклонен. от выравнен.)
и урожай (отклонен. от средней)
1888
1889
1890
Средняя (урожай)
Выравненная (возн. дела)
+4
+3
+2
+1
0
-1
-2
-3
-4
-
+400
+300
+200
+100
0
-100
-200
-300
-400
-500
Осужденн. в местн. судах
(отклонен. от выравнен.)
Выравненная
Урожай
Возн. дела
+200
+100
0
-100
-200
-300
Отклонения от средней
Урожай -сам
Осужд. в окр.суде
Осужд. в местн.судах
Возникш. у суд. след. дела

на уровне 1911 г.). Соответственно обратного понижения преступности в урожайные годы при рассмотрении общего числа возникших дел не наблюдается. Применяя метод корреляционного исчисления [1], получаем, что коэффициенты корреляции для совподающих лет (если считать, что влияние урожая сказывалось в тот же год) равняются:

Период	Числа возникших у судебных следователей дел	
	Урожай-сам	Цены на рожь
1892—1901 г.г.	— 0,58	+ 0,22
1902—1914 г.г.	— 0,23	+ 0,32

Это служит объективным доказательством того, что между числом возникших дел и урожайностью наблюдается за оба периода обратная зависимость и прямая зависимость тех же чисел от цен на рожь, при чем следует отметить весьма слабую связь с ценами за оба периода и с урожаем за второй период. Превышение коэффициентов корреляции преступности и урожайности по сравнению с таковыми же преступности и цен знаменует большое значение для этого района урожайности. Для периода 1902—1914 г.г. имеет место превышение вторых коэффициентов над первыми, что обозначает большое значение хлебных цен для последних лет. С большим влиянием цен в 1902—1914 г.г. будем встречаться и в других преступлениях, и это обстоятельство в некоторой степени затемняет во второй половине периода непосредственное влияние урожая.

Несомненно, что повышения цены хлеба, соответствующие пониженным урожаям, для земледельческого населения Самарской губернии, могли быть до некоторой степени благоприятны, поскольку земледельцы могли выгоднее сбывать продукты сельского хозяйства, и обратно—пониженные цены (в годы повышенных урожаев) были для земледельцев неблагоприятны, обесценивая продукты их производства. Этим, вероятно, объясняется, что лишь годы больших неурожаев сопровождались в Самарской губернии увеличением преступности, годы же больших урожаев не понижали немедленно ее интенсивности.

Для сельско-хозяйственных рабочих особенно неблагоприятными были годы больших неурожаев, так как в эти годы цены на рабочие руки падали при высоких ценах на хлеб, что в действительности и было в 1898, 1901, 1906 и 1911 годах, так же как и в знаменитом 1891 году.

Рассматривая число возникших дел Самарской губернии в сравнении с урожаями и коэффициенты корреляции с урожаями и ценами, строго говоря, мы не находим большой зависимости между ними, но во всяком случае можем констатировать, что годы больших неурожаев отличаются большим числом возникших дел о совершенных в губернии преступлениях. Этот вывод является очень важным для понимания соотношения чисел осужденных и урожайности. Благодаря тому, что между временем возникновения дела у судебного следователя и временем осуждения

[1] Как указывалось, вследствие эволюции чисел возникших дел, при исчислении коэффициентов корреляции, так же как и на диаграммах, взяты отклонения этих чисел не от арифметической средней, а от кривой выравненного ряда.

в окружном суде протекает промежуток времени до 1 года, очевидно, соответствующие урожайности изменения интенсивности чисел осужденных следует искать не в этом же году, как для возникших дел, а возможно и в следующем году (этот срок изменяется в зависимости от рода дел), поскольку мы установили, что неурожай сказывается в том же году на числе дел.

Второй вывод из рассмотренного тот, что зависимость между урожаем и общим числом осужденных в окружном суде, вероятно, будет обратная или, что то же, прямая с ценами на хлебные продукты.

Рассматривая соотношение между урожаями и числом осужденных в окружном суде, остановимся на неурожайных годах 1891,1898, 1901, 1906 и 1911. Эти годы отличаются высокой преступностью (кроме 1901), равно как и следующие за ними, что объясняется тем, что часть дел, вызванных неурожаем, оканчивается в следующие за неурожайными годы. Что касается годов урожая 1894, 96, 99, 1900, 02, 03, 04, 08 и 09, то в следующем за каждым из этих лет наблюдается понижение числа осужденных в окружном суде.

Обращая внимание на характер урожайности Самарской губернии, нельзя не отметить, что в ней переходы от неурожаев к урожаям совершаются постепенно, а большие неурожаи не наступают внезапно за большими урожаями. Если преступность этой губернии находилась в зависимости только от урожаев, то она также должна быть циклична, при чем циклы ее должны соответствовать циклам урожаев. Но преступность даже земледельческой Самарской губернии явление сложное, зависящее не только от урожаев, но и еще от многих причин. Так, например, общее число возникших дел в Самарской губ., начиная с 1896 года, в общем неуклонно поднимается вверх, не соответствуя урожайности, колеблющейся около горизонтального уровня. Относительно числа возникших у судебных следователей дел *Е. Н. Тарновский*[1] нашел, что по этому числу нельзя судить о движении преступности, вследствие большого числа дел, прекращенных до судебного разбирательства (до 55% общего числа). Действительно, числа осужденных, как это придется отметить ниже, дают более ясное соответствие преступности и урожайности. Однако, даже числа возникших дел по Самарской губ. в некоторых случаях соответствуют циклам урожаев: таков цикл 1900—1904 г.г. Цикл 1904—1907 г.г., пожалуй, правильнее будет объяснить революционной эпохой этих лет, хотя возможно и соответствие с урожаями. Значительно яснее выражены эти циклы в числах осужденных и очень ясны при этом они в движении осужденных по отдельным видам преступлений. Рассматривая общее число осужденных в окружном суде в сравнении с урожаями, мы видим, например, что движению интенсивности урожаев с 1890 по 1894 (цикл с неурожаем 1891 г.) соответствует расположенный в обратном порядке цикл преступности 1890—1895 г.г., циклу урожайности 1896—1900 г.г.— цикл преступности 1897—1901 г.г., урожаям 1900—1904 г.г.— преступность 1901 — 1905 г. г., урожаям 1904 — 1909 г. г. — преступность 1905 — 1910 г.г.

Обращаясь к числам осужденных в местных судах, мы наблюдаем на первый взгляд странное явление: годам неурожаев вовсе не соответствует повышение преступности в этом же году. Это кажущееся несоответствие объясняется тем, что числа осуждений в местных судах повышаются на *следующий год*. Вряд ли было бы правильно объяснить это

[1] «Движение преступности по окружным судам».

только временем прохождения дел в судебных учреждениях, так как между моментом совершения преступления и рассмотрения дела в местном суде проходил небольшой промежуток времени. Кроме того, рассматривая урожайные годы и соответствующие им числа осужденных в местных судах, наблюдаем почти во всех случаях (1894, 1896, 1900, 1904 и 1909) урожайных годов уменьшение преступности. Правильнее объяснить это тем, что для местного земледельческого населения, большей частью проходящего через эти суды, неурожай сказывался не в этом же году, а в следующем, так как хлебные запасы, остатки урожаев с предыдущих годов, давали возможность продержаться до следующего года. Наоборот, урожайный год увеличивал благосостояние земледельца, и уже тем же летом преступность немедленно падала. При таком объяснении понятно, почему в 1909 г. произошло лишь незначительное уменьшение преступности, несмотря на большой урожай. Предыдущий перед этим продолжительный цикл 1905—1908 г.г. со слабой урожайностью сильно расшатал благосостояние крестьян, точно так же как и слабая урожайность 1888—1893 г.г. была настолько неблагоприятна, что, несмотря на урожайные 1894—1896 г.г., преступность значительно упала лишь в 1896 г. Таково погодное соответствие осужденных в местных судах с урожайностью.

Переходя к рассмотрению чисел осужденных в местных судах по циклам, придется иметь ввиду именно это смещение годов осуждения по сравнению с годами урожаев, особенно во вторую половину рассматриваемого периода. Нетрудно видеть, например, что годам урожаев 1891—1898 соответствует обратная интенсивность чисел осужденных в местных судах 1892—1899 г.г., точно так же как и годам 1898—1901—цикл 1899—1903. Циклу 1906—1911 г.г. соответствуют годы преступности 1908—1913. Таким образом, наблюдается постепенное перемещение соответствия между годами урожайности и годами преступности: соответствующие годы преступности постепенно отстают от 1 до 2 лет по сравнению с урожаями.

Предыдущее исследование предуказывает нам некоторые выводы, получаемые при вычислении коэффициентов корреляции, и дает возможность одни показания проверить другими. Если урожайность циклична и цикличны числа осужденных за некоторые виды преступлений, при чем число циклов и направление их выпуклостей находятся в обратном соответствии, то á priori можно предположить некоторые особенности коэффициентов корреляции этих рядов.

Предположим, что нам неизвестно, в каком соответствии находятся числа осужденных и интенсивность урожайности. Мы не знаем, является ли это соотношение прямым или обратным, с одной стороны, и через сколько лет изменение урожайности отражается на преступности,— с другой.

Будем вычислять коэффициенты корреляции двух циклических рядов урожайности и преступности. Если годы минимальной урожайности при этом будут совпадать с годами минимальной преступности, в таком случае будет наблюдаться соответствие и максимальных чисел и коэффициенты корреляции будут иметь положительное значение (+) с большим численным значением дроби (приближающимся к единице), т.-е. мы будем иметь случай прямой зависимости между урожаем и преступностью. Можно передвинуть цикличные ряды чисел таким образом, что годы минимальных чисел урожайности будут противополагаться максимальным числам преступности, а максимальные числа урожайности тогда будут соответствовать минимальным числам преступности. В этом случае

коэффициенты корреляции будут иметь отрицательное значение (—) и численное значение их также будет приближаться к единице (— 1), т.-е. будет иметься случай обратной зависимости между урожаем и преступностью.

Если, например, мы предположим, что урожаи 1890-1901 г.г. влияют на преступность тех же 12 лет, мы получим некоторый коэффициент корреляции; затем будем брать урожаи 1889—1900 г.г. и сравнивать их с преступностью того же периода 1890—1901 г.г., получим другое значение коэффициентов корреляции. Далее можем сравнивать ту же преступность с урожаями 1888—1899 г.г., 1887—1898 г.г. и т. д. Вследствие цикличности урожаев коэффициенты корреляции их с главнейшими видами преступности при этом будут закономерно изменяться.

Исчисленные нами коэффициенты для главнейших видов преступности следуют этому правилу.

Коэффициенты корреляции общих чисел осужденных и урожаев (урожай-сам)

Абсциссы по оси X [1]	Соотношение урожая и чисел осужденных	Окружный суд		Местные суды [2]			
		Откл. от средн. арифм. и урож.		Откл. от средн. арифм. и урож.		Откл. от выравн. ряда и урож.	
		1890—1901	1902—1913	1890—1901	1902—1913	1890—1901	1902—1913
— 1	Преступ. предшествует урожаям на 1 год .	+ 0,28	+ 0,29	+ 0,08	+ 0,73	+ 0,31	+ 0,73
0	Годы преступн. и годы урож. совпадают . .	— 0,26	— 0,37	— 0,28	+ 0,55	— 0,04	+ 0,46
+ 1	Урожаи предшествуют на 1 год	— 0,78	— 0,49	— 0,63	— 0,08	— 0,32	— 0,14
+ 2	Урожаи предшествуют на 2 года	— 0,29	— 0,04	— 0,57	— 0,64	— 0,47	— 0,57
+ 3	Урожаи предшествуют на 3 года	— 0,31	— 0,04	— 0,21	0	+ 0,10	— 0,09
+ 4	Урожаи предшествуют на 4 года	+ 0,01	+ 0,24	— 0,10	+ 0,40	+ 0,52	+ 0,24

Это отступление от рассмотрения влияния урожайности на число осужденных по всем видам преступности мы сделали не только для того, чтобы вообще указать на математическое доказательство существования цикличности некоторых видов преступности (заметное, впрочем, и непосредственному наблюдению), но и затем, чтобы выяснить цикличность

[1] См. диаграмму № 3.

[2] Вследствие эволюции ряда чисел осужденных в местных судах коэффициенты корреляции исчислены как для отклонений от средней арифметической, так и для отклонений от выравненного ряда. На диаграмме для местных судебных учреждений показаны отклонения от выравненного ряда.

общих чисел осужденных в окружном и местных судах в соответствии с циклами урожайности. Этим объясняется закономерное изменение коэффициентов корреляции, если их исчислять постепенно: 1) при совпадении годов урожайности и преступности, 2) при предшествовании урожайности на 1 год. 3) на 2 года и т. д. Для того, чтобы еще более убедиться в закономерном изменении коэффициентов корреляции, мы предположили, что преступность предшествует на 1 год урожайности, полагая, что при этом должен получиться коэффициент корреляции, не противоречащий общему характеру постепенности изменения коэффициентов. Вычисленные коэффициенты вполне подтвердили это предположение (см. табл. на стр. 167).

Эта таблица подтверждает выводы, сделанные при непосредственном рассмотрении ломаных линий погодного движения урожайности и преступности: 1) все четыре группы коэффициентов представляют правильно изменяющиеся ряды; 2) величины эти имеют значения постепенно уменьшающиеся, а затем постепенно увеличивающиеся, *завершая полуцикл, приблизительно равный четырем—пяти годам.* Наибольшие отрицательные значения коэффициенты имеют при сопоставлении чисел осужденных с урожаями предыдущих лет (за 1 и 2 года).

Во всяком случае можно считать доказанным для рассматриваемых нами общих чисел осужденных Самарской губ. как для окружных, так и для местных судебных учреждений, что влияние урожайности сказывается на этих числах *не в тот же год, а в следующие.* Принимая во внимание, что между временем совершения преступления и временем осуждения в окружном суде протекает период до 1 года [1], следует полагать, что влияние урожайности на преступность обнаруживалось *к концу этого же и в течение следующего года.* Отрицательные значения коэффициентов подтверждают выводы непосредственного наблюдения об *обратной зависимости* между *урожаем и общими числами возникших дел и осужденных.*

Особенностью коэффициентов осужденных в местных судах являются большие значения коэффициентов корреляции при сопоставлении преступности с урожайностью, при условии предшествования урожая на два года: это объясняется. как было указано, устойчивостью крестьянского населения в те годы против влияния неурожая.

Заканчивая общую характеристику преступности Самарской губернии, отметим одно явление, констатируемое при сравнении величин коэффициентов корреляции возникших дел с урожаем и осужденных с урожаем: *зависимость между осужденными и урожайностью является более ясною, нежели между числом возникших дел и урожайностью.*

II. Похищения

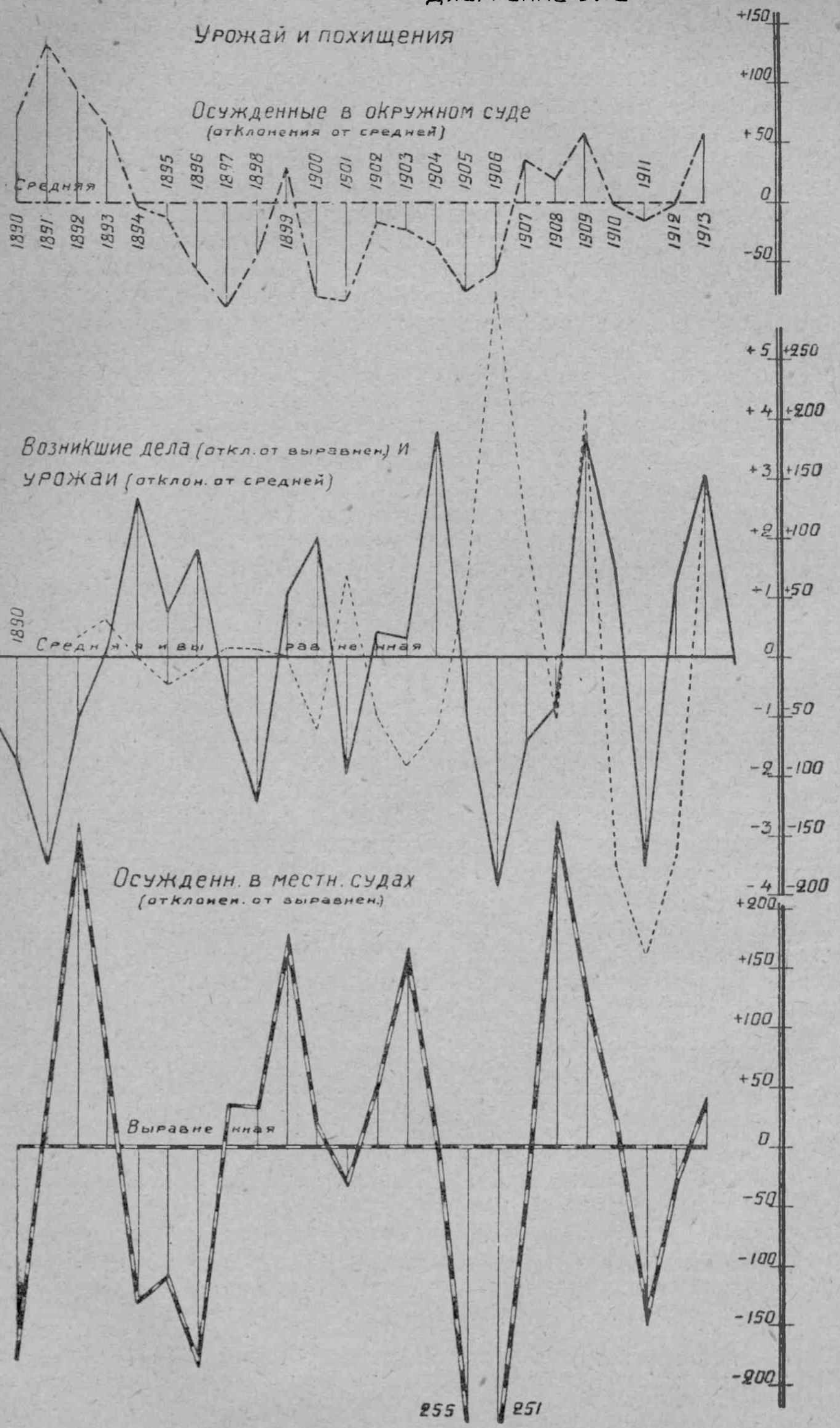
(Диаграммы №№ 2 и 3)

Различные виды похищений составляли довольно внушительную часть общего числа преступлений Самарской губернии: около 30% всех

[1] Тарновский («Движение делопроизводства в общих судебн. установлениях») вычислил, что (в 1884-86 г.г.) в Саратовском округе оконченные производством дела продолжались:

Менее 1 месяца	10,9%
От 1 до 6 месяцев	52,2%
Более 6 »	23,9%
» 1 года	9,1%
» 2 лет	3,9%

Диаграмма №2


Урожай и похищения
Осужденные в окружном суде
(отклонения от средней)
Средняя
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1900
1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
+150
+100
+50
0
-50
Возникшие дела (откл. от выравнен.) и
УРОЖАИ (отклон. от средней)
1888
1889
1890
Средняя выравненная
+5
+4
+3
+2
+1
0
-1
-2
-3
-4
+250
+200
+150
+100
+50
0
-50
-100
-150
-200
Осужденн. в местн. судах
(отклонен. от выравнен.)
Выравненная
+200
+150
+100
+50
0
-50
-100
-150
-200
255
251

возникших у судебных следователей дел, 40% осужденных окружным судом и 60% осужденных местными судебными учреждениями. Как это было замечено *Е. Н. Тарновским*, для этого района погодное движение преступлений против собственности шло в том же направлении, как и общих чисел преступлений. Число возникших дел, после подъема, вызванного неурожаем 1901 г., падает до 1903 г. и после этого года начинает неуклонно повышаться до 1906 г. После этого года, однако, наблюдается некоторое различие в интенсивности колебаний возникших дел о похищениях [1] по сравнению с общим числом возникших дел: первые колеблются более резко. Числа возникших дел о похищениях вдвое выше к концу периода по сравнению с началом, даже принимая во внимание различие в населении. Иное наблюдается при рассмотрении чисел осужденных за похищения в окружном [2] и местных [3] судах Самарской губернии. Числа эти, упавшие к началу XX столетия, после повышения, вызванного неурожаем 1891 г., по прошествии эпохи 1914—1907 г.г., повышается в последующие годы. В общем, однако, следует указать, что числа осужденных как в окружном, так и в местных судах не поднимались уже более до уровня 1891—1893 г.г. Не безынтересно отметить, что в погодном изменении ломаных линий чисел осужденных за похищения наблюдается параллелизм к изменениям ломаных общих чисел осужденных. Если по отношению к числам осужденных в местных судах можно полагать, что такое сходство в значительной степени объясняется высоким процентом (около 60%) осужденных за разные виды похищений из общего числа там же осужденных, то по отношению к числам осужденных в окружном суде сказать этого нельзя. Это сходство является результатом аналогичного влияния урожая на интенсивность и других видов преступности.

Обращаясь к рассмотрению влияния урожайности на число возникших у судебных следователей дел о похищениях, следует указать на слабую зависимость между этими величинами. Неурожайный 1898 г. не вызвал большей интенсивности возникших дел этого рода, чем предыдущие и последующие годы; неурожаи 1911, 1901 г.г., так же как и 1906 г., напротив, отличались большим числом возникших дел. Цикличность здесь выражена очень слабо. Ясно выраженным нам представляется лишь первый цикл (до 1898 г.). Во второй половине периода зависимость между урожайностью и преступностью выражена слабее нежели в первой.

Все это подтверждается исчислением коэффициентов корреляции между числом возникших дел об этих преступлениях и урожайностью — хлебными ценами.

	Коэффициенты корреляции чисел возникш. дел о похищении			
	с урожайностью		с ценами на рожь	
	1892—1901 г.	1902 – 1914 г.	1892—1901 г.	1902—1914 г.
Годы совпадают . . .	— 0,76	— 0,02	+ 0,20	+ 0,34
Урожай и цены предшествуют на 1 год	— 0,33	— 0,12	+ 0,08	+ 0,10

[1] Здесь включены по «Сборникам статистических сведений» рубр. 36 + рубр. 38.
[2] В эту группу включены рубрики 69 — 76 «Сводов статистических сведений» кроме р.р. 74^1 и 74^2.
[3] Включены рубрики 4 — 7 и 9 — 12 «Сводов стат. свед.».

Отсюда: 1) похищения находятся в обратном соотношении с урожайностью и в прямом с ценами; 2) более ясно зависимость с урожайностъю выражена в первой половине периода.

Зависимость между числом возникших дел о похищениях и урожайностью, хотя и слабо выраженная, все же дает нам важные предуказания для сравнения чисел осужденных с урожайностью. Как и в общих числах, мы знаем теперь из предыдущего, что: 1) зависимость между урожайностью и преступностью видимо будет *отрицательная*, т.-е. чем выше урожайность, тем меньше числа осужденных, и наоборот; 2) зависимость на числах осужденных должна обнаруживаться через некоторое время, а не в тот же год.

Обращаясь к числам осужденных за похищения как в местных, так и в окружном судах, мы находим ясно выраженную зависимость чисел осужденных от урожаев.

Что касается чисел осужденных окружными судами, то неурожайным годам—1891, 1898, 1901, 1906, 1911—соответствует повышение чисел осужденных в 1891, 1898—1899, 1902, 1907, 1912—1913, т.-е. наблюдается постепенное смещение изменения преступности по сравнению с соответствующими годами неурожаев: если в начале рассматриваемого периода неурожайный 1891 г. вызвал в этот же год повышение числа осужденных, то в последующие неурожаи это повышение уже переходит постепенно на последующие годы. Аналогичная картина получается и при рассматривании влияния урожайных годов, а также и циклов преступности. Если годы больших урожаев (1894, 1900 и 1904) отличаются в то же время пониженной преступностью, то влияние урожаев 1909—1910 г.г. обнаружилось в 1910—1911 г.г. Если рассматривать преступность по циклам, то и здесь можно проследить это же смещение. Неурожаям до 1893 г. включительно соответствует обратный цикл преступности до 1894 г. Следующему циклу до неурожая 1898 г. соответствует цикл преступности 1894—1899 г.г. Урожайному циклу 1898—1901 г.г. соответствуют числа осужденных 1899—1902 г.г., урожаям 1901—1906 г.г. — преступность 1902—1907 и циклу 1906—1911 г.г. — цикл преступности 1907—1913 г.г. за небольшим исключением 1909 г.

В числах осужденных за похищения в местных судах влияние урожайности не менее ясно. Здесь, однако, смещение чисел осужденных наблюдается в еще большей степени. Уже неурожаю 1891 г. соответствует максимум осужденных лишь в 1892 г., 1898 г. — в 1899 г., 1901 г. — в 1902 г., 1906 г.—в 1907—1909 г.г., 1911 г. — в 1912—1913 г.г.

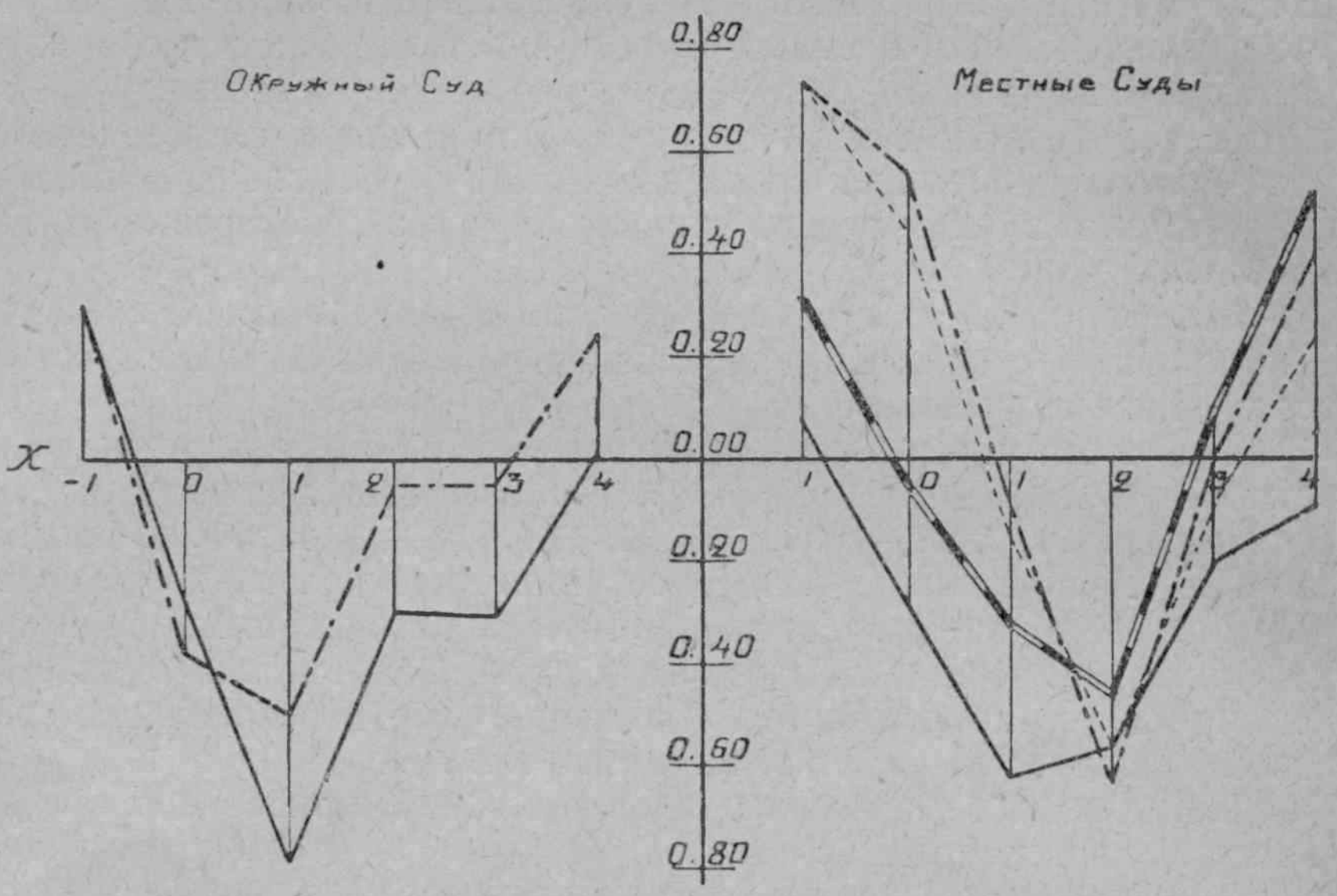
Что касается больших урожаев, то они оказывают влияние в этом же году, понижая числа осужденных. Однако, соответствующее этим урожаям максимальное понижение чисел осужденных наблюдается не в этом же году. Так урожаю 1900 г. соответствует понижение 1900—1901 г.г., урожаю 1904 г. — понижение 1905 г. и урожаю 1909 г. — пониженное число осужденных в 1911 г. То же наблюдаем мы, прослеживая циклы преступности по сравнению с урожайными циклами. Урожаям 1890—96 г.г.[1] соответствует обратное движение осужденных до 1897 г., следующему урожайному циклу до 1900 г. соответствуют числа осужденных до 1901 г.; урожаям 1900—1904 г.г. — преступность 1901—1905 г.г.; урожаям 1904—1909 г.г. — число осужденных в 1905—1911 г.г.

Это отражается и на коэффициентах корреляции (числа осужденных остаются без изменения, смещается урожай).

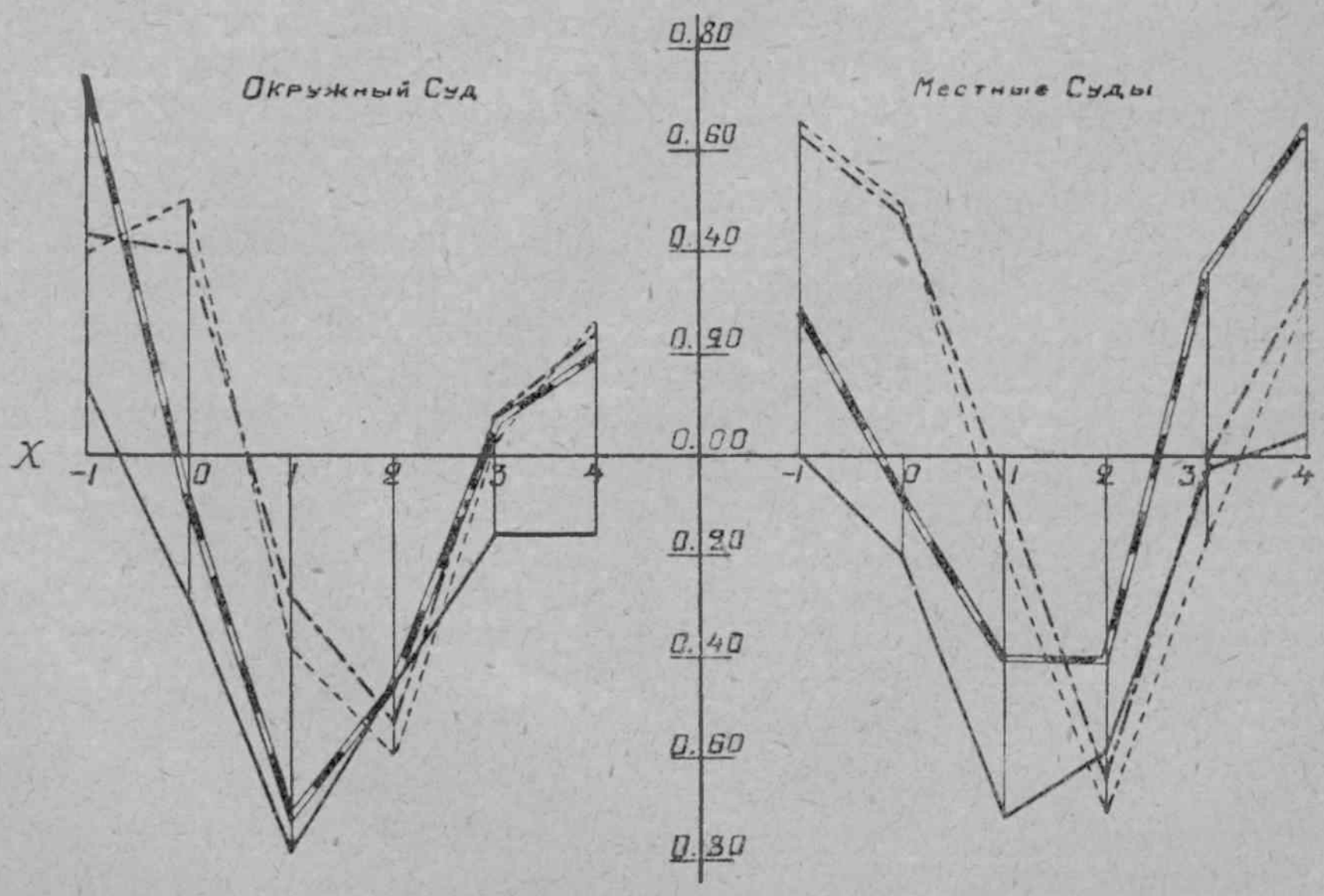
[1] Урожайные циклы можно брать и таким образом, как и для окружн. суда — результат рассмотрения не изменится.

Диаграмма № 3

Коэффициенты корреляции общих чисел осужденных и урожайности



Коэффициенты корреляции чисел осужденных за похище-ния и урожайности



Коэффициенты корреляции чисел осужденных и урожаев

Абсцисса по оси X[1]	Соотношение урожая и чисел осужденных	Окружный суд				Местные суды			
		Откл. от средней арифм		Откл. от выравн. ряда		Откл. от средней арифм		Откл. от выравнен. ряда	
		1890—1901	1902—1913	1890—1901	1902—1913	1890—1901	1902—1913	1890—1901	1902—1913
— 1	Преступ. предшеств. урож. на 1 год . .	+ 0,13	+ 0,43	+ 0,75	+ 0,39	0	+ 0,63	+ 0,29	+ 0,65
0	Годы прест. и урожайности совпадают. .	— 0,27	+ 0,40	— 0,07	+ 0,50	— 0,20	+ 0,48	— 0,08	+ 0,49
+ 1	Урож. предш. на 1 год . .	— 0,78	— 0,27	— 0,71	— 0,38	— 0,72	— 0,04	— 0,41	— 0,15
+ 2	Урож. предш. на 2 года . .	— 0,47	— 0,55	— 0,47	— 0,59	— 0,60	— 0,64	— 0,41	— 0,70
+ 3	Урож. предш. на 3 года . .	— 0,16	+ 0,07	+ 0,06	+ 0,03	— 0,03	— 0,01	+ 0,36	— 0,17
+ 4	Урож. предш. на 4 года . .	— 0,16	+ 0,24	+ 0,18	+ 0,26	+ 0,03	+ 0,34	+ 0,64	+ 0,31

Здесь, как и в числах осужденных за все преступления, наблюдается закономерное изменение коэффициентов корреляции: 1) уменьшаясь и принимая отрицательное значение, по достижении максимального численного значения они начинают снова приближаться к 0 и переходят в положительные величины; 2) во второй период наиболее ясно выраженная отрицательная зависимость наблюдается через 1 год, а не на следующий год, как в первом периоде; 3) в период 1902—13 г.г. зависимость между урожаями и преступностью выражена слабее нежели в 1890—1901 г.г. (если брать отклонения от средней), однако отклонения от выравненного ряда в местных судах дают значительный коэффициент корреляции.

Сравнимая эти коэффициенты с коэффициентами возникших дел, следут признать более ясно выраженную зависимость между урожайностью и числом осужденных за похищения, нежели между урожайностью и возникшими делами этого рода. Впрочем, это ясно и из непосредственного рассмотрения ломаных линий погодного движения этих преступлений.

Заканчивая рассмотрение влияния урожайности на похищения, следует отметить, что смещение влияния подтверждается и данными о возникших делах. И там в конце периода изменение урожая обнаруживалось не в тот же год (как это было в начале), а на следующий, и что вслед-

[1] См. диаграмму № 3.

ствие причин, о которых уже упоминалось, во втором периоде это влияние не было так ясно.

Рассматривая влияние хлебных цен и урожаев в районе Нижнего Поволжья (губернии Казанская, Ульяновская, Саратовская и Самарская) за период с 1874 до 1894 года, в 1898 г. *Тарновский*[1] пришел к выводу, что «в данном районе по цене и по урожаю хлеба можно предсказать уровень имущественной преступности, и наоборот — настолько полно отсутствие каких-либо посторонних влияний, могущих затемнить или парализовать влияние хлебных цен на преступность». Скоро, однако, наступила эпоха, внесшая новые факторы и затемнившая влияние урожаев.

На примере похищений, может быть, всего легче объяснить, почему мы наблюдали более быстрое влияние неурожаев и увеличение чисел осужденных окружным судом, нежели в местных судах, хотя процессуальные сроки в первом были более длительны. В окружном суде встречаются рецидивисты, более неустойчивый элемент (хотя бы «батраки»), материально необеспеченный, способный к совершению более тяжелых краж, грабежей при первом натиске неурожая, в то время как более устойчивое хозяйственное население долгое время противодействует этому влиянию и лишь через 1—2 года совершает преступление не тяжелого характера, рассматриваемое местным судом.

Не есть ли смещение, особенно ярко проявляющееся в числах осужденных, результат удлинения времени расследования и рассмотрения дел? Возможно, что до некоторой степени это удлинение производства[2] оказывало влияние на смещение.

Из 100 оконченных в пределах 28 губерний Европ. России следствий продолжались производством:

Годы	До 1 месяца	От 1 до 6 месяцев	Более 6 месяцев
1889—1893	55	40	5
1894—1900	56	39	5
1901—1905	54	40	6
1908—1912	46	41	13

Отсюда мы видим, что, действительно, к концу рассматриваемого нами периода увеличивается число следствий, продолжающихся более 6 месяцев.

Кроме этого удлинения продолжительности следствий, наблюдается также увеличение сроков рассмотрения дел в окружных судах в судебных заседаниях.

Из 100 дел, оконченных окружными судами той же территории в судебных заседаниях, продолжались производством:

Годы	До 3 месяцев	От 3 до 6 мес.	От 6 м. до 1 г.	Более 1 года
1889—1894	24	47	23	6
1895—1900	22	48	25	5
1901—1905	14	46	29	11
1906—1912	26	36	24	14

Однако, это смещение зависимости преступности от урожаев за вторую половину рассматриваемого периода наблюдается и в местных судах, где дела о кражах в массе не могли тянуться по 2 года.

[1] Е. Н. Тарновский, Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России, «Журн. Мин. Юст.», 1898 г.

[2] Е. Н. Тарновский, Статистические сведения о деятельности судебн. устан. за 1816—1912 г.г., П. 1915 г.

Тогда не следует ли принять, что между урожаем и его отражением на преступности протекал всегда один срок? При этом предположении мы получили бы, что в начале рассматриваемого 26-летнего периода (в 90-х годах) между урожаем и похищениями существовало ясно выраженное обратное соотношение, т.-е. уменьшению урожая соответствовало увеличение преступности и наоборот. В последующие годы, в начале XX столетия, это влияние нейтрализовалось и, наконец, к концу периода переходило бы в прямое, т.-е. с падением урожая падала и преступность. Мы пришли бы к выводу противоположному как здравому смыслу, так и твердо установленным выводам криминологии. Кстати, этот вывод нельзя было бы объяснить и потреблением алкоголя, которое во всяком случае до 1910 г. шло параллельно урожаям. Следует оставить и это предположение.

III. Убийства

(Диаграммы №№ 4 и 7)

Развитие убийств в Самарской губернии шло приблизительно аналогично общим числам преступлений и похищениям. Количество возникших дел [1], колеблющееся около горизонтального уровня в начале рассматриваемого периода, в XX столетии обнаруживает значительный рост даже сравнительно с ростом населения, числа же осужденных [2] в общем колеблются около горизонтального уровня и сравнительно с населением уменьшаются. Убийства составляют за рассматриваемый период в среднем 6% из общих чисел возникших дел и 7% из чисел осужденных окр. судом, при чем первое число на протяжении периода в некоторые годы колебалось от 5 до 8%, а второе от 4 до 11%. Господствующее в криминологии мнение считает интенсивность убийств, так же как и телесных повреждений, обратной интенсивности имущественных преступлений, в смысле влияния на эти преступления урожаев и хлебных цен. Относительно Нижне-Волжского района *Тарновский* говорил, что «нигде противоположность направления кривой преступлений против собственности и против личности не выступает с большей ясностью, чем в Поволжском р., именно вследствие большой зависимости местного населения от урожаев хлеба и значительности колебания самых урожаев» [3]. Объяснение этого явления исследователи [4] находят в большом потреблении алкоголя в урожайные годы. Однако, исследуя влияние алкоголизма на различные виды преступности по осужденным, тот же *Тарновский* [5] пришел к выводу, что в обоих случаях, где имелась возможность исследовать влияние алкоголизма на убийства (в Бельгии и России), осужденные за убийство почти никогда не совершали преступления в состоянии опьянения. Точно так же и д-р *Григорьев*, рассматривая влияние алкоголя на осужденных за различные виды преступлений по Петербургу, нашел слабую зависимость между потреблением алкоголя и «смертоубийцами» [6].

Так в Бельгии за 1908—1910 г.г. из общего числа осужденных 155 мужчин лишь один совершил преступление в состоянии опьянения, что составит 0,9% — самая меньшая величина из всех 19 групп преступлений.

[1] Рубр. 24 «Свод. стат. свед.».
[2] Рубр. 47, 48, 49 «Свод. стат. свед.».
[3] Движение главнейш. видов преступлений в двенадцати естественных районах.
[4] Напр. Тарновский, Влияние хлебных цен.
[5] Алкоголизм и преступность, Доклад пост. комисс. об алкоголизме 1 дек. 1912 г.
[6] Н. И. Григорьев, Алкоголизм и преступления в С.-Петербурге.

В России за 1907—1909 г.г. процент совершивших преступление в состоянии опьянения из общего числа осужденных за убийства составляет 9,2% и стоит на 6-м месте из 20 групп преступников.

По данным *Григорьева*, в Петербурге и уездах процент пьяниц среди обвиняемых за «смертоубийство» составлял 48, тогда как за кражу этот процент равнялся 61.

Рассматривая данные об убийствах в 4-х восточных губерниях (в том числе и Самарской), *Тарновский* [1] даже относительно числа возникших дел признавал слабую зависимость от алкоголя убийств, равно как и преступлений против женской чести.

Все эти данные [2] заставляют нас очень осторожно подходить к исследованиям влияния урожайности на убийства, поскольку мы видим, что влияние алкоголизма на убийства далеко не ясно.

Одной из причин этой неясности, прежде всего, является разница в характере исследуемого материала.

Обращаясь к числу возникших дел об убийствах, действительно, нетрудно подметить прямую зависимость между урожайностью и убийствами. Годы урожаев—1894, 1900, 1904, 1909 и 1913—отличаются повышенным числом возникших дел этого рода. Обратно, неурожайные годы—1892, 1898, 1901 и 1911—отличаются пониженным числом возникших дел. В некоторых случаях повышение и понижение распространяются и на следующие годы (1897, 1902). Ярким исключением из этого является период 1904—1908 г.г. Здесь число возникших дел об убийствах (кстати сказать, достигавшее в голодный 1906 г. максимума) идет из года в год совершенно в другом направлении. Объяснение этому до некоторой степени можно видеть в обстоятельствах этой эпохи.

Коэффициенты корреляции в общем подтверждают *прямую* зависимость между числами возникших дел об убийствах и урожаями и *обратную* — с ценами:

Коэффициент корреляции чисел возникших дел об убийствах

	Цены на рожь		Урожай-сам	
	1892 — 1901 г.	1901 — 1914 г.	1892 — 1901 г.	1901 — 1914 г.
Год урожая или цен совпадает с годами возникших дел . .	— 0,13	+ 0,13	+ 0,25	— 0,24
Год урожая или цея предшествует на 1 год	— 0,83	— 0,11	+ 0,52	+ 0,14

Нельзя не отметить, как это мы видели и раньше, что 1) связь во второй части периода слабее, нежели в первой, 2) сильнее обнаруживается влияние на следующий год, а не в год урожая.

[1] Доклад комиссии по вопросу об алкоголизме 20 дек. 1900 г.

[2] Исследование «календаря» убийств (движение по месяцам) указывает, что это преступление более походит на имущественное, чем на другие преступления против личности (данные об осужденных).

Диаграмма № 4

Урожай, убийства и детоубийства

Далеко не такую картину мы наблюдаем, рассматривая числа осужденных окружным судом. Ломаная, изображающая погодное движение, представляется в виде волн, при чем число этих волн равняется числу волн урожайности. Эта ломаная становится для нас непонятной, если бы мы стали искать прямой зависимости между числами осужденных за убийства и урожайностью. Так, первый минимум осуждения (1896 года) приходится на год высокого урожая после ряда урожайных лет. Второй минимум (1901 г.) совпадает с минимумом урожая. Однако, мы видели, что и возникшие дела об убийствах более соответствуют урожаям предыдущего, а не этого года. Поэтому соответствующее урожаям изменение чисел осужденных следует искать в следующие за урожаями годы.

Рассматривая выше вопрос об алкоголизме среди осужденных за убийства, мы заметили среди осужденных незначительный процент находящихся в состоянии опьянения. Между тем, алкоголь это единственное, что могло бы связать урожаи и убийства прямой зависимостью. Таким образом, как непосредственное рассмотрение ломаной осужденных за убийства, так и отсутствие вообще пьяных среди убийц дает повод поставить под знак вопроса прямую связь между числами осужденных за убийства и урожайностью. С другой стороны, несомненная цикличность, сходная с цикличностью урожаев, заставляет думать об этой связи. Поэтому мы поставили вопрос об обратной зависимости. Как нам представляется, такое предположение имеет большое основание. Числа осужденных за убийства в 1890—1894 г.г. выше и около среднего при небольших урожаях 1888—1892 г.г. Далее начинается падение чисел осужденных при высоких урожаях и т. д. Неурожаям 1898, 1906 и 1911 г.г. соответствует большое число осужденных за убийства в этих и *особенно в следующих годах*. Обратно: урожаям соответствуют пониженные числа осужденных. Характер коэффициентов корреляции убийств и урожаев аналогичен коэффициентам урожаев с общими числами осужденных и числами осужденных за похищения.

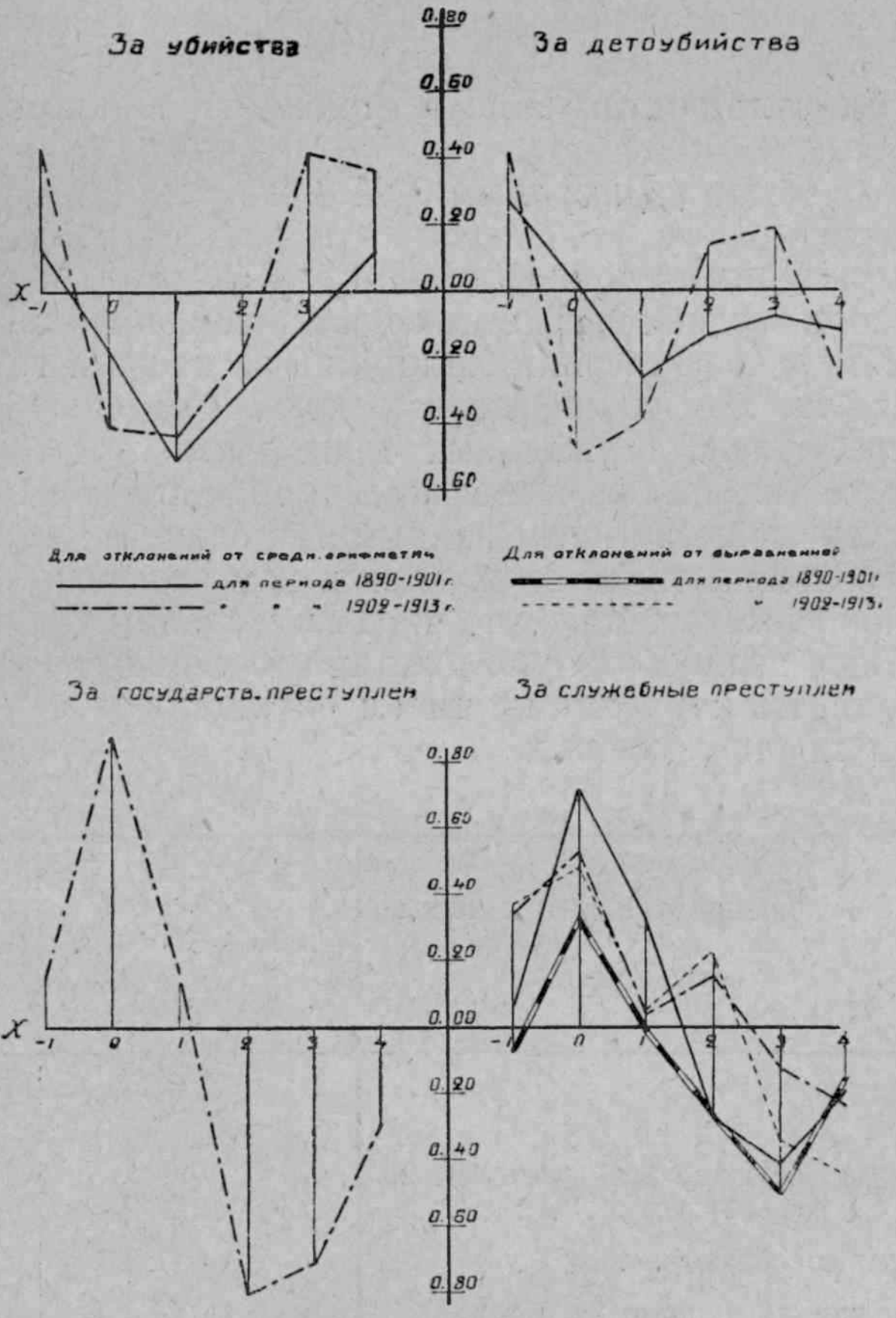
Абсцисса по оси X	Соотношение урожаев и чисел осужденных	1890 — 1901 г.г.	1902 — 1913 г.г.
— 1	Преступность предш. на 1 год урожаям	+ 0,13	+ 0,43
0	Годы осуждений и урожаев совпадают	— 0,17	— 0,43
+ 1	Урожаи предшеств. на 1 год . . .	— 0,50	— 0,43
+ 2	» » » 2 » . . .	— 0,23	+ 0,19
+ 3	» » » 3 » . . .	— 0,09	+ 0,41
+ 4	» » » 4 » . . .	+ 0,12	+ 0,36

Закономерность их изменения, характеризующая цикличность, отрицательное значение (особенно на следующий год), и, наконец, большая зависимость в первой половине периода дают все основания говорить, что

преступность лиц, осужденных за убийства, находилась в связи с урожайностью, при чем, подобно похищениям, неурожаям соответствуют большие числа осужденных за убийства. Это дает разгадку тому противоречию, которое находили исследователи влияния алкоголизма на убийства.

Диаграмма № 7

Коэффициенты корреляции урожайности и осужденных:



Раз осужденные за убийство совершали его не в связи с высоким урожаем, сопровождающимся «возлияниями русскому Бахусу», а под влиянием неурожая, то среди осужденных за убийства найти лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, столь же трудно, как и среди похитителей, — поэтому процент этих лиц среди осужденных за убийство так невелик. Если мы разрешаем это противоречие, то встает совершенно новый вопрос: почему число возникших дел прямо пропорционально урожаю — алкоголю, а осужденных — обратно? Наш материал не дает объяснения этому, но невольно подсказывается ответ. Дела возникали в связи с алкоголем, а были осуждаемы лица, действовавшие без опьянения.

Видимо, по возникающим делам об убийствах вследствие опьянения был большой процент прекращений, изменений вменяемых статей и оправданий.

Близок к истине был, видимо, известный исследователь Сибири *С. Максимов* [1], наблюдавший ссыльных и каторжан, когда писал, что «большинство случаев убийств являются следствием грабежа, меньшинство вызвано ничтожными и пустыми поводами, драками и ссорами в пьяном виде».

Точно так же и французская уголовная статистика конца прошлого века отмечала, что «корысть» как мотив убийств у осужденных наблюдается нередко [2].

IV. Детоубийство, оставление в опасности и сокрытие трупа

(Диаграммы №№ 4 и 7)

Число осужденных [3] в окружном суде за этот род преступлений весьма невелико, в среднем 0,6% всех осужденных окружным судом, и выражается по Самарской губернии единицами за каждый год. Однако, нам представляется, что в этих цифрах есть некоторая связь с урожаями. Так, наибольшее число осужденных приходится на 1891, 1899, 1902, 1907 и 1911 г.г., из которых первый и последний — неурожайные, а остальные годы — следующие за неурожайными. Годам высоких урожаев соответствуют небольшие числа осужденных, как это видно из диаграммы № 7. Нельзя не отметить также, что числа осужденных за эти преступления представляют волнообразную, цикличную ломаную.

Коэффициенты корреляции чисел осужденных с урожаями подтверждают эти предположения:

Абсцисса по оси X	Соотношение урожаев и чисел осужденных	1890 — 1901 г.г.	1902 — 1913 г.г.
— 1	Числа осужденных предшест. на 1 год	+ 0 28	+ 0,41
+ 0	Годы совпадают	+ 0,02	— 0,51
+ 1	Урожаи предшеств. на 1 год . . .	— 0,31	— 0,41
+ 2	» » » 2 » . . .	— 0,13	+ 0,13
+ 3	» » » 3 » . . .	— 0,08	+ 0,18
+ 4	» » » 4 » . . .	— 0,09	— 0,28

[1] «Сибирь и каторга», изд. 1891 г., часть 2, стр. 64.

[2] Уже после того, как настоящая работа была написана появились две статьи: Л. Скляра, Преступность в РСФСР в первых четвертях 1921 — 1923 г.г., — «Власть Советов», № 6—7, 1923 г.; и Ю. Ходакова, Убийства и голод,—«Рабоче-Крестьянская Милиция», № 5, 1924 года. В них на основании стат. данных Н. К. В. Д. доказывается. что голод 1921 года имел своим последствием увеличение числа возникших дел об убийствах.

[3] Рубр. 44 и 52 «Свода стат. свед.».

В первой половине периода наблюдается наибольшая зависимость на следующий год, во второй — в этом же и следующем году. Характер коэффициентов в общем напоминает коэффициенты похищений и убийств.

Нам представляется, что рассматриваемые преступления так же зависят от урожая, как похищения: голод заставляет внебрачную мать убивать, оставлять в опасности ребенка и скрывать труп.

Конечно, числа осужденных так ничтожны, что делать на основании этих материалов окончательные выводы невозможно.

Числа возникших дел этого рода в «Сборниках» не отмечались, почему проверить эти выводы на другом материале невозможно.

Однако, для подкрепления нашего вывода есть косвенные доводы. Статистика разных стран констатирует весьма слабое (сравнительно с другими преступлениями) понижение преступлений против жизни (в том числе и детоубийства) в годы войны, что объясняется как понижение «моральности» в это время.

Данные ЦСУ о войне 1914—1918 г.г. даже указывают значительный за год войны подъем числа детоубийств и сокрытия трупов новорожденных. Причина этому кроется в материальных затруднениях, которые усилились за время войны, в особенности для внебрачных матерей (обычных субъектов этих преступлений) Но разве неурожай не связан для них с затруднительным положением, да к тому же в голодающей деревне?

V. Служебные преступления

(Диаграммы №№ 5 и 7)

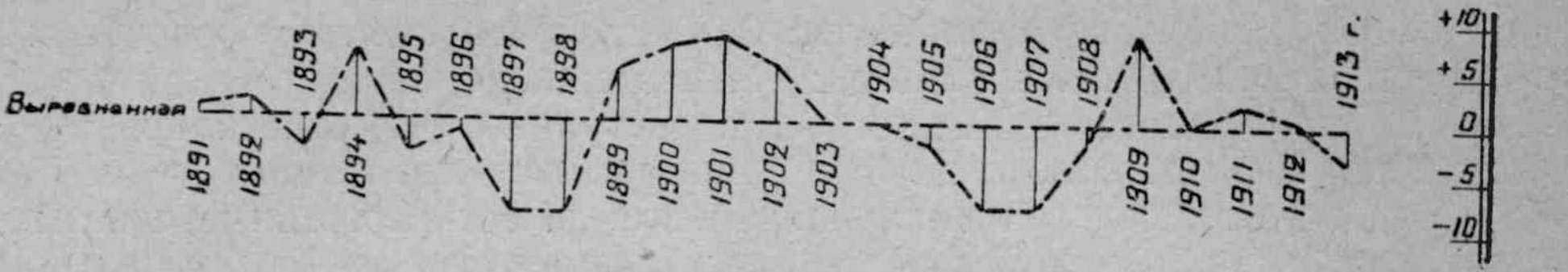
Исследуемые нами служебные преступления чаще всего вызываются корыстными мотивами. Среди возникших у судебного следователя дел служебные преступления [1] составляют группу, в среднем, в 5% из общего числа дел, колеблясь от 3% до 9%. Особенностью этой группы является интенсивность в начале и конце периода с провалом посредине. Однако, с точки зрения связи преступности с урожаем интересна не эта эволюция, а погодные колебания. Рассматривая колебания служебных преступлений — ясно видим обратный характер их по сравнению с урожаями, при чем цикличности урожаев соответствует цикличность служебных преступлений. Повышению урожайности от 1891 г. соответствует падение этих преступлений, циклу урожайности 1896—1900 годов — цикл преступности 1896—1901 г.г., и т. д., что совершенно ясно видно на диаграмме № 5. В этих преступлениях заслуживает внимания повышение числа возникших дел, соответствующее большим неурожаям не в этот же, а в следующий год, что отличает эти преступления от рассмотренных групп. Так, неурожаям 1898, 1901, 1906 и 1911 годов соответствует высокое число возникших дел на следующие годы. Объяснение этому заключается в условиях привлечения к ответственности должностных лиц, так как оно предварительно проходило через ведомства, в которых эти лица состояли на службе (гл. III, разд. III Уст. Уг. Суд.).

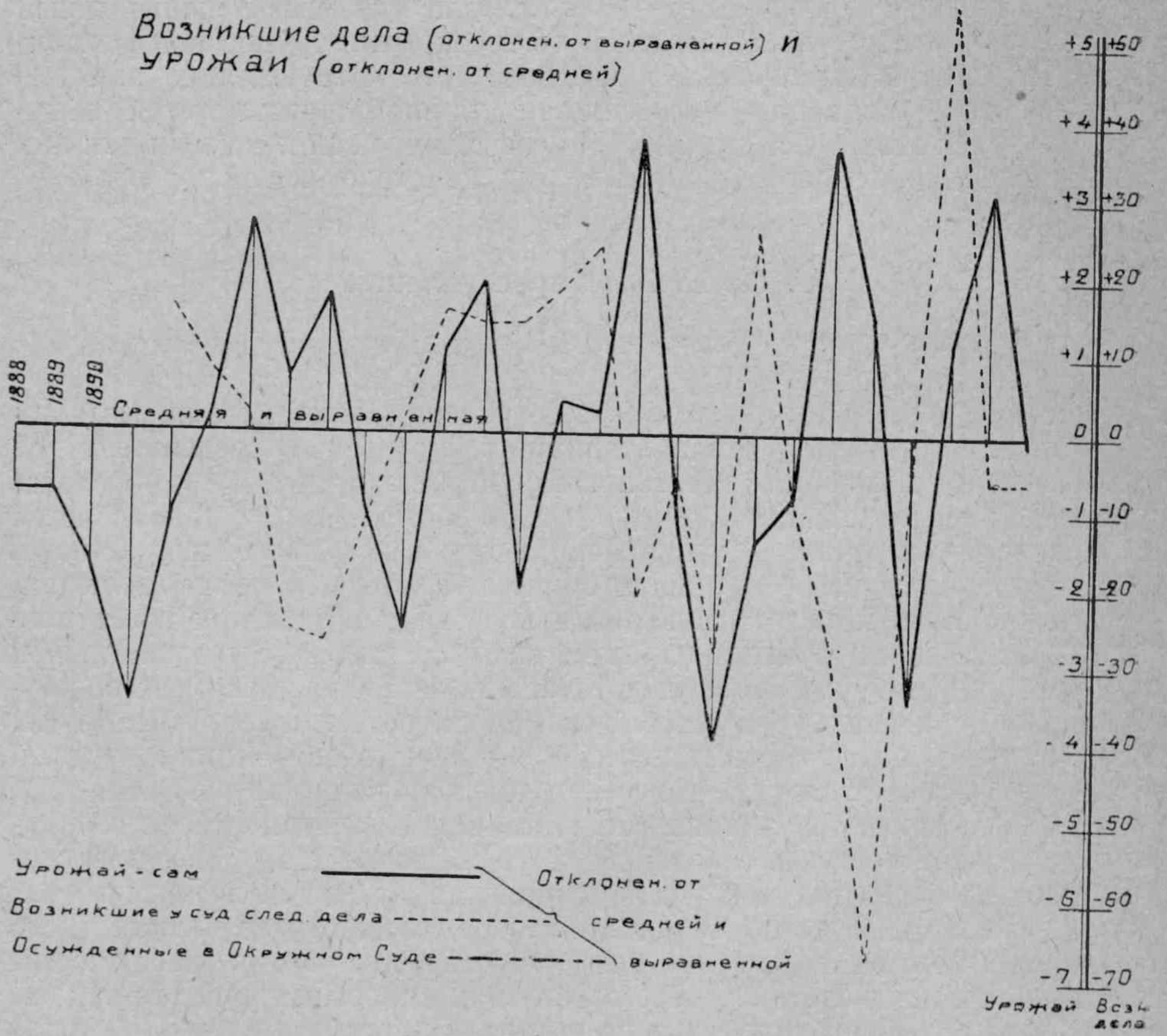
Коэффициенты корреляции очень ясно подтверждают это. При чем ни в одной группе возникших дел не было так ясно выражено соотношение преступности с ценами и урожаями.

[1] Рубрика 8 «Сборн. стат. свед.».

Диаграмма №5

Урожай и служебные преступления





Коэффициенты корреляции возникших дел о служебных преступлениях

	с ценами		с урожаями	
	1892 — 1901 г.	1902 — 1914 г.	1892 — 1901 г.	1902 — 1914 г.
Годы возникновения дел совпадают с урож. и ценами	+ 0,23	+ 0,38	— 0,24	— 0,16
Урожай и цены предшествуют на 1 год . .	+ 0,82	+ 0,57	— 0,54	— 0,40

Отсюда мы видим, что служебные преступления: 1) находятся в прямой связи с ценами на рожь и в обратной — с урожайностью;

2) связь эта теснее в начале периода нежели в конце (в соответствии с другими видами преступлений);

3) между временем возникновения служебных преступлений у судебных следователей и неурожаем протекало около года, хотя в слабой степени влияние этих факторов обнаруживалось и в этот же год.

С первого взгляда на диаграмму, числа осужденных находятся в большой *прямой* зависимости от урожаев. Однако, в связи с вышеизложенным такое соответствие кажется весьма невероятным. Нами были взяты сведения о времени прохождения дел о некоторых видах преступлений в судебных учреждениях [1].

	Из 100 оконченных в 1889 — 1895 г.г. дел					
	Приступлено к следствию по совершен. преступл.			Продолжались производством		
	Не долее 7 дней	Не долее 1 месяц	Более 1 мес. и неопред.	До 2 мес.	От 2 до 6 месяцев	Более 6 месяцев
Убийства	49,4	26,0	24,6	73,7	21,5	4,8
Кражи	37,5	28,4	34,1	74,2	20,8	5,0
Служебные преступления .	2,6	5,6	91,8	48,6	31,7	19,7
Все преступления (не только перечисленные)	31,8	25,3	42,9	75,3	19,5	5,2

Из них мы видим, что служебные преступления являются наиболее длительными. В соответствии с этим, а также с выводами, полученными при рассмотрении чисел возникших дел (возникающих лишь на другой год в обратной связи с урожаями), должно считать правильным обратное соотношение служебных преступлений с урожаями. При сопоставлении чисел осужденных с урожаями. получаем следующие коэффициенты корреляции:

[1] «Итоги русской уголовной статистики за 20 лет», С.П.Б. 1899 г.

Абсцисса по оси X	Соотношение урожаев и чисел осужденных	Урожаи и отклонение от средней		Урожаи и отклонение от выравнен. ряда	
		1890 — 1901	1902 — 1913	1890 — 1901	1902 — 1913
— 1	Годы осуждения предшеств. годам урожаев	+ 0,06	+ 0,34	— 0,07	+ 0,37
0	Годы осуждения совпадают с годами урожаев	+ 0,73	+ 0,53	+ 0,31	+ 0,48
+ 1	Годы урожая предшествуют годам осужден. на 1 год .	+ 0,33	+ 0,04	— 0,01	+ 0,05
+ 2	Годы урожая предшеств. на 2 года	— 0,27	+ 0,15	— 0,27	+ 0,23
+ 3	Годы урожая предшеств. на 3 года	— 0,41	— 0,12	— 0,51	— 0,34
+ 4	Годы урожая предшеств. на 4 года	— 0,19	— 0,24	— 0,15	— 0,45

Как и в других преступлениях, более закономерно изменение коэффициентов корреляции в первом периоде, при чем положительное значение, уменьшаясь, принимает отрицательное значение при сопоставлении чисел осужденных с урожаем третьего года, максимальное же отрицательное значение получается с урожаями четвертого года (между урожаями и осуждениями протекает до 3 лет). Во второй период отрицательное значение коэффициентов отдаляется еще на 1 год и становится не таким ясным; что опять походит на другие виды преступлений, находящиеся в обратной зависимости от урожаев.

Подводя итог всему изложенному, можно сказать, что и должностные лица Самарской губернии зависели от урожая.

Когда с неурожаем повышались цены на продукты, определенного жалованья не хватало для обычного проживания, — росли подлоги, растраты казенного имущества, взятки и т. п., с той лишь разницей по сравнению с кражами и грабежами, что проходили более длительные сроки до возникновения и разрешения дела.

VI. Государственные преступления

(Диаграммы №№ 6 и 7)

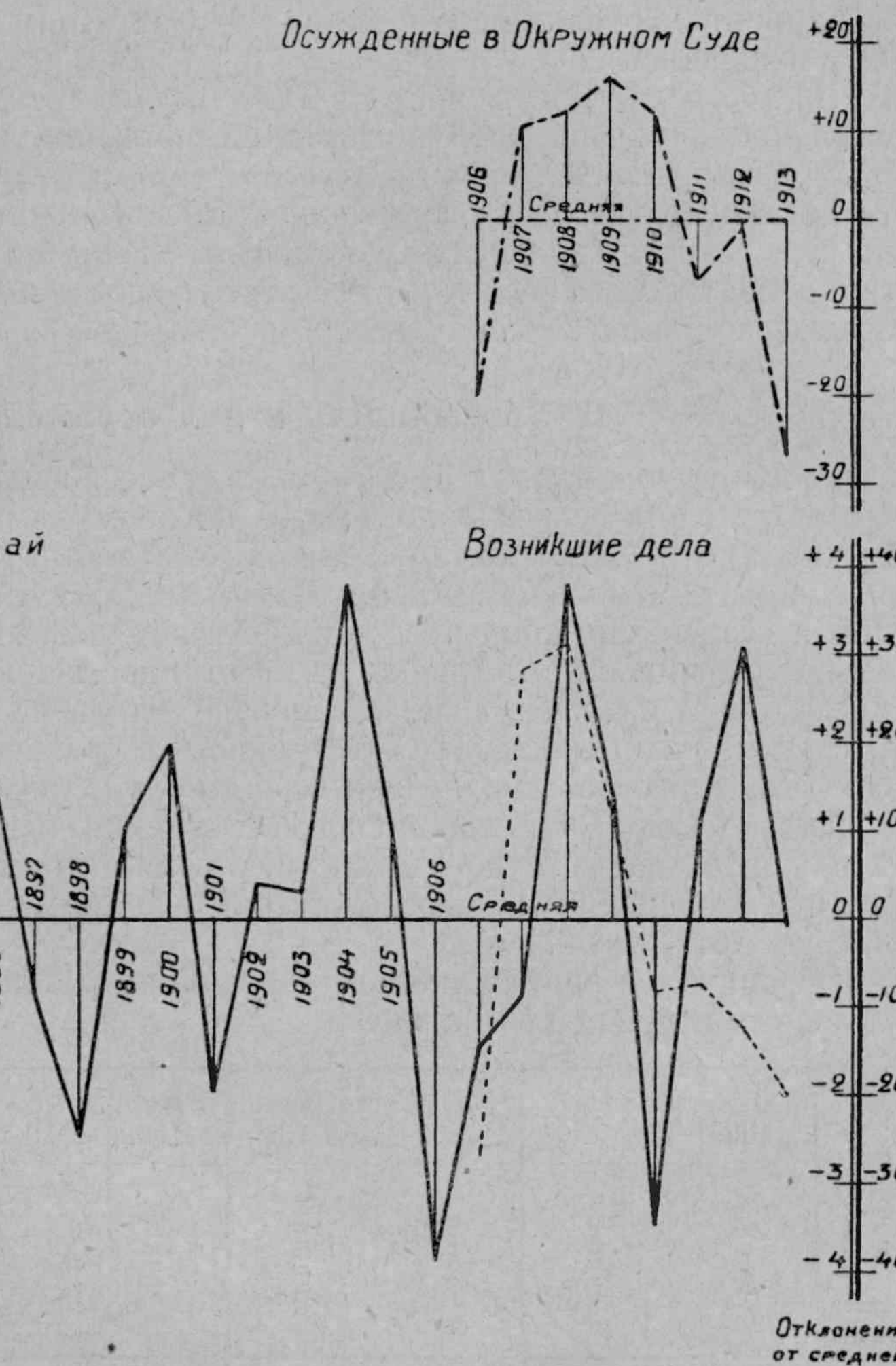
Исследовать по губернии возможно лишь те из государственных преступлений [1], которые подсудны окружному суду, т.-е. наименее серьезные, — так называемые «оскорбления величества», совершенные в состоянии опьянения, по невежеству: ст. 103 (часть 3), ст. 106 (часть 3) и 107 (часть 2) Уг. Ул. Однако, эти преступления более многочисленны, нежели серьезные государственные преступления, подсудные судебной палате или же разбиравшиеся военными судами. Вследствие такой подсудности процент лиц, совершивших государственные преступления в состоянии опьянения и осужд. окр. судом, очень велик. Так как серьезная политическая деятельность была сосредоточена в городах, то около 50%

[1] Рубр. 4. «Сборн. стат. свед.» и 5 «Свода стат. свед.».

всех осужденных за эти несерьезные государственные преступления приходилось на лиц, занятых сельским хозяйством, тогда как за другие государственные преступления на это занятие приходилось 7% [1]. Этим объясняется, по нашему мнению, большое количество государственных преступлений в Саратовском округе.

Диаграмма № 6

Урожай и государственные преступления
(отклонения от средней)



Поскольку окружному суду были подсудны несерьезные госуд. преступления, нельзя ожидать, чтобы между временем возникновения дел и осуждением протекал большой промежуток.

[1] Е. Н. Тарновский, Статистические сведения об осужденных за госуд. прест. в 1905 — 1912 г.г.,—«Ж. М. Ю.», декабрь 1915 г.

Конечно, для окончательных выводов нужен более обширный цифровой материал, чем данные за 8 лет, когда лишь опубликовывались сведения об осужденных за государственные преступления. Тем не менее, нельзя обойти молчанием большого соответствия между численностью этих преступлений и урожайностью. В общем, как возникшие дела, так и осуждения за исключением последнего года описывают ломаную, ярко сходную с ломаной урожаев: минимум на голодный 1911 год, максимум — на высокоурожайный 1909 год и т. д. Коэффициент корреляции возникших дел и урожаев равняется + 0,46 при совпадающих годах, при чем на его понижение оказывает влияние последний год, да кроме того, период в восемь лет недостаточно велик. Что касается чисел осужденных, то коэффициент корреляции равняется + 0,43 (при совпадающих годах, далее уменьшаясь).

Из 100 осужденных, напр., в 1912 году за государственные преступления 43,6% совершили их в состоянии опьянения, тогда как в среднем этот % равнялся 6,3.

Таким образом, «государственные» преступления, подсудные окружному суду, зависят в сельских местностях преимущественно от алкоголя, потребление которого росло вместе с ростом урожайности, находясь с этой последней в прямой связи.

VII. Урожайность и пол осужденных

Рассмотрение данных о различных преступлениях и осужденных за эти преступления указало на тесную зависимость их от урожайности. Но в числе осужденных были разные лица: мужчины, женщины, холостые, женатые, вдовые, молодые и старики, жители уезда и города, рабочие, крестьяне и хозяева. Поэтому представляет громадный интерес выяснить, насколько урожайность отразилась на преступности той или другой группы. В предыдущем изложении было выяснено, что непосредственное из года в год рассмотрение движения преступности в сравнении с урожайностью соответствующих лет вполне подтверждается исчислением коэффициентов урожайности. Этот второй способ сравнения, как более точный, краткий и ясный, далее будет преимущественно применяться, поскольку выше при обращении к непосредственным данным повсюду выводы оказывались тождественными.

Обращаясь к коэффициентам корреляции различных половых групп осужденных и урожайности, имеем:

Соотношение годов осуждений и урожайности	Окружный суд 1890—1901 г.г.		Местн. суд. учр. 1890—1901 г.г.		Окружный суд 1902—1913 г.г.		Местн. суд. учр. 1902—1913 г.г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
— 1	+ 0,01	+ 0,22	+ 0,08	+ 0,04	+ 0,26	+ 0,83	+ 0,74	+ 0,35
0	— 0,25	— 0,26	— 0,27	— 0,02	— 0,36	+ 0,25	+ 0,48	+ 0,33
1	— 0,78	— 0,72	— 0,63	+ 0,24	— 0,50	— 0,44	— 0,14	+ 0,20
2	— 0,68	— 0,59	— 0,57	— 0,18	— 0,26	— 0,13	— 0,66	+ 0,08
3	— 0,34	— 0,32	— 0,22	+ 0,10	— 0,06	+ 0,33	+ 0,01	+ 0,07
4	+ 0,03	0	— 0,10	+ 0,36	+ 0,14	0	+ 0,34	— 0,24

Сбивчивую картину представляют осужденные женщины в местных судах за оба периода. Надо думать, что объясняется это, во-первых, небольшим числом осужденных женщин и возможными отсюда случайными колебаниями, а главное тем, что местным судам были подсудны не серьезные преступления, и в голодное время судебно-следственный аппарат расстраивался и не мог тщательно следить за этими мелкими делами, а возможно и процент оправданных здесь повышался в связи с тем, что это были проступки под влиянием нужды, вызванной бедствием.

Во всех остальных 6 случаях то характерное цикличное изменение коэффициентов корреляции, которое наблюдалось нами ранее, повторяется и здесь, равно как и смещение максимального отрицательного коэффициента корреляции во втором периоде. Сравнивая осужденных мужчин и женщин в окружных судах, видим аналогичную зависимость их преступлений от колебаний урожайности.

Хотя коэффициенты корреляции осужденных женщин и урожайности и меньше, чем таковые же у мужчин, но это, однако, объясняется очень малыми числами осужденных женщин и большим размером случайных колебаний. Как видно из непосредственных данных, число осужденных женщин в благополучных 1895—1896 г.г. упало в три раза по сравнению с 1891 г., тогда как мужчин — только в два раза.

Аналогичная картина наблюдается и по отдельным преступлениям. Осужденные за кражу и убийства, где наблюдалась особенно яркая картина коэффициентов корреляции, при разделении по полу подтверждают сказанное выше.

Соотношение годов осуждений и урожайности.	Окружный суд								Местные судебн. учрежд			
	1890—1901 г.г.				1902—1913 г.г.				1890-1901 г.г.		1902-1913 г.г.	
	Кражи		Убийства		Кражи		Убийства		Кражи			
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
— 1	+ 0,13	— 0,09	+ 0,21	+ 0,12	+ 0,38	+ 0,71	+ 0,36	+ 0,36	+ 0,01	— 0,36	+ 0,65	+ 0,34
0	— 0,27	— 0,75	— 0,21	+ 0,12	+ 0,41	+ 0,41	— 0,46	— 0,20	— 0,24	— 0,26	+ 0,45	+ 0,31
1	— 0,78	— 0,59	— 0,54	— 0,28	— 0,19	— 0,08	— 0,36	— 0,64	— 0,70	— 0,29	— 0,14	+ 0,27
2	— 0,47	— 0,16	— 0,25	— 0,43	— 0,57	— 0,26	+ 0,19	— 0,07	— 0,62	— 0,29	— 0,70	— 0,15
3	— 0,15	— 0,01	+ 0,02	— 0,34	+ 0,01	+ 0,05	+ 0,29	+ 0,27	— 0,08	+ 0,10	0	+ 0,14
4	— 0,15	+ 0,16	+ 0,17	+ 0,05	+ 0,21	+ 0,27	+ 0,10	— 0,06	+ 0,04	— 0,13	+ 0,36	— 0,06

Не повторяя того, что не один раз указывалось о характере коэффициентов, их цикличности, более ясной в первой части периода, и т. п., небезынтересно обратить внимание на две особенности этих коэффициентов. Первая — это запаздывание коэффициентов у женщин, осужденных за убийство. Как показывают непосредственные данные, оказывается, что число мужчин, осужденных за убийство, возрастает в самый неурожайный год и следующий за ним, а затем быстро падает. Не то у женщин — их число повышается на следующие за неурожайным годы. Видимо, здесь можно предположить, что голод не так скоро очерствляет

женщин, как мужчин, но разрушения психики, вызванные им, сказываются на женщине дольше. Можно в развитие этого предположить, что выбрасывание из обычной колеи, разрушение семьи и т. п. для женщины является надолго чувствительным. Этим и объясняется странный характер сбивчивых коэффициентов женщин, осужденных в местных судах за кражи.

Оказывается также, что число осужденных мужчин уже в 1894 г. опустилось до своего уровня, тогда как число женщин не падает до 1896 г., — так чувствительно отозвался на них голод 1891 г. Но неурожаи 1897 и 1898 года сейчас же подняли их преступность. Поэтому обычного соответствия преступности с урожаем в коэффициентах здесь и не наблюдаем.

Как общее заключение, можно таким образом признать, что по сравнению с мужчинами на женщин голод оказывал более гибельное влияние, и последствия его на их преступности сказывались в более сильной форме и более продолжительное время.

VIII. Возраст осужденных

Распределение осужденных по возрастным группам доказывает, что влияние неурожая сказывалось на всех группах. Для получения более значительных групп нами соединены возрастные группы официальной статистики и взяты: 10—17 — юные осужденные, 20—50 — зрелый возраст, и старше 50 — старики.

Соотношение годов осуждений и урожайности.	1890 — 1901 г.г.						1902 — 1913 г.г.					
	Окружный суд			Местные суды			Окружный суд			Местные суды		
	10—17 лет.	20—50 лет.	Старше 50.	10—17 лет.	20—50 лет.	Старше 50.	10—17 лет.	20—50 лет.	Старше 50.	10—17 лет.	20—50 лет.	Старше 50.
— 1	— 0,21	+ 0,03	+ 0,08	+ 0,09	+ 0,01	+ 0,01	+ 0,08	+ 0,31	+ 0,50	+ 0,16	+ 0,41	+ 0,32
0	— 0,13	— 0,45	— 0,27	— 0,15	— 0,16	— 0,04	— 0,14	— 0,33	— 0,41	+ 0,48	+ 0,27	+ 0,16
1	— 0,08	— 0,83	— 0,78	— 0,06	— 0,62	+ 0,03	0	— 0,55	— 0,59	+ 0,12	— 0,15	— 0,30
2	— 0,31	— 0,55	— 0,72	— 0,24	— 0,69	— 0,30	— 0,40	— 0,06	— 0,10	— 0,08	— 0,36	— 0,08
3	— 0,70	— 0,13	— 0,34	— 0,31	— 0,21	— 0,40	+ 0,10	+ 0,01	— 0,06	— 0,07	— 0,25	— 0,42
4	— 0,58	+ 0,11	+ 0,01	— 0,48	— 0,06	— 0,06	+ 0,32	+ 0,25	+ 0,28	— 0,06	+ 0,17	— 0,12

Коэффициенты корреляции, относящиеся к группе 20—50 лет, имеют тот же вид, который ранее мы имели по общим числам у мужчин и т. п., что происходит, разумеется, оттого, что данная группа представляет собой в сущности основной кадр осужденных. Значительно более интересны и новы в этой таблице коэффициенты, относящиеся к детям и старикам.

Коэффициенты, характеризующие связь осужденных детей и урожайности, усиливаются и достигают максимального отрицательного значения позднее, чем обычно, а именно на третий или второй год сравнительно с урожаем. Объясняется это, очевидно, тем, что в годину голода на преступность детей не обращается внимания, к ним относятся снисходительней, чем ко взрослым, как население, так и органы власти. Выбитые голодным годом из колеи нормальной жизни, дети в суд попадают в большом числе, когда волна голода спала, жизнь улеглась в нормальное русло, и на этом фоне стали значительно более заметны и привлекают внимание дети-преступники — результат прошлого голода. В том, что детская преступность в Самарской губернии шла волнами, — никакого сомнения быть не может: это видно и из коэффициентов корреляции и непосредственных данных.

Остановимся для примера на голодном 1891 г. Максимум осужденных детей после него падает на очень урожайные 1894 и 1895 годы (окружные и местные судебные учреждения), после чего волна осужденных детей спадает в несколько раз.

Усиление преступности стариков в соотношении с урожайностью также совершенно очевидно, при чем эти коэффициенты сходны с группой 20—50 лет, отличаясь, правда, меньшей выразительностью, видимо, по причине небольших чисел осужденных по этой группе.

IX. Семейное положение осужденных

Если колебания урожайности имели своим последствием соответствующие колебания разных видов преступности у обоих полов, то оказалось, что различные семейные группы давали большее или меньшее число осужденных в соответствии с колебанием урожаев. Коэффициенты корреляции общих чисел осужденных по различным группам семейного положения и полу с урожайностью были:

Окружный суд

Соотношение годов осуждений и урожайности	1890 — 1901 г.г.						1902 — 1913 г.г.					
	Холостых и девиц		Состоящих в браке, вдовых и разведенных				Холостых и девиц		Состоящих в браке, вдовых и разведенных			
			Бездетных		Имеющих детей				Бездетных		Имеющих детей	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
— 1	+ 0,26	+ 0,30	+ 0,06	— 0,24	— 0,05	+ 0,15	+ 0,25	+ 0,43	+ 0,32	+ 0,18	+ 0,28	+ 0,57
0	— 0,15	— 0,31	— 0,21	+ 0,08	— 0,18	— 0,41	— 0,13	— 0,41	+ 0,03	+ 0,29	— 0,39	+ 0,36
1	— 0,66	— 0,43	— 0,90	— 0,33	— 0,67	— 0,85	— 0,30	— 0,50	— 0,37	+ 0,11	— 0,51	— 0,30
2	— 0,43	— 0,18	— 0,46	— 0,56	— 0,60	— 0,59	— 0,24	+ 0,01	— 0,44	— 0.01	+ 0,05	+ 0,07
3	— 0,23	— 0,41	— 0,01	— 0,09	— 0,23	— 0,05	+ 0,40	+ 0,10	+ 0,16	+ 0,08	— 0,09	+ 0.24
4	— 0,21	— 0,12	+ 0,16	+ 0,06	+ 0,19	+ 0,20	+ 0,25	+ 0,23	+ 0,48	— 0,22	+ 0,09	+ 0,06

Местные судебные учреждения.

Соотношение годов осуждений и урожайности	1890 — 1901 г.г.						1902 — 1913 г.г.					
	Холостых и девиц		Состоящих в браке, вдовых и разведенных				Холостых и девиц		Состоящих в браке, вдовых и разведенных			
			Бездетных		Имеющих детей				Бездетных		Имеющих детей	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
— 1	+ 0,24	— 0,14	— 0,05	+ 0,04	+ 0,37	—	+ 0,14	+ 0,27	+ 0,63	+ 0,38	+ 0,36	—
0	— 0,31	+ 0,36	— 0,22	— 0,09	— 0,10	—	+ 0,66	+ 0,50	+ 0,30	+ 0,45	+ 0,36	—
1	— 0,82	+ 0,16	— 0,44	+ 0,28	— 0,12	—	+ 0,08	+ 0,31	— 0,40	+ 0,06	— 0,04	—
2	— 0,47	+ 0,03	— 0,59	+ 0,01	— 0,07	—	+ 0,01	— 0,12	— 0,44	+ 0,02	— 0,46	—
3	— 0,13	+ 0,14	— 0,34	+ 0,12	— 0,33	—	+ 0,07	+ 0,14	+ 0,12	+ 0,14	— 0,29	—
4	— 0,07	— 0,42	— 0,22	+ 0,56	— 0,64	—	— 0,11	— 0 08	+ 0,34	— 0,10	+ 0,20	—

В местных судах часто мы видим необычный характер коэффициентов. Обращаясь к самим непосредственным числам осужденных, можно видеть то же несоответствие движения их с движением урожайности. Если растройство деятельности местного судебного аппарата объясняет отчасти это явление, то, с другой стороны, числа осужденных весьма симптоматичны. После 1891 г. число осужденных часто не падает в продолжение нескольких следующих лет, что и отражается на рядах коэффициентов.

Не останавливаясь на деталях, отметим, что голод не пощадил ни одной группы лиц разного семейного положения.

X. Город и уезд

Неурожай постигал сельское население, однако и горожане, оказалось, испытывали на себе его последствия, поскольку нарушалась правильная жизнь губернии и поскольку экономическая жизнь городов Самарской губ. была приспособлена и покоилась на базисе производящей губернии. Числа осужденных, совершивших преступление в городе и уезде, с урожаями дают следующие коэффициенты:

Соотношение годов осуждений и урожайности	Окружный суд				Местные судебн. учреждения			
	1890—1901 г.г.		1902—1913 г.г.		1890—1901 г.г.		1902—1913 г.г.	
	Город	Уезд	Город	Уезд	Город	Уезд	Город	Уезд
— 1	— 0,03	+ 0,10	+ 0,51	+ 0,29	+ 0,13	+ 0,06	+ 0,09	+ 0,81
0	— 0,41	— 0,08	+ 0,26	— 0,37	— 0,09	— 0,25	+ 0,72	+ 0,26
1	— 0,66	— 0,83	— 0,38	— 0,50	— 0,58	— 0,45	+ 0,17	— 0,19
2	— 0,29	— 0,68	— 0,77	— 0,03	— 0,23	— 0,59	— 0,17	— 0,38
3	— 0,35	— 0,22	+ 0,17	— 0,04	+ 0,32	— 0,39	+ 0,02	— 0,24
4	+ 0,06	— 0,06	+ 0,46	+ 0,24	+ 0,24	— 0,24	+ 0,06	+ 0,05

Нельзя, однако, не признать, что коэффициенты корреляции осужденных за преступления, совершенные в уезде, выше, чем коэффициенты городских преступников. Непосредственное рассмотрение данных также указывает на больший параллелизм движения урожайности и первых, нежели вторых, осужденных. Это вполне понятно, так как жизнь сельского обитателя, его благосостояние зависят в полной мере от урожая.

XI. Занятия осужденных

И здесь вправе ожидать, что действие урожая имело не одинаковые последствия. В самом деле, рассматривая коэффициенты корреляции, наблюдаем:

Соотношение годов осуждений и урожайности	Окружный суд				Местные судебные учреждения					
	1890—1901 г.г.		1902—1913 г.г.		1890–1901 г.г.			1902—1913 г.г.		
	Рабочие и поденщики	Хлебопаш.	Рабочие и поденщики	Хлебопаш.	Рабочие и поденщики	Хлебопаш.	Хоз., арендат., пром. и админ.	Рабочие и поденщики	Хлебопаш.	Хоз., арендат., пром. и админ.
— 1	+ 0,25	+ 0,20	+ 0,46	+ 0,31	+ 0,01	+ 0,09	+ 0,03	+ 0,55	+ 0,44	+ 0,36
0	— 0,04	— 0,05	+ 0,32	— 0,42	— 0,44	— 0,27	— 0,10	+ 0,25	+ 0,44	+ 0,41
1	— 0,31	— 0,80	— 0,40	— 0,52	— 0,62	— 0,56	— 0,72	— 0,06	— 0,39	+ 0,22
2	— 0,14	— 0,66	— 0,23	+ 0,05	— 0,54	— 0,55	— 0,54	+ 0,13	— 0,69	— 0,28
3	— 0,20	— 0,33	+ 0,33	— 0,09	— 0,01	— 0,27	+ 0,10	+ 0,42	— 0,01	+ 0,07
4	— 0,34	+ 0,03	+ 0,39	+ 0,07	+ 0,32	— 0,15	+ 0,11	— 0,19	+ 0,34	— 0,09

Наибольшая зависимость наблюдается между урожайностью и хлебопашцами. Даже во вторую половину периода в местных судах, где многие группы осужденных не обнаруживают закономерности, у хлебопашцев зависимость от урожая выражается внушительной цифрой—0,69.

Однако и другие группы (в окружном суде — в течение всего периода, в местных судах — в первой половине) дают ясно выраженную зависимость от урожаев. Оказывается, что рабочие, поденщики и даже предприниматели давали повышенную преступность в связи с неурожаями.

Рассмотренные данные о числе возникших у судебных следователей дел, о числе осужденных в Самарском окружном суде и местных судебных учреждениях Самарской губернии привели к выводу о влиянии урожая в этой губернии на рассмотренные виды преступлений. Подтвердив уже давно известный вывод об обратном соотношении между урожаем и похищениями, данные Самарской губернии указали на зависимость от урожая также и особого вида имущественных преступлений — совершаемых должностными лицами. Числа осужденных за преступления против жизни (убийства и детоубийства) указывают, что распро-

страненное мнение об обратном соотношении между этими преступлениями и урожайностью нуждается в оговорках и поправках, и соотношение между осужденными и урожаями обратно соотношению урожаев с возникшими делами об убийствах. Оказывается, что ухудшение экономического положения может влиять на увеличение и этих преступлений. Наконец, на примере преступлений, совершаемых в состоянии опьянения (государственные, подсудные окружному суду), можно было убедиться, как хороший урожай, повышая потребление алкоголя, может повысить преступления, совершаемые под влиянием алкоголя.

Обратное соотношение между урожаями и общими числами указало, что распространенный взгляд об отсутствии связи между ними не всегда справедлив: в тех случаях, когда в сумму общих чисел входят большие слагаемые, находящиеся под влиянием различных факторов, общие числа могут не отразить этих разно влияющих на преступность причин. Как это, например, бывает в общих числах по большим районам с экономически различными частями, влияние экономических факторов, важных для некоторых местностей, будет затушевываться в общей массе. Это и отразилось во взгляде на общие числа, как не характерные для исследования. Наши данные указали, что при небольших однородных районах и эти общие числа могут обнаруживать влияние урожая.

Рассмотрение осужденных в связи с полом, возрастом, семейным положением, по городу, уезду и занятиям показало, что неурожай нес увеличение преступности для всех групп, хотя не в равной степени. Земледельцы, жители уезда, страдали сильнее, чем горожане.

Выбитые голодом из колеи женщины и дети более долгое время испытывали последствия неурожая, чем взрослые мужчины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

О цикличности урожаев и преступности Самарской губернии

Сравнивая числа осужденных и урожая, было необходимо, как это указывалось, сопоставить числа осужденных с урожаями не только этих же лет, но и предыдущих, при чем оказалось, что изменение коэффициентов корреляции является закономерным. Такая закономерность может явиться следствием цикличности сопоставляемых рядов. Но если ряды цикличны, то можно продолжить дальше смещение годов урожая по отношению к годам преступности, выражаемой числами осужденных. Мы предполагаем, что преступность вызывается урожаем: 1) того же года, 2) предшествующего года, 3) третьего года и т. д. до 4 лет, предположив даже практически невозможную, но теоретически интересную комбинацию: преступность *предшествует* урожаям на 1 год. При всех этих вычислениях для главнейших видов преступности получились закономерные изменения коэффициентов корреляции. Но если наши ряды цикличны, то надо ожидать и дальнейшей закономерности изменения коэффициентов корреляции, если смещение производить дальше. Следует ожидать, что при сопоставлении цикла преступности с циклом не только ей соответствующим, но и предыдущим получатся большие отрицательные значения коэффициентов, когда будут сравниваться годы большого урожая с годами малой преступности, при чем значения коэффициентов при постепенном смещении должны закономерно изменяться от больших отрицательных значений к большим положительным значениям, затем, наоборот, эти положительные значения должны уменьшаться до 0 и переходить в отрицательные и т. д.

Действительно, это и наблюдается. Вот изменение коэффициентов корреляции при последовательном смещении урожая по сравнению с преступностью по двум наиболее значительным группам осужденных в период 1903—1913 г.г.

Соотношение урожая и чисел осужденных	Коэффиц. коррел. чисел осужд. в местных судах и урожая	
	За все престуи.	За похищения
Урожай отстает на год от года осуждений	+ 0,73	+ 0,03
» совпадает с годом »	+ 0,55	+ 0,48
» предшествует на 1 г. году осуждений . . .	— 0,08	— 0,04
» » » 2 » » » . . .	— 0,64	— 0,64
» » » 3 » » » . . .	0	— 0,01
» » » 4 » » » . . .	+ 0,40	+ 0,34
» » » 5 » » » . . .	— 0,03	— 0,02
» » » 6 » » » . . .	— 0,17	— 0,22
» » » 7 » » » . . .	— 0,31	— 0,31
» » » 8 » » » . . .	+ 0,15	+ 0,08
» » » 9 » » » . . .	+ 0,56	+ 0,39
» » » 10 » » » . . .	— 0,34	— 0,28
» » » 11 » » » . . .	— 0,63	— 0,38
» » 12 » » » . . .	— 0,31	— 0,16

Урожайность, цена ржи, общие числа возникших дел и осужденных, числа их подсудным округ

Годы.	Урожай сам	Цена 1 пуда ржи		Число возникших у судебных следователей дел		Общее число осужденных			П о х и
	Взвешенная средняя урожая пшеницы и ржи Наблюденный ряд	Средняя осени этого и следующего года	Отклонение от выровненного ряда	Число возникших дел Наблюденный ряд	Отклонение от выровненного ряда	Число осужденных в окруж-ном суде Наблюденный ряд	Число осужденных в местных судебных учреждениях		Число возникших у судебных следователей дел [1]
							Число осужденных Наблюденный ряд	Отклонение от выровненного ряда	Число возникших дел Наблюденный ряд
1886 . .	6,4	28							
1887 . .	3,3	34							
1888 . .	4,1	44							
1889 . .	4,1	49	—	—	—	—	—	—	—
1890 . .	3,2	46	—	—	—	847	1.796	—	—
1891 . .	1,4	126	+ 29	—	—	986	1.491	— 296	—
1892 . .	3,9	71	— 5	2.483	— 87	960	2.003	+ 334	851
1893 . .	5,0	36	— 25	2.459	+ 96	859	1.742	+ 180	793
1894 . .	7,6	30	— 18	2.289	+ 49	824	1.327	— 140	720
1895 . .	5,6	24	— 17	2.210	+ 17	489	1.312	— 71	685
1896 . .	6,7	22	— 14	2.139	— 77	479	1.052	— 258	712
1897 . .	4,0	49	+ 16	2.370	+ 72	466	1.300	+ 54	763
1898 . .	2,4	66	+ 31	2.557	+ 124	536	1.174	— 19	817
1899 . .	6,0	47	+ 10	2.529	— 86	822	1.340	+ 191	885
1900 . .	6,9	36	— 5	2.635	— 196	557	1.168	+ 54	904
1901 . .	2,9	58	+ 13	3.217	+ 141	517	1.217	+ 129	1.129
1902 . .	5,3	52	+ 1	3.017	— 326	625	1.235	+ 165	1.112
1903 . .	5,2	44	— 13	3.569	— 53	577	1.250	+ 190	1.173
1904 . .	8,7	45	— 18	3.611	— 296	481	1.000	— 58	1.309
1905 . .	3,8	63	— 6	4.856	+ 668	439	660	— 401	1.536
1906 . .	1,0	89	+ 14	5.228	+ 769	934	757	— 316	1.877
1907 . .	3,5	86	+ 7	4.513	— 198	872	976	— 114	1.715
1908 . .	4,1	81	— 1	4.342	— 595	925	1.308	+ 196	1.675
1909 . .	8,7	65	— 18	5.028	— 100	799	1.294	+ 153	1.998
1910 . .	6,4	54	— 28	5.162	— 114	663	1.221	+ 48	1.650
1911 . .	1,4	103	+ 26	5.408	+ 33	757	1.125	— 87	1.596
1912 . .	6,1	70	+ 2	5.464	+ 50	746	1.238	— 15	1.669
1913 . .	8,0	57	0	5.644	+ 257	739	1.369	+ 70	1.949
1914 . .	4,8	70	—	5.152	— 136	—	—	—	1.865
1915 . .	7,0	—	—	—	—	—	—	—	—

[1] Рубр. 36. Насильственное похищение имущества. Рубр. 38. Прочие случаи кражи.

[2] Рубр. 69. Разбой и грабеж 1 рода; 70. Грабеж 2 рода; 71. Насильств. вымогательство; вину обстоятельствами; 76. Другие случаи кражи.

[3] Рубр. 4. Похищение лесного материала; 5. Порубка леса; 6. Кража; 7. Кража с увеличив. шение на кражу; 12. Соучастие в краже.

[4] Рубр. 47. Др. случаи предумышл. убийства; 48. Др. случаи умышл. убийства; 49. Убийства с

[5] Рубр. 13. Растрата, пресг. пользов. чужим имуществом: 14. Служебные подлоги; 15. Мздо-

Приложение 2

по похищениям, убийствам, служебным и государственным преступлениям, ному суду

щ е н и я		У б и й с т в а		Дето-	Служебные преступления				Государствен. преступления	
Число осужденных в окружном суде [2]		Число осужденных в местных суд. учрежд. [3]		Число возникших у судебных следователей дел		Число осужденных в окружном суде [4]	убийства	Число возникших у судебных следователей дел		Число осужденных в окружном суде [5]		Число возникших у судебных следователей дел	Число осужденных в окружном суде
Число осужденных Наблюденный ряд	Отклонение от выровненного ряда	Число осужденных Наблюденный ряд	Отклонение от выровненного ряда	Число возникших дел. Наблюденный ряд	Отклонение от выровненного ряда.	Число осужденных в окружном суде Наблюденный ряд	Число осужденных в окружном суде Наблюденный ряд	Число возникших дел Наблюденный ряд	Отклонение от выровненного ряда	Число осужденных Наблюденный ряд	Отклонение от выровненного ряда	Число возникших у судебных следователей дел Наблюденный ряд	Число осужденных в окружном суде Наблюденный ряд
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
323	—	1.375	—	—	—	82	1	—	—	16	—	—	—
383	— 1	1.221	— 181	—	—	56	12	—	—	14	+ 1	—	—
348	+ 12	1.618	+ 329	141	— 33	43	6	225	+ 16	18	+ 2	—	—
316	+ 19	1.256	+ 66	144	— 6	43	7	193	+ 8	15	— 3	—	—
246	— 19	971	— 131	171	+ 37	49	9	168	+ 2	28	+ 7	—	—
240	— 1	916	— 111	140	+ 15	44	3	125	— 25	19	— 3	—	—
195	— 26	783	— 181	132	+ 8	19	6	111	— 27	21	— 1	—	—
163	— 45	949	+ 36	173	+ 45	31	4	116	— 12	14	— 9	—	—
204	+ 6	905	+ 34	138	+ 1	47	7	125	+ 2	13	— 9	—	—
282	+ 89	1.011	+ 171	121	— 31	78	11	136	+ 16	27	+ 5	—	—
168	— 24	832	+ 14	152	— 16	37	7	133	+ 14	28	+ 7	—	—
167	— 27	777	— 28	164	— 23	27	8	134	+ 14	27	+ 8	—	—
233	+ 34	859	+ 59	168	— 40	35	13	144	+ 19	24	+ 6	—	—
228	+ 22	959	+ 156	197	— 33	58	8	155	+ 24	17	0	—	—
217	+ 3	807	— 7	234	— 18	37	2	118	— 21	15	0	—	—
175	— 50	577	— 255	311	+ 38	24	3	143	— 5	12	— 2	—	—
189	— 45	624	— 231	377	+ 85	71	5	129	— 28	4	— 8	—	7
286	+ 42	868	— 17	362	+ 52	60	12	194	+ 26	3	— 8	21	38
270	+ 17	1.188	+ 268	285	— 40	53	10	172	— 9	8	— 2	76	39
303	+ 42	1.078	+ 119	319	— 15	37	3	220	— 26	19	+ 9	79	43
249	— 20	1.021	+ 17	340	0	35	5	138	— 68	9	0	61	39
235	— 38	908	— 142	305	— 34	67	8	212	— 6	12	+ 2	40	20
249	— 25	1.075	— 26	323	— 9	79	3	287	+ 57	13	+ 1	41	26
307	+ 35	1.192	+ 39	352	+ 34	45	0	237	— 6	10	— 3	36	0
—	—	—	—	288	— 8	—	—	249	— 6	—	—	28	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

72. Кража со взломом; 73. Кража домашняя; 74. Кража вооруженная; 75. Кража со смягчающ.

вину обстоятельствами; 9. Кража со взломом; 10. Кража с умеными. вину обстоятельств.; 11. Поку-

непрямым умыслом, в драке и пр.
имство и лихоимство.

Осужденные местным судом и местными судебными учреждениями по

Годы	Из общего числа осуж													
	Кражи				Убийства		Семейное положе							
							Холостые и девицы				Состоящие в браке, разведен			
											Бездетные			
	Общие суд. места		Местные суд. учрежд.		Общие суд. места		Общие суд. места		Местные суд. учрежд.		Общие суд. места		Местные суд. учреж.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1890	300	23	1.260	115	75	7	174	13	470	30	98	23	1.153	120
1891	356	27	1.104	117	56	—	241	23	486	34	96	32	823	107
1892	323	25	1.487	131	36	7	170	10	573	47	258	12	1.235	114
1893	296	20	1.147	109	37	6	165	34	512	36	94	15	1.003	116
1894	239	7	858	113	42	7	185	17	356	36	82	14	791	110
1895	228	12	807	109	39	4	160	4	341	41	58	13	756	118
1896	186	9	704	79	18	1	132	11	329	68	61	10	569	48
1897	153	10	832	117	28	3	113	5	340	43	44	13	754	147
1898	190	14	806	93	43	4	128	11	353	31	66	6	637	121
1899	270	12	920	91	75	3	207	14	424	15	97	21	729	159
1900	159	9	741	91	35	2	133	4	309	34	60	16	666	153
1901	155	12	712	65	25	2	136	20	324	26	58	9	668	185
1902	220	13	768	91	34	1	186	13	371	37	55	15	606	197
1903	213	15	847	112	56	2	177	13	326	40	64	8	663	182
1904	206	11	746	61	34	3	150	7	331	30	52	6	259	42
1905	173	2	520	57	23	1	156	5	263	22	49	6	122	34
1906	177	12	562	62	68	3	196	10	322	17	98	8	109	49
1907	276	10	804	64	57	3	250	9	322	26	109	7	225	24
1908	256	14	1.109	79	50	3	233	14	308	28	102	10	325	35
1909	280	23	982	96	35	2	190	5	403	31	100	10	183	61
1910	238	11	886	135	35	—	203	5	422	54	82	16	148	57
1911	221	14	780	128	65	2	223	6	342	49	86	13	149	56
1912	232	17	950	125	71	8	236	5	483	51	95	13	159	59
1913	289	18	1.032	160	43	2	265	1	537	59	111	17	181	64

Приложение 3

полу, преступлениям, положению, возрасту, городам , уездам и профессии

д е н н ы х п р и х о д и л о с ь н а

ние			Возраст										Профессия				
вдовые и ные			От 10 до 17 лет		От 20 до 50 лет		50 лет и старше		Города		Уезды		Хлебопашцы		Рабочие, поденщики, сел. рабочие		Хозяева, арендаторы, промышл. и админ.
Имеющие детей																	
Общие суд. места		Местные суд. учреж.	Общие суд. места	Местные суд. учреж.	Общие суд. места	Местные суд. учреж.	Общие суд. места	Местные суд. учреж.	Общие суд. места	Местные суд. учреж.	Общие суд. места	Местные суд. учреж.	Общие суд. места	Местные суд. учреж.	Общие суд. места	Местные суд. учреж.	Местные суд. учреж.
Муж.	Жен.	Муж.	Об. п.	Об. п.	Об. п.	Об. п.	Об. п.	Об. п.	Об. п.	Об. п.	Об. п.	Об. п.	Об. и.	Об. п.	Об. п.	Об. п.	Об. п.
503	29	19	10	72	654	1.335	133	187	183	418	656	1.292	420	911	42	614	39
543	47	31	13	63	748	1.091	153	115	181	367	805	1.101	502	695	56	567	33
474	35	25	10	86	698	1.490	187	170	152	521	805	1.477	427	1.005	40	685	41
514	33	53	8	89	613	1.260	169	169	135	549	724	1.181	503	813	49	627	43
496	21	28	21	56	600	967	136	151	157	386	666	934	461	653	49	415	33
233	14	49	8	199	371	951	58	157	123	351	365	957	224	614	41	421	27
253	9	25	5	40	358	753	64	129	108	397	369	646	241	413	41	386	32
279	11	12	4	41	361	921	63	155	114	436	352	852	241	523	41	486	34
293	22	19	3	28	423	847	66	119	133	387	403	777	290	512	37	431	29
452	31	7	2	13	630	977	103	148	180	426	642	899	426	533	66	580	34
323	21	5	7	22	415	878	91	124	127	332	429	830	278	480	29	464	18
276	17	10	8	25	381	871	69	157	157	356	358	855	219	505	44	520	17
340	16	17	2	33	475	860	78	152	188	399	437	831	289	470	61	668	—
295	20	33	4	3	412	102	90	4	227	425	347	821	284	432	58	596	2
248	18	281	—	30	366	709	66	112	180	415	300	581	224	381	46	455	1
208	15	205	3	25	336	462	46	73	168	207	271	449	169	217	23	325	5
614	8	232	7	20	713	549	124	50	137	398	797	358	676	184	60	449	—
479	16	359	6	27	657	693	95	117	245	339	627	637	446	439	41	422	—
553	11	578	8	36	686	955	128	161	231	284	691	1.021	518	640	60	474	12
466	25	546	5	51	630	926	93	134	197	454	600	826	381	444	52	547	18
351	5	421	7	84	537	866	49	109	179	550	484	671	293	343	49	554	15
410	18	420	5	68	597	770	78	133	175	346	582	779	344	140	40	626	8
371	25	421	5	95	599	869	72	82	177	547	569	691	323	257	66	636	29
330	15	468	13	108	573	931	46	90	213	615	526	754	271	453	75	576	6

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ

стр.

Зайцев, Вл. Влияния колебаний урожаев на естественное движение населения 3

Зайцев, Вл. К вопросу о численности населения Европейской России 60

Гернет, М. Н. Голод и преступность 94

Куфаев, В. Н. Преступность и урожай в Ульяновской губернии с 1892 г. по 1913 г. 133

Родин, Д. П. Влияние урожайности на преступность по данным Самарской губернии 156

Приложения 193